

Учреждение высшего образования
«Университет управления «ГИСБИ»

На правах рукописи

Султанов Айдар Рустэмович

**Постановления Европейского Суда по правам человека
в гражданском процессе Российской Федерации**

Специальность: 12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научные руководители:

кандидат юридических наук, профессор,

заслуженный юрист РСФСР

Н. И. Клейн

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный юрист Республики Татарстан

Д. Х. Валеев

Казань, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБРАЩЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РФ	23
1.1. Закрепление в российском процессуальном праве применения права международных договоров и последствий обращения в международные правозащитные органы.....	23
1.2. Формирование процессуальной формы для исполнения Постановлений ЕСПЧ в гражданском процессе.....	44
1.3. Постановления ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ как юридические факты процессуального права.....	88
1.4. Об обязательности толкований ЕСПЧ и применении судами Постановлений Европейского Суда по правам человека.....	109
1.5. О влиянии Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановлений ЕСПЧ на национальное процессуальное законодательство.....	121
1.6. Преюдициальность фактов, установленных ЕСПЧ.....	136
1.7. Правовые позиции ЕСПЧ о должной правовой процедуре и процессуальных гарантиях в делах о нарушении материальных норм Конвенции.....	143
ГЛАВА 2. ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ	166
2.1. О возможности обоснования обращений в Конституционный Суд РФ с использованием правовых позиций ЕСПЧ.....	166
2.2. Применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при	

	оспаривании ограничения права на обжалование лицами, не привлеченными к рассмотрению дела, о чьих правах и обязанностях было вынесено судебное постановление (ст. 336 ГПК РФ).....	176
2.3.	Применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании положений ст. 389 ГПК РФ, предусматривавших ничем не ограниченное право Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей внести представление в Президиум Верховного Суда РФ.....	181
2.4.	Применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании положений АПК РФ об отводе арбитражных заседателей.....	189
ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ НА ПРИМЕНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕСПЧ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....		208
3.1.	Влияние Постановления Пленума Верховного Суда РФ от № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» на имплементацию постановлений ЕСПЧ.....	208
3.2.	Влияние рассмотрения в Конституционном Суде РФ запроса Президиума Ленинградского окружного военного суда о конституционности п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 во взаимосвязи со ст. 11 ГПК РФ на гражданский процесс.....	218
3.3.	Влияние рассмотрения в Конституционном Суде РФ запроса группы депутатов «О проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах	

	Российской Федерации» на гражданский процесс.....	263
3.4.	Влияние Заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“» на гражданский процесс.....	291
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	312
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	330

ВВЕДЕНИЕ

Всеобщая декларация прав человека (далее – Всеобщая декларация) была принята в 1949 г. с целью признания достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и их равных и неотъемлемых прав основой свободы, во имя справедливости и всеобщего мира. Ее авторы хотели сделать права и свободы человека общепризнанными. Вся последующая практика в области защиты прав человека позволяет прийти к выводу о том, что они добились своей цели – положения Всеобщей декларации в настоящее время можно отнести к общепризнанным принципам и нормам международного права.

Для обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации, государства – члены Совета Европы подписали Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Это соглашение стало следующим этапом признания человека субъектом международного права.

Особое значение для защиты прав и свобод человека имеет, безусловно, область судопроизводства – процедура, *a priori* устанавливающая единые стандарты защиты нарушенных основных свобод и прав человека. Соответственно, исследование влияния практики Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, ЕСПЧ) на гражданское судопроизводство представляется весьма актуальным и востребованным.

Европейский Суд по правам человека устанавливает высокие требования ко всем аспектам сферы гражданского судопроизводства.

Статью 6 Конвенции можно назвать ее сердцем, поскольку она обеспечивает защиту всех гарантируемых Конвенцией прав. Так, п. 1 ст. 6 Конвенции устанавливает право на суд, один из аспектов которого составляет право на доступ к суду, т. е. право инициировать исковое производство в судах по гражданским делам (см. дело *Golder v. the United Kingdom* (Голдер против Соединенного Королевства), п. 36). Право на суд и право на доступ к суду не являются абсолютными. Они могут подлежать ограничениям, но такие

ограничения не должны ущемлять или уменьшать доступ лица таким образом или до такой степени, чтобы обесценивалась сама сущность этого права (см. *Philis v. Greece* (Филис против Греции), п. 59; *De Geouffre de la Pradelle v. France* (Де Геоффре де ла Прадалле против Франции), п. 28, и *Stanev v. Bulgaria* [GC] (Станев против Болгарии [БП]), п. 229)¹.

Однако вопросы прямого применения норм Конвенции и толкований Европейского Суда по правам человека, круга обязательств России, вытекающих из участия в Конвенции, стали сегодня актуальными и требующими своего разрешения в судебной практике. Очевидно, что законодатель и правоприменительные органы должны были учитывать правовые позиции ЕСПЧ, содержащие толкование положений Конвенции, это давало надежду гражданам и практикующим юристам на использование более высокого правового стандарта в спорах с государственными органами. Поскольку этого не было сделано, Россия в очень короткие сроки стала одним из лидеров по количеству поданных против нее жалоб.

Первое в отношении Российского государства Постановление Европейского Суда по правам человека было вынесено 7 мая 2002 г. по делу *Burdov v. Russia* (Бурдов против России). Практически с каждым годом число принятых ЕСПЧ к рассмотрению жалоб против России увеличивается.

Согласно открытым данным, в 2020 г. отмечен рост числа поступивших в ЕСПЧ жалоб в отношении Российской Федерации. При этом из расчета на 10 тыс. населения Россия по-прежнему не входит в число основных лидеров и по этому показателю замыкает второй десяток стран Совета Европы.

Соответственно, одновременно растет количество практических вопросов, связанных с урегулированием спорных моментов, зачастую не решенных в наших процессуальных кодексах или решенных противоречиво. По нашему мнению, это

¹ Руководство по статье 6 Конвенции – право на справедливое судебное разбирательство (гражданско-правовой аспект) // Council of Europe/European Court of Human Rights, 2013. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_RUS.pdf.

отчасти вызвано отсутствием определенности в понимании правовой природы постановлений Европейского Суда по правам человека, поскольку сами постановления ЕСПЧ как правовое явление для российской доктрины являются сравнительно новыми и все еще дискуссионными.

Кроме того, за последнее десятилетие появились диссертационные исследования, в которых предпринимается попытка обосновать, что деятельность ЕСПЧ не является правосудием, из чего делается вывод о необязательности толкований ЕСПЧ (путем отнесения их к «мягкому праву»), о невозможности отнесения ни Конвенции, ни постановлений ЕСПЧ к источникам процессуального права и т. д. На наш взгляд, это является шагом назад в оценке роли постановлений Европейского Суда по правам человека.

Практика ЕСПЧ уже вызвала в России несколько волн судебной реформы, которым порой придавался вид исполнений ЕСПЧ, в то же время состояние защиты прав и свобод человека далеко от идеала. Таким образом, **научная актуальность** работы мотивирована необходимостью исследования роли постановлений ЕСПЧ в российском гражданском судопроизводстве.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования как раз и определяется дефицитом и противоречивостью исследований указанного вопроса. Отдельные аспекты деятельности ЕСПЧ и влияния Конвенции на российскую правовую систему освещались представителями отечественной науки, в частности, разрабатывались вопросы о: месте Конвенции в правовой системе России (П. А. Лаптев); реализации Конвенции в правовой системе Российской Федерации в контексте права на судебную защиту (А. Д. Шурутина); процедуре обращения и рассмотрения жалоб в ЕСПЧ (Р. А. Антропов, Н. И. Квитко, Д. Г. Курдюков, А. Н. Русов, О. С. Чернышева, А. А. Чертов); принципах, реализуемых в деятельности ЕСПЧ (К. С. Аристова, Д. В. Красиков); правовых последствиях постановлений ЕСПЧ (А. В. Деменова); влиянии деятельности ЕСПЧ на национальное законодательство и правоприменительную практику (А. А. Корнилова, Д. С. Насардинов, С. Ш. Осман-Заде, О. В. Садчикова); определении места постановлений ЕСПЧ среди

источников права (И. С. Метлова); взаимодействии ЕСПЧ и национальных судебных юрисдикций (М. Я. Любченко).

В числе научных исследований влияния Конвенции и постановлений ЕСПЧ на гражданское судопроизводство необходимо выделить, в частности, работы о: праве на справедливое судебное разбирательство, его общей характеристике и реализации в российском гражданском судопроизводстве (С. Ф. Афанасьев); постановлениях Европейского суда по правам человека в гражданском процессе (И. В. Воронцова, Т. В. Соловьева); применении европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе (М. Е. Грачева); решениях ЕСПЧ в гражданском судопроизводстве (Э. В. Иодковский); исполнении постановлений ЕСПЧ в гражданском и арбитражном процессах (К. В. Машкова).

Вместе с тем предпринятый обзор указывает на отсутствие в отечественной процессуальной доктрине специальных работ, которые с учетом последних законодательных изменений раскрывали бы значение постановлений ЕСПЧ в гражданском процессе.

Объектом диссертационного исследования являются складывающиеся в ходе рассмотрения дел судами РФ отношения по защите охраняемых Конвенцией прав и свобод, а также воздействие на эти отношения Постановлений ЕСПЧ.

Предметом исследования выступают международные нормы и нормы гражданского процессуального законодательства, регулирующие юридические последствия постановлений ЕСПЧ, а также нормы, устанавливающие механизм исполнения обязательств, возникающих из постановлений ЕСПЧ в гражданском судопроизводстве, доктрина, правоприменительная практика.

Целью диссертационного исследования является формирование и обоснование целостного научного представления о постановлениях Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе как способе устранения правовой неопределенности в национальной судебной гражданской юрисдикции.

Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

– определить, как в российском процессуальном праве закреплялось применение права международных договоров и последствий обращения в международные правозащитные органы;

– исследовать формирование процессуальной формы для исполнения постановлений ЕСПЧ в гражданском процессе;

– раскрыть постановления ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ как юридические факты процессуального права;

– обосновать обязательность при рассмотрении дел толкований постановлений ЕСПЧ как содержащих, так и не содержащих общепризнанные принципы международного права и их применения судами;

– выявить влияние Конвенции и постановлений ЕСПЧ на национальные нормативные акты, в том числе регулирующие гражданский процесс;

– установить преюдициальность установленных ЕСПЧ фактов в гражданском судопроизводстве;

– определить правовые позиции ЕСПЧ о должной правовой процедуре и процессуальных гарантиях в делах о нарушении материальных норм Конвенции;

– обосновать возможность обращений в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ, КС РФ) с использованием правовых позиций ЕСПЧ;

– раскрыть применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании ограничения права на обжалование лицами, не привлеченными к рассмотрению дела, о правах и обязанностях которых было вынесено судебное постановление;

– раскрыть применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании положений ст. 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ), предусматривающих ничем не ограниченное право Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей внести представление в Президиум Верховного Суда РФ;

– раскрыть применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) об отводе арбитражных заседателей;

– установить влияние Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» на имплементацию постановлений ЕСПЧ;

– определить влияние итогов рассмотрения в Конституционном Суде РФ запроса Президиума Ленинградского окружного военного суда о конституционности п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 во взаимосвязи со ст. 11 ГПК РФ на гражданский процесс;

– выявить влияние итогов рассмотрения в Конституционном Суде РФ запроса группы депутатов «О проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“» на гражданский процесс.

Теоретическую основу исследования составили труды в области международного и конституционного права, общей теории права, отраслевых наук: С. С. Алексеева, К. В. Арановского, М. В. Баглая, Н. С. Бондаря, В. Г. Буткевича, А. Л. Буркова, Е. В. Вавилина, Н. В. Витрука, Г. А. Гаджиева, Х. И. Гаджиева, Л. Гарлицкого, С. А. Грачевой (Перчаткиной), А. В. Деменевой, В. В. Ершова, Г. А. Жилина, В. Д. Зорькина, Б. Л. Зимненко, Б. Зупанчич, Г. В. Игнатенко, Р. Иеринга, В. А. Канашевского, Р. А. Каламкаряна, А. И. Ковлера, В. В. Лазарева, В. В. Лапаевой, А. В. Малько, Ф. Ф. Мартенса, Т. Г. Морщаковой, В. С. Нерсесянца, С. Б. Полякова, Мигеле де Сальвия, В. А. Туманова, О. В. Тиунова, Р. О. Халфиной, С. В. Черниченко, Б. С. Эбзеева, Г. Эллинека, В. Ф. Яковлева и др.

Использованы труды представителей науки процессуального права: Т. Е. Абовой, Д. Б. Абушенко, Т. Т. Алиева, С. Ф. Афанасьева, А. Т. Боннера, Е. А. Борисовой, О. Бюлова, Д. Х. Валеева, Е. В. Васьковского, М. А. Викут, И. В. Воронцовой, М. Е. Глазковой, Н. А. Громошиной, Р. Г. Гукасяна, Л. А. Грось, С. Л. Дегтярева, В. М. Жуйкова, С. К. Загайновой, Н. И. Клейн, О. Ю. Котова, Е. В. Кудрявцевой, Л. Ф. Лесницкой, М. И. Малинина, Р. М. Масладжиу, В. А. Мусина, Т. Н. Нешатаевой, М. Ш. Пацации, И. А. Приходько, И. В. Рехтиной, М. А. Рожковой, Е. Г. Стрельцовой, Т. В. Соловьевой, Ю. В. Тая, Л. А. Тереховой, В. В. Терехова, Д. А. Туманова, Г. Д. Улетовой, Я. Ф. Фасхетдинова, Р. В. Шакирьянова, М. З. Шварца, А. Ю. Юдина, В. В. Яркова.

Методологическую основу диссертационного исследования составили следующие общенаучные и частнонаучные методы познания: исторический, социологический, статистический, сравнительно-правовой, метод сравнительного правоведения и системного анализа правовых явлений.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили практика Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, правоприменительная практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции, экспертные заключения, полученные в ходе конституционного судопроизводства.

Научная новизна состоит в том, что на основе проведенного исследования обоснованы новые положения в теории гражданского процессуального права, уточняющие правовую природу постановлений Европейского Суда по правам человека и ее влияние на гражданское судопроизводство. Доказано, что постановления ЕСПЧ являются источниками гражданского процессуального права, интегрированными в национальную правовую систему и, одновременно, итогом конвенциональных охранительных правоотношений.

За время проведения исследования многие положения, впервые выдвинутые соискателем, такие как «право на обжалование судебного решения, вынесенного о правах и обязанностях лица, не привлеченного к рассмотрению дела, вытекает из

обязанности государства предоставить эффективную защиту (ст. 13 Конвенции)»; «право на доступ к суду включает право на обращение в суд второй инстанции»; «принцип субсидиарности обязывает создать национальное средство защиты»; «принцип *res judicata* гарантирует невозможность постановки вопроса об отмене окончательного судебного решения должностным лицом Верховного Суда РФ без обращения заявителей и без каких-либо ограничений по срокам»; «критерии объективной и субъективной беспристрастности в полной мере применимы и к арбитражным заседателям»; «обязательства России как страны – участника Конвенции по исполнению постановлений ЕСПЧ влекут обязанность по принятию мер, обеспечивающих, насколько это возможно, восстановление той ситуации, в которой находилось лицо до нарушения Конвенции (*restitutio in integrum*), и граждане, выигравшие дела в ЕСПЧ, имеют право на пересмотр ранее вынесенных судебных решений, даже при наличии пробела в ГПК РФ»; «право на доступ к суду должно исключать не только споры о подсудности, но и споры между судами о неподведомственности», уже стали реалиями сегодняшнего дня, после того как они прошли через горнило Конституционного Суда РФ и были использованы законодателем при внесении изменений в процессуальные кодексы, получили отражение в разъяснениях Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В тоже время в большинстве вышеизложенных идей были использованы более общие положения, которые еще не получили должной реализации в правоприменительной практике и законодательной работе, но, по нашему мнению, крайне важны, поскольку могут быть ключом для разрешения проблемы учета постановлений ЕСПЧ в гражданском процессе.

Соискателем предлагаются следующие **положения, выносимые на защиту**, как содержащие существенный элемент новизны:

1. Конвенциональное охранительное правоотношение, напрямую связанное с процессуальным правоотношением, возникает в момент нарушения прав и свобод, защищаемых Конвенцией, которые в большинстве своем относятся к неотчуждаемым естественным правам и свободам. Позитивное право является вторичным по отношению к неотчуждаемым естественным правам и свободам,

соответственно любое ограничение данных прав и свобод со стороны как правоприменителя, так и законодателя является вмешательством в указанные права и свободы.

2. Международное конвенциональное охранительное правоотношение – это правоотношение, возникающее при реализации охраняемых Конвенцией прав и свобод, которое может быть окончено вынесением решения национального суда и восстановлением нарушенных прав и свобод, при этом, когда национальные механизмы не сработали, не порождается новое охранительное правоотношение, а правоотношение продолжается в ЕСПЧ, причем данное правоотношение не прекращается вынесением постановления ЕСПЧ, оно прекращается лишь в момент восстановления нарушенных прав и свобод.

3. Поскольку нормы Конвенции направлены в большинстве случаев на защиту естественных неотчуждаемых прав и свобод человека, т. е. на создание не регулятивных, а прежде всего охранительных правоотношений, конвенционное охранительное правоотношение как процессуальное правоотношение завершается лишь тогда, когда субъективное право реализовано и достигнута цель осуществления субъективного права либо нарушенное субъективное право было восстановлено, соответственно достигнута третья компонента права на судебную защиту – право на исполнение решения суда.

4. Постановление ЕСПЧ является юридическим фактом в гражданских процессуальных отношениях: 1) устанавливающим деликт – нарушение Конвенции, являющееся основанием для пересмотра дела в суде и 2) обладающим преюдициальным значением при осуществлении конвенционального охранительного правоотношения в рамках национальной судебной гражданской юрисдикции.

5. Правовые позиции ЕСПЧ являются нормативно-правовым комплексом и одновременно элементом нормативно-правового комплекса национального гражданско-процессуального законодательства.

Первым элементом правовых позиций ЕСПЧ как нормативно-правового комплекса являются естественные права и свободы человека, вторым – нормы об их защите Конвенцией, а третьим – толкование этих норм ЕСПЧ.

Правовые позиции ЕСПЧ при этом лишь указывают на то, каким образом должны защищаться существующие у человека с момента рождения (не данные государством и даже не созданные Конвенцией) права и свободы в рамках национальной судебной юрисдикции.

6. Правовые позиции ЕСПЧ, включающие в себя толкование права на справедливую судебную защиту, могут содержаться не только в постановлениях, вынесенных по существу, но и в решениях ЕСПЧ, в которых разрешался вопрос о приемлемости жалобы.

7. Европейские правовые стандарты должной процедуры содержатся не только в постановлениях ЕСПЧ, где применялись ст. 6 или 13 Конвенции, но и в постановлениях ЕСПЧ, при рассмотрении нарушений материальных норм Конвенции, поскольку защита этих прав, предоставляемая Конвенцией, предполагает, что рассмотрение вопросов об ограничении прав и свобод должно обеспечиваться надлежащей правовой процедурой.

Теоретическая значимость диссертационного исследования.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разрешении спорных вопросов о правовой природе постановлений ЕСПЧ. Важное значение имеет анализ конвенциональных охранительных правоотношений как процессуальных отношений и их влияние на развитие отечественной судебной гражданской юрисдикции. Полученные в рамках диссертационного исследования научные положения и теоретические выводы будут способствовать дальнейшему развитию науки гражданского процессуального права.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения основных положений и выводов, содержащихся в исследовании, в правоприменительной практике и законотворческой деятельности, а также при подготовке разъяснений Верховным Судом РФ возникающих в судебной практике вопросов, также они могут быть реализованы в правоприменительной

практике судами и использованы при подготовке обращений в Конституционный Суд РФ.

Кроме того, сформулированные в исследовании выводы могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности и в практике преподавания курса отечественного и зарубежного гражданского процессуального права в высших учебных заведениях. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке учебно-методических пособий по дисциплинам «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», спецкурсов, по защите прав человека, а также спецкурсах, посвященных деятельности ЕСПЧ.

Ссылки на работы соискателя содержатся во многих научных и учебно-методических публикациях.

Апробация результатов проведенного исследования. Теоретические и практические выводы и положения диссертационного исследования были опробованы на практике в ходе ведения судебных процессов в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, высветивших многие проблемы применения Конвенции. В частности, было выявлено восприятие Конвенции как субсидиарного акта, применяемого только тогда, когда нет писаных норм позитивного права, как акта, содержащего в себе абстрактные нормы, которые не могут быть применены, поскольку носят очень общий характер; восприятие правовых позиций ЕСПЧ, как мнения по конкретному делу, не порождающего никаких правовых обязательств для суда и т. д. Апробация положений настоящей диссертационной работы была продолжена в составленных диссертантом жалобах в Конституционный Суд РФ о неконституционности положений процессуальных кодексов, где Конвенция и постановления и правовые позиции ЕСПЧ заявлялись как подлежащие учету и применению при рассмотрении заявлений. В постановлениях Конституционного Суда РФ, вынесенных по результатам рассмотрения подготовленных соискателем жалоб, были использованы правовые

позиции ЕСПЧ в качестве дополнительной аргументации выводов Конституционного Суда РФ².

Более того, в п. 2.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан» была высказана следующая правовая позиция: *«...Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной*

² По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П; По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим» : Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П; По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» : Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П; По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К. А. Инешина, Н. С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» : Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П.

частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права».

Одно из дел, в котором соискатель начинал апробировать результаты своих исследований, в итоге спустя несколько лет завершилось вынесением Европейским Судом постановления от 1 октября 2009 г. по делу *Кимля и другие против России*³. Соответственно, были продолжены исследования исполнений постановлений ЕСПЧ, в частности, возможности пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. Соискатель также готовил обращение в Конституционный Суд РФ о конституционности ст. 392 ГПК РФ, но поскольку в этот момент высший судебный орган уже приступил к рассмотрению жалобы

³ Постановление ЕСПЧ от 01.10.2009 по делу *Кимля и другие против России* (жалобы № 76836/01 и 32782/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 2/2010. Правовые позиции ЕСПЧ по данному делу вошли в Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2010 г. (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16 июня 2010 г.) // СПС «ГарантМаксимум»; сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/images/content/1k2010.doc> (дата обращения: 05.07.2010). Данное Постановление цитируется в постановлениях Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона „О некоммерческих организациях“, части шестой статьи 29 Федерального закона „Об общественных объединениях“ и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда „Костромской центр поддержки общественных инициатив“, граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева»; от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона „О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации“ в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области»; от 6 декабря 2011 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 21.1 и пункта 7 статьи 22 Федерального закона „О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей“ в связи с жалобой гражданина А.В. Федичкина».

Е. Ю. Федотовой о неконституционности раздела IV ГПК РФ, не предусматривающего возможности пересмотра после вынесения постановлений ЕСПЧ, соискатель свои наработки и материалы представил адвокатам, защищавшим интересы заявителей в Конституционном Суде РФ, которые их и использовали. Часть наших идей была воспроизведена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой». В п. 3.5 этого Постановления Конституционный Суд РФ указал: «...федеральный законодатель обязан – в целях единообразного и надлежащего правового регулирования, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом Российской Федерации, в том числе в настоящем Постановлении, – внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, с тем чтобы гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека».

Весной 2013 г. в суды общей юрисдикции, научные учреждения и юридические высшие учебные заведения был разослан проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ «Об исполнении судами общей юрисдикции постановлений Европейского Суда по правам человека» для дачи замечаний и предложений. Соискатель направил свои предложения по проекту в Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ, ВС РФ) через Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Казанский федеральный университет. Предлагалось отчасти расширить сферу действия данного постановления, не ограничивая разъяснение только необходимостью исполнения постановлений ЕСПЧ. По результатам обсуждения

было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней».

После того как 11 июня 2015 г. 93 депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ направили запрос в Конституционный Суд РФ «О проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“» диссертантом был подготовлен и опубликован ряд статей. Часть сформулированных в них правовых подходов была использована в речи Представителя Президента РФ в ходе разбирательства в Конституционном Суде РФ.

Основные положения диссертации были представлены на международных, всероссийских и региональных конференциях: ежегодных научных чтениях памяти профессора С. Н. Братуся (Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2006, 2008, 2019 гг.), при обсуждении проекта «Общественные механизмы защиты прав человека в национальных регионах России» (Казань, 2002 г.), на Международной научно-практической конференции «Проблемы современного российского права» (Челябинск, 2007 г.), Международной научно-практической конференции «Гражданское судопроизводство в изменяющейся России» (Саратов, 2007 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Д. И. Фельдмана (Казань, 2007 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Правовые и экономические аспекты реализации конституционных принципов в Российской Федерации (к 15-летию Конституции РФ)» (Пушкин, 2008 г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика» (Волжский,

2008 г.), Научно-практической конференции «Современное состояние прав и свобод человека в России и Югре» (Ханты-Мансийск, 2008 г.), Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического образования на Алтае (Барнаул, 2008 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Р. Е. Гукасяна (Москва, 2008 г.), VII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 2008 г.), III Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 60-летию со дня принятия Всеобщей декларации прав человека (Казань, 2008 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменительной практики и правовых теорий в России и за рубежом» (Челябинск, 2008 г.), Международной научно-практической конференции «Право и правосудие: теория, история, практика» (Краснодар, 2009 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации: политико-экономические приоритеты» (Омск, 2009 г.); Третьей всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 2010 г.), Международной научно-практической конференции «Право и правосудие: теория, история, практика» (Краснодар, 2010 г.), Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 80-летию Саратовской государственной академии права (Саратов, 2010 г.), Международной научно-практической конференции «Право и правосудие: теория, история, практика» (Краснодар, 2011 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Изменения в Гражданском кодексе Российской Федерации: новеллы гражданского законодательства 2012» (Казань, 2012 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ М. А. Видука (Саратов, 2012 г.), Международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию со дня рождения и памяти профессора Казанского университета, основателя Казанской школы

международного права Д. И. Фельдмана (Казань, 2012 г.), Международной конференции «Преподавание прав человека в России и других государствах Европы» (Екатеринбург, 2013 г.), Научной конференции, посвященной 75-летию профессора В. В. Лазарева «Теория государства и права: в науке, образовании, практике», организованной Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Московским государственным юридическим университетом им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, 2015 г.), Международной научно-практической конференции «Права человека в современном мире: к 50-летию принятия Международных Пактов по правам человека» (Казань, 2016 г.), на заседании секции сравнительного права в рамках VI Московской юридической недели, посвященное памяти профессора В. А. Туманова (Москва, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2016 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства» (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2017 г.), Международной научно-практической конференции «Перспективы развития гражданского процессуального права» (Саратов, 2017 г.), II Ежегодной международной научно-практической конференции (Волгоград, 2017 г.), Международной научно-практической конференции «Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам» (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2018 г.), XVI Международной научно-практической конференции «Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации» (Москва, 2019 г.), III Международной научно-практической конференции «Перспективы развития гражданского процессуального права» (Саратов, 2019 г.); на ежегодных симпозиумах журнала «Вестник гражданского процесса»: «Эволюция гражданского процесса: вопросы сравнительного правоведения и национального права» (Казань, 2014 г.), «Гражданский процесс

2.0: реформа и современное состояние» (Казань, 2015 г.), «Доказательственное право в цивилистическом процессе: современное состояние и перспективы развития» (Казань, 2018 г.), «2019 – Цивилистическое право и процесс: история, современное состояние и перспективы развития (к 200-летию со дня рождения Д. И. Мейера)» (Казань, 2019 г.); на круглом столе «Направления правового регулирования противодействия «недружественным поглощениям» (Москва, Государственная Дума РФ, 2006 г.), круглом столе «Исполнение решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по делам о защите свободы совести» (Москва, Славянский правовой центр, 2010 г.), Международном круглом столе «Вынесение временных мер: особенности и проблемы применения в практике Европейского Суда по правам человека и других международных судов» (Москва, 2014 г.).

Содержание диссертации отражено в семи монографиях: «Европейские правовые стандарты: уроки истории и правоприменительная практика», «Защита свободы совести и распространения убеждений через призму постановлений Европейского Суда по правам человека», «Осторожно экстремизм», «Борьба за право на обжалование судебного решения», «Жажда правосудия: борьба за суд», «Борьба за правовую определенность или поиск справедливости», «Борьба за свободу мысли, или что такое европейские правовые стандарты», «Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации», «Борьба за право обжалования», а также серии публикаций в рецензируемых журналах (180 статей), в том числе в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ (более 100 статей).

Структура работы: диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключение и Библиографического списка, включающего в себя 345 наименований.

ГЛАВА 1. ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБРАЩЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РФ

1.1. Закрепление в российском процессуальном праве применения права международных договоров и последствий обращения в международные правозащитные органы

В России идея защиты прав и свобод человека через нормы международного права появилась сравнительно давно. Еще в XIX в. Н. М. Коркунов отмечал, что «идея судебной охраны публичных прав – идея еще новая, только в самое последнее время начинающая завоевывать себе практического осуществления. И нельзя не обратить при этом внимания на то, что возбуждение вопроса о необходимости организации административных судов как охранителей публичных прав совпало с оживлением интереса к идее и международного суда. Это совпадение не простая случайность. Оно прямо обусловлено взаимным соотношением двух этих вопросов. Оба они только части более общего вопроса о судебной охране публичного права вообще как в пределах отдельных государств, так и в международном союзе»⁴.

В начале XX в. профессор И. А. Покровский писал: «...История не хочет остановиться. Она ставит на очередь вопрос о правовой организации всего человечества и общечеловеческого суда... Наступит момент, когда на этом форуме... сможет выступить в качестве истца против своего государства и отдельный человек... Через оболочку государства протянет свои руки личность ко всему человечеству, на государственную совесть будет апеллировать к совести общечеловеческой, и в этой апелляции неотъемлемые права личности найдут себе наивысшую санкцию, которая только возможно для них здесь – на нашей

⁴ Коркунов Н. М. Лекции по международному праву. СПб, 1884. С. 4–5. Цит. по: Толстых В. Л. Международные суды и их практика. М., 2015. С. 37–38.

грешной, но правды ищущей и по правде тоскующей земле»⁵. Эти пророческие слова великого цивилиста, к сожалению, долгое время не могли воплотиться в действительность для жителей России.

Появление различных актов о правах человека и межгосударственных органов по их защите в XX в. не породило в СССР правовых последствий, которые реализовывались бы в гражданском судопроизводстве.

Для жителей стран Европы возможность обращения с иском⁶ против государства в межгосударственные органы, соответственно и необходимость учета национальными судами норм международного права о правах и свободах человека, появилась в связи созданием Европейского Суда по правам человека, но в разное время в разных странах – участниках Совета Европы⁷. С 1989 г. принятие Конвенции о защите прав человека и основных свобод и, соответственно, признание юрисдикции ЕСПЧ является обязательным для стран – кандидатов в члены Совета Европы⁸.

Возможность обращения в межгосударственные органы за защитой нарушенных прав основана на том, что должно быть место, где можно найти справедливость и защиту от произвола национальных судов и даже национальных законов. Идея создания межгосударственных органов по защите прав человека была основана на желании обеспечить защиту прав и свобод человека даже в тех случаях, когда государство допустило их нарушение, а внутринациональные

⁵ *Покровский И. А.* Государство и человечество. М., 1919. Цит. по: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003. С. 29.

⁶ Возможность применения термина «иск» к обращению в Европейский Суд по правам человека не противоречит российской доктрине. См.: *Дробязкина И. В.* Обращение в Европейский Суд по правам человека как исковая форма защиты права // Иск в гражданском и арбитражном процессах / под ред. Т. Е. Абовой и Е. А. Виноградовой. М., 2006. С. 179–183.

⁷ См. подробнее: *Дженнис М., Кэй. Р., Брэдли Э.* Европейское право в области прав человека. М., 1997. С. 30–34.

⁸ *Бенуа-Ромер Ф., Клебес Х.* Право Совета Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству. М., 2007. С. 35.

средства защиты не обеспечили их защиту и восстановление. Соответственно, роль межгосударственных органов по защите прав человека не ограничена выявлением лишь несправедливости в виде явного насилия, они должны в равной мере защищать от нарушения прав человека под предлогом соблюдения закона и даже в тех случаях, когда несправедливость исходит из самих законов. Хотя межгосударственные органы не обладают в настоящее время компетенцией рассмотрения споров о несправедливости законов, в их компетенции рассматривать конкретную несправедливость, конкретное нарушение прав и свобод, даже если это нарушение было выполнением национального закона. Несправедливость, осуществляемая под видом соблюдения законов и с молчаливого согласия и одобрения судов, действует на человека даже более разрушительно и ранит сильнее, поскольку внушает ему чувство незащищенности перед «всесильным государством» и произволом его чиновников, подрывает уважение к суду и праву.

Идея создания межгосударственных органов по защите прав человека основана на идее приоритета прав и свобод человека, уважении правосубъектности человека⁹, который может быть прав в споре с государством и который должен получить защиту, когда государство с ним несогласно и национальные суды не предоставляют ему надлежащую защиту. Как отмечает А. И. Ковлер: «для Европейского Суда по правам человека вопрос о международной правосубъектности индивида – непраздный вопрос: как можно обеспечить принцип равенства сторон в процессе, в котором ответчиком выступает государство, если у

⁹ *Лихачев М. А.* Статус личности как воплощение взаимодействия международно-правового и внутригосударственного регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.; *Ершов. В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2017. С. 609–619.

заявителя, т. е. истца, нет правосубъектности либо „индивид обладает ограниченной правосубъектностью“, как утверждают некоторые авторы»¹⁰.

Неотчуждаемые права и свободы человека порождают два рода обязательств для государства, таких как недопущение незаконного вмешательства в них и обязанность создать условия для их реализации.

Факт установления охранительных норм в международно-правовых актах, в частности в Конвенции, на наш взгляд, порождает международные правоотношения не в момент обращения за защитой в международный орган, а в момент нарушения данных прав и свобод¹¹. Причем по общему правилу их реализация должна осуществляться лишь на основании их уважения¹² и признания. Если данные права и свободы нарушены, то возникает международное конвенциональное охранительное правоотношение, которое может быть окончено вынесением решения национального суда и восстановлением нарушенных прав и свобод. Когда же национальные механизмы не сработали, не порождается новое охранительное правоотношение, а лишь продолжается правоотношение в ЕСПЧ, которое при этом прекращается не в момент вынесения постановления ЕСПЧ, а в момент восстановления нарушенных прав и свобод¹³.

¹⁰ Ковлер А. И. Проблемы международного права в решениях Европейского Суда по правам человека (международная правосубъектность индивида и иммунитет государства) // Российский ежегодник международного права. 2003. С. 302.

¹¹ Султанов А. Р. Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 64–72.

¹² Гаврилов В. В. К вопросу о правосубъектности физических лиц в международном праве // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 40-летию юридического факультета ДВГУ. Владивосток. 1998. С. 417–419.

¹³ Султанов А. Р. Международная правосубъектность личности // Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества : сборник научных трудов по материалам II Ежегодной международной научно-практической конференции / под ред. А. А. Ващенко. 2017. С. 438–440.

Контроль за исполнением постановлений ЕСПЧ осуществляется Комитетом Министров Совета Европы (далее – КМСЕ, Комитет Министров). В настоящее время в ст. 46 Конвенции включены новые положения, согласно которым, если Комитет Министров считает, что надзору за исполнением окончательного постановления препятствует проблема толкования этого постановления, он вправе передать данный вопрос на рассмотрение ЕСПЧ для вынесения им постановления по вопросу толкования.

Более того, «если Комитет Министров считает, что Высокая Договаривающаяся Сторона отказывается подчиниться окончательному постановлению по делу, в котором она выступает стороной, он вправе, после направления официального уведомления этой Стороне, и путем принятия решения большинством голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета, передать на рассмотрение Суда вопрос, не нарушила ли эта Сторона свое обязательство, установленное в соответствии с пунктом 1. Если Суд устанавливает факт нарушения пункта 1, он передает дело в Комитет Министров для рассмотрения мер, подлежащих принятию. Если Суд не устанавливает факт нарушения пункта 1, он передает дело в Комитет Министров, который закрывает рассмотрение дела»¹⁴. И в настоящее время, уже существует опыт применения этой новой компетенции КМСЕ¹⁵: Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 29 мая 2019 г.

¹⁴ Красиков Д. В. Европейский Суд по правам человека // Институты Международного правосудия / под ред. В. Л. Толстых М. 2014. С. 309.

¹⁵ В 2013 г. заявитель, оппозиционный политик, комментировавший различные политические темы в личном интернет-блоге, был осужден за совершение преступлений и заключен под стражу. Постановлением от 22 мая 2014 г. ЕСПЧ пришел к выводу, что были нарушены права заявителя, предусмотренные пп. «с» п. 1 и п. 4 ст. 5, п. 2 ст. 6 и ст. 18 Конвенции. Комитет Министров, который в соответствии со ст. 46 Конвенции уполномочен осуществлять надзор за исполнением постановлений ЕСПЧ, вынес ряд решений и промежуточных резолюций с учетом фундаментальных недостатков в уголовном разбирательстве, выявленных ЕСПЧ в соответствии со ст. 18 Конвенции во взаимосвязи со ст. 5

по делу *Ilgar Mammadov v. Azerbaijan* (*Ильгар Мамедов против Азербайджана*) (жалоба № 15172/13) появилось на свет в результате обращения КМСЕ в связи с неисполнением Постановления ЕСПЧ от 22 мая 2014 г. по делу *Ilgar Mammadov v. Azerbaijan* (*Ильгар Мамедов против Азербайджана*) (жалоба № 15172/13), и Большая Палата ЕСПЧ установила, что Азербайджан, не исполнив первое Постановление по делу Мамедова, нарушил п. 1 ст. 46 Конвенции, и дальнейшее рассмотрение дела будет вестись Комитетом Министров.

Было бы неправильно не упомянуть, что Парламентская Ассамблея Совета Европы (далее – ПАСЕ) также участвует в надзоре за исполнением решений ЕСПЧ (см. Резолюцию ПАСЕ 1226(2000) «Исполнение решений ЕСПЧ» от 28 сентября 2000 г.). На практике это осуществляется Комитетом по правовым вопросам и правам человека в рамках процедуры, дополняющей процедуру Комитета Министров¹⁶, в который заявители также могут обращаться по поводу неисполнения окончательных решений ЕСПЧ.

Идея создания межгосударственных органов по защите прав человека создана как признание существования особого охранительного правоотношения, в котором гражданин может выступать равноправным оппонентом не только в споре с государственными органами, но и с самим государством. Как отмечала Р. О. Халфина: «в правоотношениях, возникающих вследствие правонарушения, воля лица ни в коей мере не направлена на возникновение и реализацию правоотношения. Но в основе в конечном счете лежит волевое поведение лица – его противоправное поведение»¹⁷.

Конвенции, призывающих к немедленному и безусловному освобождению заявителя, который все еще находился в тюрьме. Пятого декабря 2017 г. КМСЕ в Промежуточной резолюции № *CM/ResDH(2017)429* решил передать на рассмотрение ЕСПЧ в соответствии с п. 4 ст. 46 Конвенции вопрос о том, исполнили ли власти Азербайджанской Республики свое обязательство в соответствии с п. 1 ст. 46 Конвенции по соблюдению окончательных постановлений ЕСПЧ.

¹⁶ Обращение в Европейский Суд по правам человека / Под ред. Ф. Лич. М. 2006. С. 162.

¹⁷ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М. 1974. С. 224.

Еще в 50-х годах прошлого века профессор Н. Г. Александров предложил правоотношения, возникающие в результате неправомерного поведения, называть правоохранительными¹⁸, этот термин в последующем был перенесен в науку международного права¹⁹. Охранительные нормы международного права предусматривают использование индивидуальных или коллективных мер принуждения по отношению к субъектам международного права в случае, если ими были нарушены какие-либо охраняемые международным правом интересы участников межгосударственных отношений. В число охранительных норм входят, в частности, нормы, касающиеся ответственности субъектов международного права²⁰. «...Нормы права взаимосвязаны, образуют систему, в которой одни нормы (например, регулятивные) обеспечиваются другими нормами (охранительными)...»²¹.

Применение международно-правовых санкций всегда происходит независимо и вопреки воле субъекта-правонарушителя и представляет собой внешнюю реакцию, вызванную волевым актом субъектов международного права, призванную заставить субъекта-правонарушителя выполнить обязанности, порождаемые его ответственностью. Это – осуществление права субъектов международного права, имеющее целью обеспечить принудительную реализацию охранительных международно-правовых отношений посредством санкционных международно-правовых отношений²². Как отмечают советские международники: «термин „охранительные“ определяет не характер, а существо правоотношений ответственности, которое свойственно, очевидно, не только правоотношениям

¹⁸ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М. 1955. С. 91–92.

¹⁹ Курис П. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс. 1971. С. 52.

²⁰ Международное право : учебник / Б. М. Ашавский, М. М. Бирюков, В. Д. Бордунов [и др.]; отв. ред. С. А. Егоров. М. : Статут, 2015. 848 с.

²¹ Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права. Казань, 1990. С. 54.

²² Международное право. Общая часть : учебник / Г. Я. Бакирова, П. Н. Бирюков, Р. М. Валеев и др. ; отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М. : Статут, 2011. 543 с.

ответственности, но и иным международно-правовым отношениям правоохранительного порядка»²³.

Международные охранительные правоотношения возникают только в результате определенного юридического факта – правонарушения, охранительные правоотношения играют серьезнейшую роль в обеспечении правопорядка, служат восстановлению нарушенного правопорядка, а следовательно, его упрочению²⁴.

Конвенциональное охранительное правоотношение возникает в момент нарушения государственными органами и/или судом прав и свобод, защищаемых Конвенцией, которые в большинстве своем относятся к неотчуждаемым естественным правам и свободам²⁵. Поскольку, позитивное право является вторичным по отношению к неотчуждаемым естественным правам и свободам, соответственно любое ограничение данных прав и свобод хоть правоприменителем, хоть законодателем, является вмешательством в данные права и свободы, но в ряде случаев может быть признано допустимым. Соответственно, логично существование особого охранительного правоотношения, которое не оканчивается актом государства, а продолжается в межгосударственных органах и оканчивается лишь в момент защиты и восстановления нарушенных основных свобод и прав человека. Как отмечают юристы-международники: «Право на судебную защиту в международном праве следует рассматривать именно как субъективное право личности, а не как выполнение обязанности со стороны государства»²⁶.

²³ Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М. 1983. С. 32.

²⁴ Курис П. Указ. соч. С. 54.

²⁵ Султанов А. Р. Отзыв на автореферат диссертации А. В. Деменевой на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Юридические последствия постановлений Европейского суда по правам человека для Российской Федерации» // Международное публичное и частное право. 2011. № 1. С. 47–48.

²⁶ Самович Ю. В. Международная судебная защита прав человека. Казань. 2006. С. 315.

Не можем не согласиться с тем, что связанность и взаимовлияние правовых систем – объективная действительность, проистекающая не из воли государств, но из реальности существования человека. Человек как единственный естественный субъект права (первичный субъект), чьи отношения оказываются подвергнуты правовому регулированию, является единственным звеном, объективно связывающим все правовые системы²⁷.

Подписание международных договоров о правах человека не сразу же открыло право на обращение в межгосударственные органы, и длительное время действие международных договоров на гражданское судопроизводство было незначительно.

В 1991 г. Верховный Совет РСФСР, отмечая необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека, принял Декларацию прав и свобод человека и гражданина (Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 октября 1991 № 1920-1). В преамбуле данной Декларации указано, что она принята с целью утверждения прав и свобод человека, признания того, что честь и достоинство человека представляют высшую ценность общества и государства. В ней было закреплено, что «права и свободы человека принадлежат ему от рождения», а также приоритет общепризнанных международных норм, относящихся к правам человека, перед законами РСФСР и установлено, что данные нормы имеют прямое действие и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР.

Безусловно, конвенциональное охранительное правоотношение предполагает, что защита прав и свобод человека прежде всего должна осуществляться национальными государственными органами, а защита в межгосударственных органах должна осуществляться в субсидиарном порядке,

²⁷ *Нешатаева Т. Н.* Решения Европейского Суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательства и правоприменительную практику. М. 2014. С. 39–40.

лишь когда защита прав и свобод человека не была осуществлена²⁸. Соответственно, важно, чтобы в процессуальных кодексах было отражение этой обязанности через обязанность применять нормы международных договоров.

В первой же редакции АПК РФ от 05 марта 1992 г. было предусмотрено, что арбитражный суд разрешает споры, руководствуясь Конституцией РСФСР, законами РФ и иным законодательством, действующим на территории РФ, конституциями, законами и иным законодательством республик в составе РФ, межгосударственными соглашениями, международными договорами (ст. 11).

В следующей редакции АПК РФ от 05 мая 1995 г. законодатель предусмотрел, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора²⁹.

В ГПК РСФСР порядок применения норм международных договоров был впервые урегулирован лишь в 2000 г.³⁰. Федеральный закон от 07 августа 2000 г.

²⁸ *Аристова К. С.* Принцип субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2012.

²⁹ Подробнее о применении международных норм в арбитражных судах см.: *Игнатенко Г. В., Федоров И. В.* Арбитражный процессуальный кодекс РФ в международно-правовом измерении: достижения и упущения // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 20–28; *Они же.* Международно-правовые аспекты взаимодействия материальных и процессуальных норм в АПК и ГПК РФ // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 36–42; *Винникова Р. В.* Имплементация норм международного права в арбитражном процессе РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003; *Глазкова М. Е.* Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

³⁰ В УПК РФ норма о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора», появилась лишь в редакции закона № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. Хотя формулировку «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры

№ 120-ФЗ предусмотрел не только правило о том, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные гражданским процессуальным законом, то применяются правила международного договора», но и указал, что в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе производства по гражданскому делу, суд применяет норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действует исходя из принципов осуществления правосудия в РФ³¹.

Надо отметить, что изменения касались не только части процессуальных норм. Законодатель предусмотрел, что суд, установив при рассмотрении гражданского дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции РФ, федеральному конституционному закону, федеральному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору РФ, конституции (уставу) субъекта РФ, закону субъекта РФ, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем нормативными правовыми актами РФ, то суд при рассмотрении и разрешении гражданского дела применяет правила международного договора.

В этом же федеральном законе было сформулировано новое положение: «Обязательность на территории Российской Федерации постановлений судов иностранных государств, международных судов и арбитражей определяется международными договорами Российской Федерации». Однако существование данного положения оказалась кратковременным: в новом ГПК РФ от 14 ноября

Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации» нельзя назвать удачной, она сохранена в действующей редакции УПК РФ.

³¹ О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : Федеральный закон Российской Федерации от 7 августа 2000 г. № 120-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 июля 2000 г. // Рос. газ. 2000. 15 августа.

2002 г. № 138-ФЗ в статье об обязательности судебных постановлений (ст. 13) акты международных судов уже не названы³².

В тоже время данное положение осталось в ч. 3 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Что касается процессуальных правовых последствий обращения в межгосударственные органы, то длительное время в процессуальных кодексах последствий такого обращения не было предусмотрено, хотя граждане России обрели право на обращение в межгосударственные органы в 1992 г.³³ вопреки расхожему мнению о том, что право на обращение в межгосударственные органы для граждан России стало доступно лишь после принятия в 1993 г. Конституции РФ и что такая возможность стала реальной только лишь после ратификации Конвенции в 1998 г.

Ничуть не преуменьшая значения Конституции РФ и факта ратификации Конвенции, все же полагаем необходимым отметить, что право на обращение в межгосударственные органы для граждан СССР возникло с 1 января 1992 г., когда для СССР вступил в силу Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах.

Весьма симптоматичным является тот факт, что предложение о присоединении Союза ССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах поступило в Верховный Совет СССР от Комитета конституционного надзора СССР.

³² *Игнатенко Г. В., Федоров И. В.* Арбитражный процессуальный кодекс РФ в международно-правовом измерении: достижения и упущения.

³³ См. подробнее об этом: *Султанов А. Р.* Человек против государства, межгосударственные органы, Россия // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 1; *Султанов А. Р.* Пересмотр судебных актов в связи с актами межгосударственных органов // Закон. № 12. 2008. С. 177–184.

В Постановлении Комитета конституционного надзора СССР от 04 апреля 1991 г. № 21 «О присоединении СССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах» было указано, что одной из важнейших задач формирующегося правового государства является всемерная охрана прав и свобод человека: «Присоединение Советского Союза к Факультативному протоколу дало бы советским гражданам возможность обращаться в Комитет ООН по правам человека, когда исчерпаны все средства правовой защиты, предусмотренные законодательством СССР. Предоставление гражданам СССР такой возможности не только на деле позволит продемонстрировать *открытость советского общества, его приверженность общечеловеческим ценностям, ориентацию на международные стандарты в области прав человека, укрепит доверие к нашей стране, но и повысит ответственность государственных органов и должностных лиц за свои действия, затрагивающие права и свободы граждан*».

Верховный Совет СССР, рассмотрев внесенное Комитетом конституционного надзора СССР предложение, Постановлением от 5 июля 1991 г.³⁴ постановил присоединиться к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в силу для СССР 1 января 1992 г.

Поскольку Россия объявила себя правопродолжателем по международно-правовым обязательствам СССР, то, соответственно, возможность обращения в Комитет по правам человека продолжает существовать для жителей России.

Право на обращение в межгосударственные органы с 1993 г. является конституционным правом (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). По результатам бурного обсуждения на Конституционном совещании³⁵ в 1993 г. положение о праве на

³⁴ О присоединении СССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах : Постановление ВС СССР от 5 июля 1991 г. № 2304-I.

³⁵ Конституционное совещание. Стенограммы материалы документы. Том 3. М., 1996. С. 99–100, 194–195; Том 5. С. 388; Том 10. С. 334–339.

обращение в межгосударственные органы было включено в окончательный текст Конституции РФ. Причем в качестве доводов для включения этого положения в текст Основного Закона было указано, что это было бы очень полезно в связи с предстоящим решением вопроса о вступлении России в Совет Европы, поскольку конституция будет подвергнута экспертизе в Совете Европы³⁶, и что пора уже перестать видеть какую-то аномалию в обращении граждан в международные органы.

Таким образом, возможность обращения в различные межгосударственные органы существует уже давно, но обращений³⁷ из России до определенного времени было не так много. Право на обращение в межгосударственные органы стало широко использоваться жителями России лишь после принятия Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Это открыло возможность обращения жителей России в ЕСПЧ, который стал более популярным международным органом для граждан России. Возможно, это произошло не потому, что Страсбург, где располагается Европейский Суд по правам человека, ближе территориально, а потому, что «...у Страсбургского Суда имеются зубы»³⁸, а также благодаря юридически обязательной природе постановлений ЕСПЧ и наличию контрольного механизма за их исполнением.

Предоставление или признание права на обращения в межгосударственные органы должно было сопровождаться осознанием того, что охранительное правоотношение не прекращается решением того или иного межгосударственного

³⁶ Конституционное совещание. Стенограммы материалы документы. Том 3. М., 1996. С. 99–100.

³⁷ Переводы на русский язык некоторых решений и заключений Комитета по правам человека доступны в Интернете. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrcommittee/Rdecs&views.html> (дата обращения: 01.07.2010).

³⁸ Так пишет судья Европейского Суда по правам человека профессор Б. Зупанчич: *Зупанчич. Б. Об универсальной природе прав человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. № 6. 2007. С. 26.*

органа, которое как правило лишь устанавливает нарушение прав и свобод человека, а восстановление прав и свобод человека должно уже осуществить государство-нарушитель. Соответственно, следовало ожидать включения в процессуальные кодексы правовых последствий такого обращения, но длительное время они не были предусмотрены, и лишь сравнительно недавно появились нормы, предусматривающие пересмотр судебных актов в связи с постановлениями ЕСПЧ.

В то же время законодатель упустил, что сейчас граждане России могут направлять жалобы, помимо ЕСПЧ³⁹ и Комитета по правам человека⁴⁰, также в соответствии со ст. 14 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации⁴¹ в Комитет по ликвидации расовой дискриминации⁴² и на основании Факультативного протокола⁴³ к Конвенции о ликвидации всех форм

³⁹ На основании Федерального закона от 30 марта 1998 г. «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод».

⁴⁰ На основании Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах.

⁴¹ Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. 18 июня. № 25. Ст. 219.

⁴² См.: О признании компетенции Комитета по ликвидации расовой дискриминации в соответствии со статьей 14 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации : Постановление ВС СССР от 5 июля 1991 г. № 2306-1 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 29. Ст. 844.

⁴³ Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : принят Генеральной Ассамблеей ООН 6 окт. 1999 г. : подписан от имени РФ в Нью-Йорке 8 мая 2001 г. Ратифицирован: О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : Федеральный закон Российской Федерации от 19 июня 2004 г. № 52-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 2 июня 2004 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июня 2004 г.

дискриминации⁴⁴ в отношении женщин в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Если после признания приоритета норм международного права в Декларации прав и свобод человека и гражданина и появления об этом норм в ГПК РСФСР прошло 9 лет, то с момента вступления России в Совет Европы (1996 г.) и присоединения к Конвенции (1998 г.) до появления в ГПК РФ нормы, позволяющей осуществлять пересмотр судебных актов в качестве правовых последствий ЕСПЧ, прошло еще больше времени. Полагаем, что правовые последствия обращения в другие межгосударственные органы в гражданском процессе до их закрепления в процессуальных кодексах могут применяться по аналогии с положениями процессуальных кодексов, закрепляющих правовые последствия обращения в ЕСПЧ.

Надо отметить, что в ГПК РФ постановления ЕСПЧ определены только в качестве новых обстоятельств, которые могут послужить основанием для пересмотра ранее вынесенных и вступивших в законную силу судебных актов (ст. 392 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 09 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»).

К тому же надо отметить, что вступление данной редакции в силу было предусмотрено лишь с 01 января 2012 г., хотя сам закон был принят 09 декабря 2010 г., т. е. законодатель отсрочил вступление этой нормы в законную силу, допустив, что некоторое время в ГПК РФ продолжал существовать пробел в регулировании рассматриваемого вопроса.

⁴⁴ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25 (2151). Ст. 464. СССР подписал эту Конвенцию 17 июля 1980 г., ратифицировал Указом Президиума ВС СССР от 19 декабря 1980 г. № 3565-Х с оговоркой, сделанной при подписании. Ратификационная грамота СССР депонирована Генеральному секретарю ООН 23 января 1981 г. Вступила в силу для СССР 3 сентября 1981 г.

Впрочем, пробел в законе не означает пробела в праве, «индивид может требовать от общества (государства) защиты ... прав независимо от того, предусмотрены они внутренним законодательством страны или нет»⁴⁵. Отсюда же следует обязанность государств не только принимать меры по приведению своего внутреннего законодательства в соответствие с международными договорами, но и приводить свою правоприменительную практику в соответствии с требованиями международного права, с тем чтобы те, кому адресованы законы, были в полной уверенности, что нормы международных договоров будут соблюдаться и что нарушенные права будут восстанавливаться эффективно.

Надо отметить, что в АПК РФ и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) такие правовые последствия были определены раньше чем в ГПК РФ, хотя и по-разному.

В АПК РФ установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, до недавнего времени было основанием для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 7 ст. 311 АПК). В УПК РФ законодатель установленное ЕСПЧ по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом РФ уголовного дела отнес к новым обстоятельствам, являющимся основанием для возобновления производства по делу (п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

Отчасти правовое регулирование в данной области было унифицировано, Федеральным законом от 23.12.2010 № 379-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» установленное

⁴⁵ *Гукасян Р. Е.* Горизонты и ориентиры процессуальной науки // Р. Е. Гукасян. Избранные труды. М., 2008. С. 458 (Хотя в приведенном предложении шла речь о защите естественных прав, полагаем, что данная цитата вполне может быть упомянута и в отношении защиты прав, гарантируемых международными договорами).

ЕСПЧ нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, отнесено к новым обстоятельствам, которые могут быть положены в основание для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов.

Надо обратить внимание на то, что отличия в регулировании процессуальных последствий в этих двух кодексах не сводились лишь к разной квалификации постановлений ЕСПЧ в качестве новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Другим важным моментом является то, что в старой редакции ст. 311 АПК РФ и новой редакции ст. 311 АПК РФ и ст. 392 ГПК РФ круг субъектов, которым может быть предоставлена возможность обращаться о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов, ограничен лишь заявителем, обратившимся в ЕСПЧ, а в УПК РФ такого ограничения для возобновления производства нет.

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – Высший Арбитражный Суд РФ, ВАС РФ) в п. 10 Постановления от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» расширил круг субъектов, имеющих право пересмотра, указав, что с заявлением о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с установленным ЕСПЧ нарушением положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела могут обратиться *лица, участвовавшие в деле, в связи с принятием решения, по которому состоялось обращение в ЕСПЧ, а также иные лица, не участвовавшие в данном деле, о правах и обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт*. Такой подход был воспроизведен в п.10 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» при разъяснении прав на пересмотр по новым

обстоятельствам (новой редакции ст. 311 АПК РФ). В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» также дано расширительное толкование процессуальных норм: «Правом на обращение в суд с заявлением, представлением о пересмотре в порядке главы 42 ГПК РФ вступивших в законную силу судебных постановлений обладают участвующие в деле лица, а также другие лица, если судебными постановлениями разрешен вопрос об их правах и обязанностях».

Другим существенным отличием правового регулирования являлось то, что в АПК РФ законодатель установил правовые последствия в виде пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам при установлении ЕСПЧ нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом только *«конкретного дела, в связи с принятием решения, по которому заявитель обращался в ЕСПЧ»* (данный подход сохранен в новых редакциях АПК РФ, ГПК РФ и использован в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее – КАС РФ)).

В УПК РФ же законодатель отнес к новым обстоятельствам установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом РФ уголовного дела, когда был применен федеральный закон, не соответствующий положениям Конвенции и иными нарушениями ее положений.

Таким образом, правовые процессуальные последствия Постановлений ЕСПЧ в уголовном процессе законодатель установил значительно шире, чем в

АПК РФ, а в ГПК РФ длительное время вообще их не предусматривал. Это вызывало обоснованную критику ученых и юридической общественности⁴⁶.

Надо отметить, что в юридическом сообществе не было согласия относительно правовых последствий постановлений ЕСПЧ в гражданском процессе. Ряд ученых полагал, что установление нарушения постановлением ЕСПЧ является основанием для исправления судебной ошибки в процедуре надзора⁴⁷, другие – в процедуре по вновь открывшимся обстоятельствам⁴⁸, третьи

⁴⁶ *Игнатенко Г. В.* Современные аспекты судебного правоприменения международных актов // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе РФ: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2003. С. 51; *Колодкин А. Л.* Выступление на круглом столе Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству на тему: «Конституция РФ как правовая основа развития общества и государства» 30 октября 2009 г.; *Юрова Н. М.* Международное гражданское процессуальное право. М., 2008. С. 221, 225; *Афанасьев С. Ф.* О пересмотре судебных актов по гражданским делам в связи с применением нормативных правовых актов с обратным эффектом // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 2. С. 13–17; № 3. С. 11–13; *Зимненко Б. Л.* Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. С. 318; *Федина А. С.* Значение решений Европейского Суда по правам человека в реализации принципа законности в гражданском судопроизводстве // Юрист. 2007. № 3 и мн. др.

⁴⁷ *Блажеев В. В.* Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11; *Ершов В. В.* Правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Российское правосудие. № 1. 2007. С. 31; *Алиев Т. Т.* Производство по вновь открывшимся обстоятельствам. М., 2007. С. 98–99; *Терехова Л. А.* Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2007. С. 282.

⁴⁸ *Лесницкая Л. Ф.* Некоторые проблемы пересмотра судебных постановлений в суде общей юрисдикции // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. М., 2008; *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. М., 2007. С. 737; Комментарий к ст. 392 ГПК РФ д-ра юрид. наук, проф. В. М. Шерстюка // Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Жуйкова, д-ра юрид. наук, проф. М. К. Треушниковой; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ / под ред. Г. А. Жилина. М., 2004; *Мусин В. А.* О реформировании надзорного производства в судах общей

предлагали создать специальную процедуру для пересмотра вступивших в законную силу решений после установления нарушений Конвенции⁴⁹.

Последняя позиция, возможно, выработана с целью решить проблему исполнения постановлений ЕСПЧ и избежать необходимости разрешения спора о правовой квалификации установления ЕСПЧ нарушения Конвенции. С практической точки зрения обход доктринального спора⁵⁰ с целью ускорения решения проблемы, наверное, являлся правильным действием. Хотя, возможно, этому была другая причина, которая учитывала, что и пересмотр по вновь открывшимся и по новым обстоятельствам не самый удачный способ для возобновления производства по делу как *исполнения* постановления ЕСПЧ.

В настоящее время возобладал подход, с которым законодатель согласился и определил решения ЕСПЧ в качестве новых обстоятельств для пересмотра

юрисдикции // Тенденции развития гражданского процессуального права России. СПб., 2008. С. 48; Юрова Н. М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. М., 2008. С. 228; Воронцова И. В., Соловьева Т. В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. М., 2009; Рекомендации участников – экспертов Всероссийского круглого стола «Актуальные проблемы судебной реформы в России» (г. Новосибирск, 25 марта 2009 г.) // Гражданин и право. 2009. № 7; Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М., 2007 и др.

⁴⁹ См. Проект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ» // Специальный выпуск журнала Российское правосудие. С. 73–76. Данный проект, посвященный процедуре пересмотра судебных решений в связи с постановлениями ЕСПЧ, был подготовлен заведующим кафедрой европейского права Российского государственного университета правосудия П. А. Лаптевым; см. также проект «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РФ» // Российское правосудие. 2009. № 2. С. 93.

⁵⁰ См. об этом споре подробнее: Туманов Д. А. Вновь к дискуссии о пункте 5 ст. 392 ГПК РФ и пунктах 6 и 7 ст. 311 АПК РФ, а также о необоснованно расширительном толковании п. 1 ст. 311 АПК РФ // Право и политика. 2008. № 11.

решений вступивших в законную силу и в АПК РФ, и в ГПК РФ⁵¹. Причем предложение признать постановления ЕСПЧ новыми обстоятельствами поступило от Пленумов Верховного Суда РФ⁵² и Высшего Арбитражного Суда РФ⁵³, хотя незадолго до этого в совместном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04 февраля 2010 г. № 3/2, которым был утвержден «Регламент Дисциплинарного судебного присутствия», установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении дела Дисциплинарным судебным присутствием, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, указывалось в качестве основания для пересмотра решения Дисциплинарного судебного присутствия по вновь открывшимся обстоятельствам (Статья 20 Регламента Дисциплинарного судебного присутствия)⁵⁴.

1.2. Формирование процессуальной формы для исполнения постановлений ЕСПЧ в гражданском процессе

Еще до присоединения России к Конвенции Конституционный Суд РФ в Постановлении от 02 февраля 1996 г. по делу о проверке конституционности ряда

⁵¹ Что по-прежнему оспаривается рядом исследователей. См. например: *Забрамная Н. Ю.* Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

⁵² Постановление Пленума Верховного Суда от 15 июля 2010 г.

⁵³ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в АПК РФ : Постановление Пленума ВАС РФ от 04 марта 2010 г. № 10.

⁵⁴ В соответствии с Федеральным конституционным законом от 12 марта 2014 г. № 5-ФКЗ Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2009 г. № 4-ФКЗ «О Дисциплинарном судебном присутствии» признан утратившим силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня вступления в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде РФ и прокуратуре РФ».

статей УПК РСФСР сформировал важные правовые позиции относительно исполнения решений межгосударственных органов. В данном Постановлении Конституционный Суд дал толкование ч. 3 ст. 46 Конституции: это положение «означает, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами РФ и, следовательно, открывают дорогу для полномочий последних по повторному рассмотрению дела в целях изменения ранее состоявшихся по нему решений, в том числе принятых высшей внутригосударственной судебной инстанцией».

Однако данное Постановление не повлекло соответствующих изменений в процессуальные кодексы и несколько лет назад Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, выступая в эфире «Эхо Москвы»⁵⁵ и оценивая систему пересмотра судебных актов в порядке надзора, предполагал, что «может мы приходим к тому, что надзора не будет, но тогда нужно систему приводить к тому, чтобы была возможность пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в нормальном цивилизованном русле, потому что сейчас при таком соединении многое заблокировано и по одной процедуре, и по другой».

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан» был сформирован целый ряд правовых позиций, из которых, в частности, видно, что надзорная система будет модернизирована и станет эффективным средством защиты прав и свобод граждан и сможет уменьшить необходимость обращения для защиты нарушенных прав и свобод человека в ЕСПЧ: «...заинтересованные лица смогут обращаться в Европейский Суд по правам человека уже после завершения производства в суде надзорной

⁵⁵ Выступление 21 мая 2005 г. в эфире радио «Эхо Москвы» (по материалам информационного агентства «РИА Новости»).

инстанции – при том что надзорное производство в результате его реформирования федеральным законодателем будет отвечать всем необходимым требованиям, вытекающим из Конституции РФ и настоящего Постановления, в качестве эффективного средства судебной защиты».

К сожалению, чаяния Конституционного Суда РФ не оправдались, после изменений в ГПК РФ надзорная инстанция не стала полновесной инстанцией, а наоборот, оказалась фактически недоступной для большинства граждан.

Модернизация процедуры пересмотра в проверочных инстанциях, когда надзорная инстанция оставлена только в Верховном Суде РФ, а ранее существовавшие надзорные инстанции стали кассациями, в том числе появилась вторая кассация, изменила ситуацию с признанием кассации, в том числе второй кассации, в качестве средства эффективной защиты для целей обращения в ЕСПЧ. Однако это не решило проблемы доступа к суду кассационной инстанции⁵⁶.

Но при всем этом качество судебных актов не улучшилось и сопровождается ростом количества постановлений ЕСПЧ, вынесенных по делам против России, в которых устанавливается нарушение положений Конвенции.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что процедуры пересмотра, существующие для исправления судебных ошибок, в настоящее время еще далеки от совершенства. Возможно этим объясняется большое количество жалоб в Конституционный Суд РФ с просьбой проверить конституционность ст. 392 ГПК РФ. За сравнительно небольшое время существования ГПК РФ было подано более 682 жалоб, в которых в том или ином ракурсе ставился вопрос о соответствии Конституции РФ ст. 392 ГПК РФ, но Конституционный Суд РФ в большинстве случаев ограничивался вынесением определений⁵⁷. В части жалоб ставился

⁵⁶ Султанов А. Р. ЕСПЧ дал Верховному Суду РФ шанс, признав вторую кассацию в гражданском процессе // Закон. 2015. № 7. С. 127–133.

⁵⁷ В связи с большим количеством данных определений полагаем возможным ограничиться лишь упоминанием их количества, не приводя идентификационных данных этих определений.

вопрос о неправильном применении норм ст. 392 ГПК РФ судами, а в некоторых – об ограниченности данной нормы. В том числе неоднократно обжаловалось отсутствие в ст. 392 ГПК РФ процессуально закрепленной возможности пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с выявлением Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла в нормах, оспоренных в Конституционный Суд РФ, без признания их неконституционными.

Однако Конституционный Суд РФ полагал при рассмотрении данных жалоб достаточным обратить внимание на то, что конституционно-правовое истолкование правовых норм, данное Конституционным Судом РФ, согласно ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») во взаимосвязи с его ст. 3, 6, 36, 79, 85, 86, 87, 96 и 100, является общеобязательным, в том числе для судов, и что поэтому правоприменительные решения, основанные на акте, который хотя и не был признан не соответствующим Конституции РФ в результате разрешения дела в конституционном судопроизводстве, но которому в ходе применения по конкретному делу суд общей юрисдикции придал истолкование, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ, подлежат пересмотру в установленном законом порядке. Пересмотр судебных решений в связи с признанием нормы неконституционной возможен, в частности, как в порядке судебного надзора, так и по вновь открывшимся обстоятельствам. Пересмотру решений иных, кроме судов, правоприменительных органов служит институт обжалования в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан⁵⁸.

⁵⁸ По жалобе гражданки Севастьяновой Алевтины Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 211-О.

Конституционный Суд РФ также указывал, что вынесение судом акта, находящегося в противоречии с толкованиями Конституционного Суда РФ, будет являться основанием для отмены такого акта вышестоящим судом, а не для рассмотрения вопроса о конституционности ст. 392 ГПК РФ, которая сама по себе как направленная на установление дополнительных процессуальных гарантий лиц, участвующих в деле, и предназначенная для пересмотра судебных постановлений при наличии особых к тому оснований, предусмотренных данной статьей, не может рассматриваться в качестве нарушающей конституционные права и свободы граждан⁵⁹.

Позиция, на первый взгляд, логичная, с игнорированием правовых позиций Конституционного Суда РФ должны справляться вышестоящие суды, а не сам Конституционный Суд РФ.

Действительно, суды обязаны руководствоваться толкованиями Конституционного Суда РФ. Но практика⁶⁰ показывает, что суды при разрешении вопроса о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с выявлением Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла норм без установления их не соответствия Конституции уклоняются от рассмотрения правовых позиций Конституционного Суда РФ о необходимости пересмотра в соответствии с нормами ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» и переводят обсуждение в плоскость установления факта является ли данное обстоятельство вновь открывшимся по смыслу ст. 392 ГПК РФ, т. е. также оценивая лишь возможность применения ст. 392 ГПК РФ. Является ли это

⁵⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жидова Семена Павловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 454-О-О.

⁶⁰ Об этом есть упоминание в докладе «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2007 году», см. также Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 14 января 2004 г. №47-ПВ03; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 июня 2007 г. № 8-ПВ07.

свидетельством неправосудности судебного акта? Конечно же является, но с небольшой оговоркой, что такое судебное постановление, вступившее в законную силу и не отмененное является обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежит неукоснительному исполнению на всей территории РФ. Безусловно, такие судебные акты должны отменяться вышестоящими судами, но вышестоящие суды в системе судов общей юрисдикции и сами порой игнорируют акты Конституционного Суда РФ, полагая, что ст. 392 ГПК РФ дает им на это право.

В рассмотренной выше ситуации существуют две проблемы: первая, обозначенная нами ранее, – это отправление правосудия несправедливым образом. Эта проблема должна быть разрешена вышестоящими судами, которым необходимо прекратить порочную практику и отменять ненадлежащим образом вынесенные судебные акты нижестоящих судов, игнорирующие доводы сторон и не дающие им оценки. Мы полагаем, что вынесение немотивированных актов должно считаться грубым процессуальным нарушением⁶¹.

Вторая проблема – это сложившаяся в судах общей юрисдикции практика толкования ст. 392 ГПК РФ как содержащей конечный перечень оснований для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. В настоящее

⁶¹ См. подробнее: *Султанов А. Р.* О проблеме мотивированности судебных актов, через призму постановлений Европейского Суда по правам человека // *Международное публичное и частное право.* 2008. № 2. С. 11–14; *Султанов А. Р.* Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // *Закон.* 2014. № 8. С. 114–118; *Султанов А. Р.* Безусловное безобразие, или является ли полное копирование текста возражений допустимым в качестве судебного решения? // *Вестник гражданского процесса.* 2017. № 5. С. 264–282; *Султанов А. Р.* Копипаст как отказ в правосудии // *Евразийская адвокатура.* 2017. № 5. С. 40–44; *Султанов А. Р.* Правосудие не может быть немотивированным! // *Закон.* 2018. № 1. С. 38–49; *Гойденко Е. Г.* Отмена не вступивших в законную силу судебных решений в гражданском процессе. Калуга. 2009. С. 42; *Поляков С. Б.* Правонарушитель – орган судебной власти? // *Российский судья.* 2010. № 9. С. 26–30.

время в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» нет понятия «обыкновение судебной практики», но в ст. 74 данного закона содержится положение о том, что Конституционный Суд РФ принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой. Соответственно, Конституционный Суд РФ вполне мог бы рассмотреть вопрос о конституционности ст. 392 ГПК РФ, оценивая смысл данной статьи с учетом сложившейся правоприменительной практики, разрешив вторую проблему, как сделал это в отношении ч. 6 ст. 311 АПК РФ в Определении Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 211-О⁶². Поскольку, хотя сама по себе ст. 392 ГПК РФ, устанавливающая основания для особой процедуры проверки судебных постановлений – пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, не может рассматриваться как нарушающая конституционные права и свободы, но с учетом сложившейся правоприменительной практики, которая толкует ее как содержащую исчерпывающий перечень вновь открывшихся обстоятельств, можно говорить, что данная статья нарушает в некоторых случаях права и свободы. Потому что для исправления судебных ошибок, допущенных вследствие применения судом неконституционного толкования нормы права, законодательство не предоставляет никакой процессуальной формы. Поскольку другие формы проверки решений вышестоящими судами общей юрисдикции – апелляционное или кассационное производство, а также пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора – не могут быть в данном случае эффективными средствами судебной защиты. Как мы уже писали выше, короткие процессуальные сроки препятствуют этому, а процедуры возобновления производства в связи с новыми обстоятельствами в ГПК РФ не было предусмотрено.

⁶² По жалобе гражданки Севастьяновой Алевтины Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 211-О.

Надо отметить, что в период отсутствия закреплённой в ГПК РФ процессуальной формы для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с выявлением Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла норм без установления их не соответствия Конституции позиция заявителя в судах общей юрисдикции значительно ослаблялась, в том числе и правовыми позициями Конституционного Суда РФ, согласно которым «Конституция РФ, гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1), не предполагает возможность для гражданина по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебного оспаривания – они определяются федеральными законами, к числу которых относится и Гражданский процессуальный кодекс РФ»⁶³.

Хотя, конечно же, данные правовые позиции не могут быть основанием для игнорирования правовых позиций Конституционного Суда РФ о необходимости пересмотра судебных актов в связи с выявлением Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла норм без установления их несоответствия Конституции⁶⁴.

Вышеуказанные опасения имеют прямое отношение к ситуации, сложившейся с пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с установлением ЕСПЧ нарушения Конвенции. Существовало большое количество случаев, когда суды общей юрисдикции отказывали в пересмотре по этому основанию, ссылаясь на то, что в ст. 392 ГПК РФ содержится исчерпывающий

⁶³ Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 461-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Новожиловой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ».

⁶⁴ Полагаем, что, в настоящее время, проблема пересмотра судебных актов, основанных на неконституционном толковании, в большей части разрешена в Определении Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р.

перечень обстоятельств, служащих основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам⁶⁵.

Что, безусловно, вызывало чувство несправедливости и являлось основанием для обращения некоторых лиц с жалобой в Конституционный Суд РФ с требованием признать ч. 2 ст. 392 ГПК РФ, содержащую перечень оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, противоречащей ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, поскольку она препятствует пересмотру решения суда общей юрисдикции по вновь открывшимся обстоятельствам в случае, когда таким обстоятельством является судебная ошибка, установленная решением ЕСПЧ, вынесенным по жалобе заявителя.

Надо отметить, что, несмотря на значимость процессов в Конституционном Суде РФ, оказывающих огромное влияние на все правовое поле РФ, о содержании обращений в Конституционный Суд РФ, мы можем узнать лишь из текстов судебных актов Конституционного Суда РФ.

Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 757-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Федотовой Елены Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ» было указано, что определением Таганрогского городского суда Ростовской области от 05 декабря 2006 г. было отказано в удовлетворении заявления гражданки Е. Ю. Федотовой о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения того же суда от 16 октября 2000

⁶⁵ Определение Никулинского районного суда города Москвы от 11 марта 2008 г.; Определение Таганрогского городского суда Ростовской области от 05 декабря 2006 г.; Определение Советского районного суда города Волгограда от 29 января 2007 г.; Определение Волгоградского областного суда от 14 марта 2007 г.; Определение Московского городского суда от 28 апреля 2008 г., упоминание об этом есть также в публичной версии аннотированной повестки дня 1028-го Заседания заместителей министров Комитета Министров Совета Европы CM/Del/OJ/DH(2008)1028. Раздел 4.2. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1315659&Site=COE&BackColorInternet=DBDCF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC864> (дата обращения: 01.10.2010).

г. по ее иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения и о взыскании убытков, где она в качестве вновь открывшегося обстоятельства указывала принятие 13 апреля 2006 г. ЕСПЧ Постановления по ее жалобе, которым установлено, что судебное решение было принято незаконным составом суда.

В данном Определении содержатся сведения, что в своей жалобе в Конституционный Суд РФ Е. Ю. Федотова просила признать ч. 2 ст. 392 ГПК РФ, содержащую перечень оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, противоречащей ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, поскольку она препятствует пересмотру решения суда общей юрисдикции по вновь открывшимся обстоятельствам в случае, когда таким обстоятельством является судебная ошибка, установленная решением ЕСПЧ, вынесенным по жалобе заявителя.

Такое изложение жалобы Федотовой находится в некотором противоречии с описанием предмета обращения Федотовой в Таганрогский городской суд в изложении Конституционного Суда РФ. Именно из описания производства по вновь открывшимся обстоятельствам в Таганрогском городском суде следует, что Федотова указывала в качестве вновь открывшихся обстоятельств решение ЕСПЧ, а из описания жалобы в Конституционный Суд РФ следует, что она указывает в качестве вновь открывшихся обстоятельств уже иное обстоятельство – судебная ошибка, установленная решением ЕСПЧ, вынесенным по жалобе заявителя. Конечно же, это совсем разные обстоятельства.

В первом случае вынесение постановления ЕСПЧ является юридическим фактом, свидетельствующем о деликте со стороны России – нарушении Конвенции. Во втором случае подразумевается, что в качестве вновь открывшегося обстоятельства выступает факт установления в постановлении ЕСПЧ нарушения процессуального закона РФ. То есть налицо серьезное изменение правовой аргументации заявителя, либо это обычное явление подмены предмета жалобы на другой, более удобный для рассмотрения, либо более правильный аргумент с точки зрения Конституционного Суда РФ. Полагаем далее

неуместным строить различные предположения по данному поводу, лишь укажем, что это, на наш взгляд, серьезнейшим образом повлияло на результат рассмотрения жалобы.

Конституционный Суд РФ, изучив представленные Е. Ю. Федотовой материалы, не нашел оснований для принятия ее жалобы к рассмотрению, указав, среди прочего, что сама по себе оспариваемая норма не препятствует пересмотру судебного акта в целях исправления судебной ошибки в связи с принятием ЕСПЧ иного решения по жалобе гражданина. Однако же суды общей юрисдикции дают иное толкование ст. 392 ГПК РФ, например, в определении судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28 апреля 2008 г. делается противоположный вывод о том, что перечень обстоятельств для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, установленный в ст. 392 ГПК РФ является исчерпывающим и поэтому, определение первой инстанции, которым было отказано в пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам в связи вынесением постановления ЕСПЧ, установившего нарушение Конвенции в деле заявителя, является законным и обоснованным.

В тоже время весьма трудно сказать, что Конституционный Суд РФ дал в цитируемом Определении конституционно-правовое толкование ст. 392 ГПК РФ. Скорее всего, выражение «сама по себе оспариваемая норма не препятствует пересмотру судебного акта в целях исправления судебной ошибки в связи с принятием ЕСПЧ иного решения по жалобе гражданина» все же не является основанием решения (*ratio decidendi*), а является всего лишь попутно сказанным (*obiter dictum*). К такому выводу мы пришли, учитывая, что данное мнение содержится в отказном определении, которое вынесено не по результатам рассмотрения жалобы по существу и не содержит в себе в качестве оснований ссылок на уже ранее сформированные правовые позиции Конституционного Суда РФ. Полагаем, что основанием для отказа в рассмотрении жалобы явилось то, что, анализируя представленные материалы, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что судебное решение, о пересмотре которого по вновь открывшимся обстоятельствам просила заявительница, было вынесено с

существенным нарушением норм процессуального права (незаконным составом суда), и такое нарушение является основанием для обращения в суд надзорной инстанции с соответствующей жалобой, поскольку для исправления судебных ошибок, допущенных вследствие нарушения или неправильного применения судом норм права, законодательство предусматривает другие формы проверки вступивших в законную силу решений вышестоящими судами общей юрисдикции – пересмотр судебных постановлений в порядке надзора.

Соответственно, Конституционный Суд РФ отказал в рассмотрении жалобы, указав, что проверка правильности выбора и применения правовых норм при рассмотрении конкретного дела судом общей юрисдикции и тем самым законности и обоснованности судебного решения к полномочиям Конституционного Суда РФ, установленным в статье 125 Конституции РФ и статье 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», не относится.

Таким образом, Конституционный Суд РФ уклонился от рассмотрения жалобы по существу, полагая, что нет проблемы с вопросом о пересмотре судебного акта в порядке надзора, если судебная ошибка установлена решением ЕСПЧ, вынесенным по жалобе заявителя. Напоминаем, что Конституционный Суд РФ не рассматривал вопрос о соответствии Конституции РФ ст. 392 ГПК РФ как содержащей исчерпывающий перечень оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов и препятствующей пересмотру решения суда общей юрисдикции по вновь открывшимся обстоятельствам в случае, когда таким обстоятельством является постановление ЕСПЧ, вынесенное по жалобе заявителя.

Возможно, что вынесение определения Конституционного Суда РФ в такой редакции было вызвано критикой процессуалистов правовых позиций Конституционного Суда РФ, предусматривающих возможность пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам при обнаружении судебной ошибки (Постановление Конституционного Суда РФ от 03 февраля 1998 г. № 5-П). Вероятно причиной отказа в рассмотрении жалобы было также то, что на следующий день после оглашения Конституционным Судом РФ Постановления

от 05 февраля 2007 г. №2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан», было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06 февраля 2007 г. № 4 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона „О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РФ“»⁶⁶. В предложенном Верховным Судом РФ законопроекте было предусмотрено внесение изменений в ст. 392 ГПК РФ, в том числе дополнение перечня вновь открывшихся обстоятельств фактом установления ЕСПЧ нарушения Конвенции в деле заявителя.

Данный законопроект был представлен Уполномоченным РФ при ЕСПЧ на 1007 заседании Комитета Министров Совета Европы, состоявшемся 15–17 октября 2007 г. в качестве общих мер по исполнению постановлений ЕСПЧ группы «Рябых»⁶⁷.

Полагаем, что Конституционный Суд РФ знал о том, что Государственная Дума РФ 07 ноября 2007 г. приняла предложенный Верховным Судом РФ проект изменений в ГПК РФ в первом чтении. Свидетельством тому может быть то, что в выступлении 29 ноября 2007 г. на круглом столе в ЕСПЧ Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, затрагивая вопрос исполнения решений ЕСПЧ, упомянул данный законопроект, обратив внимание на то, что им предусмотрено внесение изменений в ГПК РФ, согласно которым вынесение постановления ЕСПЧ по делу заявителя является основанием для пересмотра

⁶⁶ URL: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=4705 (дата обращения: 05.05.2007).

⁶⁷ Султанов А. Р. Проект изменений в ГПК РФ: утраченные иллюзии // Закон. 2007. № 12. С. 119–126.

вынесенных по делу судебным постановлением по вновь открывшимся обстоятельствам⁶⁸.

Однако, по всей видимости, Конституционному Суду РФ не было известно, что уже ко второму чтению данное основание для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам было исключено из законопроекта⁶⁹, и уже 14 ноября 2007 г. законопроект был принят во втором чтении без упоминания в его тексте данного основания для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам⁷⁰.

В принятом законе⁷¹ также отсутствовало упоминание о таком основании для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, как вынесение постановления ЕСПЧ по делу заявителя. В тоже время жестко установленные пресекательные сроки для обращения в надзорную инстанцию и ограничение оснований для восстановления сроков делает невозможным пересмотр судебного акта в порядке надзора, поскольку рассмотрение дела в ЕСПЧ занимает значительно больше времени, чем установленный срок для обращения в

⁶⁸ Зорькин В. Д. Реализация Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правовом поле. Цит. по: Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2008. С. 489.

⁶⁹ Ознакомление со стенограммой заседания Государственной Думы РФ от 07 ноября 2007 г. (первое чтение) и заключениями на данный законопроект, к сожалению, не позволило обнаружить какие-либо уважительные причины по исключению из текста законопроекта предложения рассматривать вынесение постановления ЕСПЧ по делу заявителя в качестве основания для пересмотра вынесенных по делу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам.

⁷⁰ Электронная регистрационная карта на законопроект № 393115-4 «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РФ» (по вопросу обжалования судебных постановлений) доступна в сети Интернет. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=393115-4&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=393115-4&02).

⁷¹ О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ // Рос. газ. 2007. 8 декабря. № 276.

надзорную инстанцию. Соответственно, даже если согласиться с тем, что на момент вынесения Определения Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 757-О-О была возможность пересмотра судебных актов в порядке надзора после обнаружения судебной ошибки в ходе разбирательства в ЕСПЧ, то в связи с изменениями в ГПК РФ в 2007 г. она была утрачена. Это, в свою очередь, открывало возможность применения относительно ст. 392 ГПК РФ правовых позиций, изложенных в Определении Конституционного Суда РФ от 09 апреля 2002 г. № 28-О: «...процессуальный закон, устанавливая порядок возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам как особой стадии судопроизводства, призванной устранить допущенные при рассмотрении дела судебные ошибки, которые не были или не могли быть выявлены ранее, не может вводить такое ограничение круга оснований для возобновления дела и такое ограничение полномочия судов по проверке этих оснований, которые делали бы невозможным исправление допущенных судебных ошибок и восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан и иных лиц».

Полагаем уместным здесь упомянуть проблему правильного определения, что является основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. Является ли таковым «судебная ошибка, установленная в Постановлении ЕСПЧ», как полагают некоторые авторы? На наш взгляд, все же более правильным будет использованный законодателем подход, когда он указывал в качестве вновь открывшихся обстоятельств «установленное ЕСПЧ *нарушение* положений Конвенции при рассмотрении судом РФ конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека». То есть в качестве основания для пересмотра указывается деликт – нарушение прав и свобод человека государством, а не просто существенное нарушение материального или процессуального права, обнаруженное ЕСПЧ.

При таком подходе пересмотр судебных актов становится обязательным в силу конституционных гарантий, поскольку сам факт нарушения прав и свобод человека уже включает механизм гарантии государственной защиты (ст. 45 Конституции РФ). В том случае, когда национальные суды не обнаружили

нарушение прав и свобод человека, а данный факт установлен межгосударственными органами, государственная защита прав и свобод человека также гарантируется ст. 45 Конституции РФ.

Если рассматривать в качестве вновь отрывшихся обстоятельств «судебную ошибку, установленную в постановлении ЕСПЧ», то государственная защита также должна быть предоставлена, поскольку «международная юрисдикция является по отношению к институту пересмотра судебных актов внутри страны дополнительным средством, обеспечивающим восстановление нарушенного права, исправление судебной ошибки и компенсации причиненного ущерба»⁷².

Однако реализация такой государственной защиты была несколько затруднена отсутствием регламентации ее осуществления в гражданском процессе. Помимо того, что возможность такой регламентации в ГПК РФ была упущена при внесении изменений в ГПК РФ на основании проекта Верховного Суда РФ, можем упомянуть, что в апреле 2008 г. был снят с рассмотрения проект федерального закона № 22649-4 «О внесении изменений в статьи 392 и 395 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы РФ С. А. Капковым и А. В. Скочем в связи с отзывом законопроекта автором⁷³. Один из авторов законопроекта объяснил свое заявление об отзыве законопроекта ознакомлением с заключениями правовых управлений Правительства и Президента⁷⁴. К сожалению, электронная регистрационная карта на законопроект № 222649-4 «О внесении изменений в статьи 392 и 395 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»⁷⁵ не содержит сведений о заключениях Правительства РФ и

⁷² Пересмотр судебных актов в гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве / под. ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2007.

⁷³ Протокол № 25 заседания Совета Государственной Думы РФ от 24 апреля 2008 г. п. 26.

⁷⁴ См. стенограмму заседания Государственной Думы РФ за 11 апреля 2008 г.

⁷⁵ URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=222649-4&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=222649-4&02).

Президента РФ на данный законопроект. На сайте Государственной Думы РФ размещено лишь заключение Правового Управления аппарата Государственной Думы РФ. Из данного заключения видно, что имеются замечания к данному законопроекту, но не содержится предложений по его отклонению. В заключении, в частности, указано: «Право Европейского Суда по правам человека проводить проверку федеральных законов на предмет их соответствия Конвенции о защите прав человека и основных свобод и признавать их не соответствующими этой Конвенции вызывает сомнение. Европейский Суд по правам человека, учрежденный Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года), призван принимать решение о нарушении или отсутствии нарушений прав человека, определенных Конвенцией, по конкретным делам заявителей, обратившихся в Суд, и не входит в обсуждение национального законодательства стран, входящих в Совет Европы. Кроме того, из формулировки предлагаемого проектом п. 6 ч. 2 ст. 392 ГПК РФ остается неясным, идет ли речь только об установленном Европейским Судом по правам человека нарушении судом при рассмотрении гражданского дела Конвенции о защите прав человека и основных свобод либо об установленном Европейским Судом по правам человека факта применения федерального закона, не соответствующего указанной конвенции, либо о совокупности указанных событий».

Действительно, в юрисдикцию ЕСПЧ не входят полномочия по дисквалификации правовых норм стран-участников Конвенции, но известны случаи, когда предметом разбирательства в ЕСПЧ были вопросы соответствия национального законодательства Европейской Конвенции⁷⁶.

⁷⁶ Постановление ЕСПЧ от 7 декабря 1976 г. по делу *Кьелдсен (Kjeldsen), Буск Мадсен (Busk Madsen) и Педерсен (Pedersen) против Дании*; Постановление ЕСПЧ от 6 сентября 1978 г. по делу *Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии*; Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2015 г. по делу *Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации* (Жалоба № 47143/06; Большая Палата ЕСПЧ).

Необходимо также учесть, что сам факт присоединения к Европейской Конвенции возлагает на государства-участники обязанность привести свое законодательство в соответствии с европейскими правовыми стандартами. Как было отмечено в Постановлении ЕСПЧ от 24 октября 1979 г. по делу *Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов*: «...само внутреннее законодательство должно соответствовать Конвенции, включая общие принципы, выраженные или подразумеваемые в ней».

Соответственно, ЕСПЧ, рассматривая жалобу о нарушении норм Конвенции, вправе рассмотреть вопрос о соответствии национального законодательства Конвенции, положениям Конвенции, хотя, конечно же, постановление ЕСПЧ, как правило, не будет содержать в своей резолютивной части положений о дисквалификации норм, не соответствующих Конвенции⁷⁷. Но это не дает право государству игнорировать правовые позиции ЕСПЧ, содержащие в себе толкование норм Конвенции и выводы о несоответствии норм национальных законов Конвенции. Игнорирование таких правовых позиций

⁷⁷ По крайней мере, ранее, до того как ЕСПЧ стал принимать пилотные решения, в резолютивной части не содержалось никаких указаний о характере общих мер для устранения системной ошибки. В настоящее время, уже существуют постановления ЕСПЧ, в которых в резолютивной части содержатся указания о необходимости принятия общих мер для устранения системной ошибки, см. например: Постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2005 г. по делу *Ксенидес-Арестис против Турции*, жалоба № 46347/99; Постановление ЕСПЧ от 29 марта 2006 г. по делу *Скордино против Италии*, жалоба № 36813/97; Постановление ЕСПЧ от 19 июня 2006 г. по делу *Хуттен-Чапска против Польши*, жалоба №35014/97, Постановление ЕСПЧ от 13 ноября 2007 г. по делу *Дриза против Албании*, жалоба № 33771/02; Постановление ЕСПЧ от 27 ноября 2007 г. по делу *Объединение «Урбарска обец тренчанскс бискупнице» против Словакии*, жалоба № 74258/01; Постановление ЕСПЧ от 20 мая 2008 г. по делу *Гюльшиез против Турции*, жалоба № 16330/02, Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по делу *Бурдов против РФ (№ 2)*, жалоба № 33509/04 и др.

равнозначно попытке не исправлять системных ошибок в национальном праве⁷⁸ и получать новые и новые постановления ЕСПЧ, в которых будут устанавливаться нарушения Конвенции.

Европейский Суд в таких случаях рекомендует правоприменителям не ждать изменения законодательства, а применять нормы Конвенции: «Глобальная реформа, нацеленная на глубокий и последовательный пересмотр всей системы правового регулирования... никоим образом не является предварительным условием соблюдения Конвенции...»⁷⁹.

Хотя сам ЕСПЧ весьма осторожно подходит к вопросам придания его актам обратной силы в гражданских спорах, дабы не нарушить принцип правовой определенности, полагаем, что в спорах, возникающих из публичных правоотношений, данные опасения излишни, не должно возникать *res judicata* в споре с государством при применении неконвенционной нормы. «...Заключая Конвенцию, государства-участники не желали установить взаимные права и обязанности, предназначенные для удовлетворения их национальных интересов, но реализовать цели и идеалы Совета Европы в том виде, в каком они изложены в его Уставе, и установить публичный порядок сообщества свободных демократий Европы для сохранения их общих политических традиций, идеалов свободы и верховенства права. ...Изложенные в Конвенции обязательства государств-участников носят в большинстве своем объективный характер, поскольку они стремятся к защите фундаментальных прав частных лиц против их нарушения со стороны договаривавшихся государств, а не к созданию субъективных прав

⁷⁸ Об исправлении системных ошибок см.: Султанов А. Р. Об исполнении Постановлений Европейского Суда по правам человека, как средстве реализации конституционных ценностей // Международное публичное и частное право. 2008. № 4. С. 15–18.

⁷⁹ *Vermeire v. Belgium*, judgment of 29 November 1991, Series A no. 214-C, 26.

между последними»⁸⁰. Этот необычный характер Конвенции как международного договора, направленного на создание объективных обязанностей, позволил Председателю Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькину сделать вывод, что «в целом в рамках Большой Европы Конвенция *de facto* превращается в общеевропейскую, договорную по своему происхождению, Конституцию основных прав и свобод»⁸¹.

Возможно, именно этим пониманием руководствовался законодатель при описании в УПК РФ процедуры возобновления производства в связи вынесением постановления ЕСПЧ, которая, в частности, предполагает в качестве возобновления производства по делу новое обстоятельство – установление ЕСПЧ нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом РФ уголовного дела, связанного с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции (пп. «а», п. 2, ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

Таким образом, вывод сделанный в заключении Правового управления аппарата Государственной Думы РФ далеко не бесспорен. Также как и следующее предложение: «Как и в случае с решением Конституционного Суда РФ нуждается в ограничении круг гражданских дел, которые могут быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушений положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод федеральным законом, примененным российским судом при рассмотрении конкретного гражданского дела. Обращаем внимание, что п. 7 ст. 311 АПК РФ признает в подобных случаях право на пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам только за заявителем, обращение которого в ЕСПЧ повлекло установление нарушений положений Конвенции о защите прав

⁸⁰ Решение Европейской комиссии по правам человека от 11 января 1961 г. по делу *Австрия против Италии*, жалоба №788/60.

⁸¹ *Зорькин В. Д.* Интеграция Европейского конституционного пространства // В. Д. Зорькин Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С. 338.

человека и основных свобод при рассмотрении конкретного дела. Аналогичная оговорка в тексте предлагаемых проектом дополнений в ст. 392 ГПК РФ была бы уместна».

Данное предложение противоречило правовым позициям Конституционного Суда РФ, последовательно воспроизведенным в целом ряде определений⁸².

В данных определениях Конституционный Суд РФ, давая толкование положениям ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ст. 311 АПК РФ и ст. 392 ГПК РФ указывает, что «... как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года № 4-П по делу о проверке конституционности положений статей 371, 374 и 384 УПК РСФСР, решения Конституционного Суда РФ являются не только материально-правовым основанием для пересмотра ранее принятых судебных актов, но и официальным поводом для возбуждения дела по вновь открывшимся обстоятельствам лишь в отношении тех лиц, которые выступали заявителями в деле, насматривавшемся Конституционным Судом РФ». Что же касается лиц, таковыми не являвшимися, но в отношении которых были применены нормативные положения, получившие в решении Конституционного Суда РФ истолкование, отличное от придававшегося им сложившейся правоприменительной практикой, то такое решение Конституционного Суда РФ влечет пересмотр (изменение или отмену) основанного на нем судебного акта только в тех случаях, когда он либо не вступил в законную силу, либо вступил в законную силу, но не исполнен или исполнен частично. То есть в основу заключения Правового управления были положены неконституционные толкования процедуры пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, что, на наш взгляд, свидетельствует о некоторой

⁸² Определения Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 г. № 4-О, от 5 февраля 2004 г. № 78-О, от 27 мая 2004 года № 211-О, от 1 ноября 2007 г. № 827-О-П, от 12 мая 2006 г. № 135-О и др.

поспешности депутатов при отзыве законопроекта. Их предложения вполне имели право на то, чтобы превратиться в действующие нормы закона. Но даже если бы действительно предложения и замечания Правового управления были бы правомерными, то и в этом случае не стоило отзывать законопроект, а следовало его лишь доработать.

При рассмотрении данного законопроекта в Совете при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия экс-председатель Конституционного Суда РФ, экс-судья ЕСПЧ от РФ В. А. Туманов предложил проанализировать вопрос отсутствия в ГПК РФ нормы, предусматривающей возможность пересмотра вступившего в силу решения российского суда по тому основанию, что ЕСПЧ установил в нем нарушение права, гарантированного Конвенцией, с позиции конституционного права в контексте ст. 19 Конституции РФ, которой твердо закреплён принцип, что все равны перед судом и, соответственно, всем должны быть доступны равные средства правовой защиты своих прав и в первую очередь судебной защиты. При таком подходе трудно, например, объяснить, почему судебное решение по спору о праве собственности между юридическим лицом и государством, в котором Страсбург усмотрел нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, может стать предметом пересмотра в Арбитражном суде, а решение суда общей юрисдикции по аналогичному спору между гражданином и государством при тех же условиях не подлежит пересмотру, и гражданин не может использовать это средство правовой защиты только потому, что рассмотрение спора было в суде общей юрисдикции. Какими серьёзными юридическими аргументами (а не соображениями практического характера) можно объяснить эту, мягко говоря, неувязку, ведущую к нарушению конституционного принципа равенства граждан перед судом. По его мнению, все вышесказанное является очень серьёзным аргументом в пользу включения в ГПК нормы аналогичной той, что содержится в АПК РФ и УПК РФ⁸³.

⁸³ По материалам заседания Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, проходившего 21 февраля 2008 г. См.: Стенограмма заседания. С. 33.

Другим важным моментом, который, на наш взгляд, не был надлежащим образом оценен Государственной Думой в 2007–2008 гг., было то, что не восстановление нарушенных прав и отказ в пересмотре судебного акта в связи с установлением ЕСПЧ нарушения Конвенции в ряде случаев может являться новым фактом вмешательства в защищаемые Конвенцией основные свободы и права человека и стать причиной для вынесения нового постановления ЕСПЧ, в котором будет снова установлено нарушение Конвенции⁸⁴.

В качестве примера можно привести Постановление ЕСПЧ от 4 октября 2007 г. по делу «Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии» против Швейцарии (жалоба № 32772/02)⁸⁵. По ее первоначальной жалобе (№ 24699/94) ЕСПЧ в Постановлении от 28 июня 2001 г. установил нарушение ст. 10 Конвенции в связи с отказом властей Швейцарии разрешить трансляцию телевизионного ролика, выражающего протест против методов промышленного разведения животных. На основании постановления ЕСПЧ ассоциация-заявитель обратилась в Федеральный суд с целью пересмотра решения, запрещающего трансляцию ролика. В 2002 г. Федеральный суд отклонил это требование. Ассоциация-заявитель подала новую жалобу в ЕСПЧ.

В новом Постановлении ЕСПЧ обратил внимание на то, что *отказ отменить решение, запрещающее трансляцию спорного ролика, представляет собой новое вмешательство* в осуществление ассоциацией-заявителем прав, предусмотренных ст. 10 Конвенции. Федеральный суд отклонил ее ходатайство о пересмотре дела на том основании, что она не представила достаточных объяснений относительно «требуемого изменения решения и компенсации». Такой подход представляется чрезмерно формальным, поскольку из обстоятельств дела в целом следовало, что требование ассоциации касалось

⁸⁴ См. например: Постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2015 г. по делу *Bochan v. Ukraine* (№ 2) (*Бочан против Украины* (№ 2); жалоба № 22251/08; Большая Палата ЕСПЧ) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 6/2015.

⁸⁵ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 7/2008.

трансляции спорного ролика, которую Федеральный суд запретил в 1997 г. Более того, Федеральный суд указал, что ассоциация-заявитель не доказала надлежащим образом сохранение интереса в трансляции первоначальной версии ролика. Он фактически занял место ассоциации, решая вопрос о том, имелась ли какая-либо цель в такой трансляции. Однако суд не указал, каким образом изменилась или утратила актуальность общественная дискуссия по вопросу промышленных методов разведения животных по сравнению с 1994 г., когда ролик первоначально предполагалось транслировать. Таким образом, доводы, приведенные Федеральным судом Швейцарии, учитывая характер дела в целом и важность обеспечения и поддержания в демократическом обществе свободы выражения мнения по вопросам, несомненно представляющим всеобщий интерес, не были относимы и достаточны для оправдания вмешательства в права заявителя. Европейский суд на основании вышеизложенного установил, что допущено нарушение требований ст. 10 Конвенции⁸⁶.

Надо отметить, что проблема пересмотра судебных актов после решений межгосударственных органов не была забытой и продолжала активно обсуждаться. Так на круглом столе Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству на тему «Конституция РФ как правовая основа развития общества и государства» эта проблема была поднята судьей от России в Международном трибунале Организации Объединенных Наций по морскому праву, почетным президентом

⁸⁶ Данное Постановление ЕСПЧ было оставлено в силе после рассмотрения дела в Большой Палате ЕСПЧ. См. подробнее: *Султанов А. Р. Уроки Постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Verein gegen tierfabriken schweiz (Объединение против промышленного разведения животных) (VgT) против Швейцарии (№ 2)» (Жалоба № 32772/02) от 30.06.2009 // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1. С. 99–125.*

Ассоциации международного права, профессором А. Л. Колодкиным⁸⁷. Президентом РФ Д. А. Медведевым в Послании Федеральному Собранию РФ 05 ноября 2008 г. было также обращено внимание на необходимость разрешения проблемы с исполнением судебных решений, и указано, что это в конечном счете будет способствовать усилению национального механизма применения Конвенции⁸⁸. Об этой проблеме также упомянул Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в Докладе на VII Всероссийском Съезде судей 02 декабря 2008 г.⁸⁹

Но законодатель вынужден был внести изменения в ГПК РФ все же не потому, что на необходимость разрешения этой проблемы обращала внимание юридическая общественность, и не из-за давления органов Совета Европы, а благодаря инициативе граждан и юристов следующих максиме: «Борьба за право есть обязанность управомоченного по отношению к самому себе»⁹⁰, которые добились рассмотрения в Конституционном Суде РФ вопроса о конституционности ст. 392 ГПК РФ.

В декабре 2008 г. Государственная Дума РФ проинформировала Конституционный Суд РФ о том, что нет никаких препятствий для внесения изменения в ст. 392 ГПК РФ⁹¹, но законодатель не воспользовался имевшейся возможностью для устранения несправедливости и предоставления возможности реального исполнения постановлений ЕСПЧ, тем самым уступив разрешение данного вопроса Конституционному Суду РФ.

⁸⁷ Стенограмма круглого стола доступна в сети Интернет. URL: <http://www.igpran.ru/public/publiconsite/2008.%20Pligin.DOC> (дата обращения: 08.02.2011).

⁸⁸ URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения: 12.01.2011).

⁸⁹ URL: <http://www.ksrf.ru/news/msg.asp?id=182&pg=1> (дата обращения: 12.01.2009).

⁹⁰ *Иеринг Р.Ф.* Борьба за право. СПб. 2006. С. 36.

⁹¹ *Бодрягина О.* Зигзаги процесса. Интервью с Л. М. Жарковой, судьей Конституционного Суда РФ, заслуженным юристом РФ // ЭЖ-Юрист. май 2010. № 18.

В декабре 2008 г. Конституционный Суд РФ принял к рассмотрению жалобу гражданки Е. Ю. Федотовой на нарушение ее конституционных прав положениями ГПК РФ, которая просила признать раздел IV ГПК РФ «Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений» несоответствующим ч. 4 ст. 15, ст. 18, ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ в той мере, в какой он не предоставляет эффективного средства правовой защиты нарушенного права, признанного Конвенцией, когда факт нарушения такого права установлен постановлением ЕСПЧ.

Ранее Конституционный Суд РФ отклонил жалобу на нарушение ее прав ст. 392 ГПК РФ Определением № 757-О-О, краткий комментарий которого содержится выше. Получив текст данного Определения, Е. Ю. Федотова безуспешно обратилась в Таганрогский городской суд с ходатайством о восстановлении срока на подачу надзорных жалоб на состоявшиеся судебные акты, в удовлетворении ходатайств ей было отказано на том основании, что срок на надзорное обжалование установлен в один год с момента вступления судебного акта в законную силу, тогда как с момента вступления в законную силу оспариваемых актов прошло порядка 7 лет.

Ввиду сложившейся ситуации, при которой достоверно установлено, что определение и решение Таганрогского городского суда от 02 октября 2000 г. и 16 октября 2000 г. соответственно являются явно незаконными, но отсутствуют доступные эффективные средства правовой процедуры, которыми можно было бы добиться их пересмотра, Е. Ю. Федотова снова обратилась в ЕСПЧ с жалобой теперь уже на нарушения ст. 13 Конвенции⁹² и в Конституционный Суд РФ о неконституционности раздела IV ГПК РФ.

Конституционный Суд РФ, соединив жалобу Федотовой с жалобами еще двух граждан, рассмотрел спорный вопрос и вынес Постановление 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392

⁹² Письмом от 07 июля 2008 г. ЕСПЧ уведомил заявителя, что начато предварительное изучение данной жалобы.

Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой».

Данное Постановление, безусловно, разрешило проблему отсутствия процедуры пересмотра (возобновления производства по делу) в гражданском процессе после вынесения постановления Европейским Судом по правам человека и послужило основанием для действий законодателя по изменению ст. 392 ГПК РФ.

Надо отметить, что Конституционный Суд РФ разрешил эту проблему путем конституционно-правового толкования процессуальных норм. Толкование не восполнило существовавший пробел, а лишь указало на путь его преодоления. Впрочем, утверждение, что был указан способ преодоления пробела, сужает правовое значение этого постановления, поскольку конституционно-правовое толкование есть своего рода вектор для развития законодательства.

В этом решении среди прочего было указано, что федеральный законодатель обязан в целях единообразного и надлежащего правового регулирования, руководствуясь Конституцией РФ и правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом РФ, в том числе в названном постановлении, внести изменения в ГПК РФ с тем, чтобы гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления ЕСПЧ факта нарушения положений Конвенции при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Страсбург.

После ознакомления с Постановлением Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П очевидно, что пересмотр вступивших в законную силу судебных актов после установления ЕСПЧ факта нарушения Конвенции может и должен производиться в рамках процедуры пересмотра по вновь открывшимся

обстоятельствам⁹³ по аналогии с нормами АПК РФ до вступления в законную силу изменений в ГПК РФ.

Правильная оценка может быть дана, только если принять во внимание правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в других его решениях, и на которые он сослался при принятии обсуждаемого постановления.

Так, крайне важны следующие положения:

«3.3. ...В такой ситуации для заинтересованных лиц не исключается возможность обращения с соответствующим заявлением в суды общей юрисдикции, которые при рассмотрении таких заявлений – в силу части четвертой статьи 1 ГПК РФ, предписывающей им в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, применять норму, регулируемую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действовать исходя из принципов осуществления правосудия в РФ (аналогия права), – обязаны руководствоваться как пунктом 7 статьи 311 АПК РФ, так и пунктом 5 части второй статьи 392 ГПК РФ, с тем *чтобы обеспечить, насколько это возможно исходя из фактических обстоятельств конкретного дела и характера спорных правоотношений, восстановление нарушенных прав.*

Поскольку права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, – это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции РФ, подтверждение их нарушения соответственно Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом РФ – в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения – предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального

⁹³ Хотя, как мы выше уже указывали, в АПК РФ законодатель также внес изменения, что, впрочем, не исключало применения новых правил по аналогии до момента вступления в силу изменений в ГПК РФ. Однако осталось непонятным, почему законодатель отсрочил вступление новой редакции ст. 392 ГПК РФ до 01 января 2012 г.

механизма исполнения принимаемых ими решений. Соответственно, исходя из требований Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, положения ст. 392 ГПК РФ должны рассматриваться в системе действующего правового регулирования в непротиворечивом нормативном единстве, в том числе с учетом того, что п. 5 ч. 2 данной статьи относит к вновь открывшимся обстоятельствам признание Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ закона, примененного в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Конституционный Суд РФ, и интерпретироваться на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно правовых последствий его решений, сформулированных в ряде определений (от 5 февраля 2004 г. № 78-О, от 12 мая 2006 г. № 135-О, от 1 ноября 2007 г. № 827-О-П, от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р и др.) и подтвержденных в постановлении от 21 января 2010 г. № 1-П».

Конституционный Суд РФ фактически «обязал» применять к решениям Европейского Суда по правам человека механизм пересмотра, аналогичный применяемому в отношении его собственных решений, но не стал описывать этот механизм полностью, сочтя возможным сослаться на ранее вынесенные акты, в частности, на Постановление от 21 января 2010 г. № 1-П⁹⁴, в котором было разъяснено: «3.3. Разрешая вопрос о возможности пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных решений, вынесенных на основании законоположений, признанных впоследствии Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ, Конституционный Суд РФ пришел к следующим выводам.

В отношении лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, если их дела также были разрешены на основании актов, признанных неконституционными, действует положение части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которым решения судов и иных

⁹⁴ Текст постановления см.: Рос. газ. 2010. 10 февраля. № 27.

органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях, то есть с использованием закрепленных другим законодательством материально-правовых оснований и процессуальных институтов. Пересмотр судебных решений в связи с признанием нормы неконституционной не может, однако, производиться без надлежащего волеизъявления заинтересованных субъектов и учета требований отраслевого законодательства. Для защиты прав указанных лиц могут использоваться все предусмотренные отраслевым законодательством судебные процедуры, в частности пересмотр как в порядке судебного надзора, так и по вновь открывшимся обстоятельствам. При этом наличие материальных и процессуальных предпосылок, а также возможных препятствий для пересмотра основанных на неконституционных актах решений (например, в связи с истечением срока исковой давности либо пропуском срока для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам) подлежит установлению по заявлению гражданина или уполномоченного должностного лица тем судом, к компетенции которого отнесен такой пересмотр, при соблюдении общих правил судопроизводства (определения от 14 января 1999 года № 4-О и от 5 февраля 2004 года № 78-О).

В Определении от 27 мая 2004 года № 211-О Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из ранее выраженных им правовых позиций, подтвердил, что пункт 6 статьи 311 АПК РФ не может рассматриваться как запрещающий пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов, вынесенных до принятия Конституционным Судом Российской Федерации решения, в котором выявлен конституционно-правовой смысл положенных в их основу норм.

В Определении от 11 ноября 2008 года № 556-О-Р Конституционным Судом Российской Федерации сформулированы правовые позиции, определяющие юридические основания и конкретный механизм последующего пересмотра по результатам конституционного судопроизводства решений судов общей

юрисдикции и арбитражных судов по делам обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации заявителей, в которых оспариваемая норма была применена в неконституционном истолковании, повлекшем нарушение их конституционных прав и свобод.

В соответствии с этими правовыми позициями конституционно-правовое толкование нормативного акта или отдельного его положения, проверяемых посредством конституционного судопроизводства, относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, который, разрешая дело и устанавливая соответствие Конституции Российской Федерации оспариваемого акта, в частности по содержанию норм, обеспечивает выявление конституционного смысла действующего права. В таких случаях выявленный Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовой смысл проверяемого нормативного правового акта является общеобязательным, в том числе для судов, разрешающих конкретные дела.

Юридической силой решения Конституционного Суда Российской Федерации, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, обуславливается невозможность ее применения (а значит – прекращение действия) в неконституционном истолковании, то есть утрата силы на будущее время в любом ином – расходящимся с выявленным конституционно-правовым – смысле, допускаясь в прежнем ее понимании. Это означает, что по общему правилу с момента вступления решения Конституционного Суда Российской Федерации в силу такая норма не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле. Поэтому решение, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, имеет юридические последствия, аналогичные последствиям признания нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации, предусмотренные частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», гарантирующей пересмотр дела заявителя компетентным органом в обычном порядке».

В целом ряде решений Конституционного Суда РФ содержится толкование ст. 100 и 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», согласно которому: *«Правоприменительные решения, основанные на признанном неконституционным акте, по делам лиц, не являвшихся участниками конституционного судопроизводства, подлежат пересмотру в установленных федеральным законом случаях. Это касается как не вступивших, так и вступивших в законную силу, но не исполненных или исполненных частично, решений. Такой пересмотр, однако, не может производиться без надлежащего волеизъявления заинтересованных субъектов и учета требований отраслевого законодательства»⁹⁵.*

Отсюда можно сделать следующее предположение: *постановление Конституционного Суда РФ № 4-П от 26 февраля 2010 г., с учетом его вышеизложенных правовых позиций, может быть основанием для пересмотра*

⁹⁵ По ходатайству гражданки А. А. Филатовой о разъяснении постановления Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П : Определение Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2008 г. № 737-О-Р; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дейнеко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 52-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курамшина Рустама Рахимджановича на нарушение его конституционных прав статьей 387 и частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2006 г. № 135-О; По жалобе гражданки Петровой Ираиды Валерьяновны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 г. № 4-О; По ходатайству Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 1999 года по жалобе гражданки И. В. Петровой на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 78-О.

по вновь открывшимся обстоятельствам по делам не только заявителей, но и других лиц, в отношении которых была применена ст. 392 ГПК РФ в неконституционном истолковании.

В то же время по непонятным причинам эти толкования Конституционного Суда РФ по настоящее время не нашли отражения ни в АПК РФ, ни в ГПК РФ и граждане России не избавлены от споров с судьями по вопросу общеобязательности толкования Конституционного Суда РФ.

Одна возможность такой ситуации, по нашему мнению, должна была понудить законодателя упростить применение конституционно-правовых толкований, внося необходимые изменения в процессуальные кодексы или, может быть, даже приняв закон об исполнении решений Конституционного Суда РФ, в котором *inter alia* был бы определен порядок быстрого и эффективного принятия «общих мер»⁹⁶.

Анализируя далее правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в п. 3.4 Постановления № 4-П, о необходимости применять по аналогии п. 5 ч. 2 ст. 392 ГПК РФ и указания об одинаковом предназначении Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека можно заключить, что *все те, чьи права и свободы нарушены способом, признанным нарушением Конвенции, могут также поставить вопрос о пересмотре судебных актов на основании постановления ЕСПЧ, вынесенного не по их заявлению, в случае, если решение не исполнено либо исполнено частично.*

Надо отметить, что ЕСПЧ чаще всего рассматривает вопросы о нарушении Конвенции именно в гражданских делах, рассмотренных российскими судами, где ответчиком (предполагаемым нарушителем Конвенции) выступает государство. В споре из публичных правоотношений, когда суд не защитил надлежащим образом от нарушения прав и свобод, гарантируемых Конвенцией, нельзя говорить том,

⁹⁶ Султанов А. Р. Правовые позиции постановлений Конституционного Суда РФ и постановлений ЕСПЧ и их правовое значение для гражданского процесса // Законодательство и экономика. 2011. № 4. С. 87–92.

что государственный орган приобрел какое-либо право в суде. *Нельзя обрести право на нарушение прав и свобод человека*⁹⁷. Все государственные органы в своей деятельности связаны целевыми установками Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2).

Согласно российской Конституции права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ). В постановлении от 19 марта 1997 г. по делу *Хорнсби против Греции*⁹⁸ ЕСПЧ обратил внимание на то, что государственная администрация – это элемент правового государства, и ее интересы идентичны целям надлежащего отправления правосудия. Таким образом, государственные органы, являясь частью правового государства, должны быть заинтересованы в пересмотре судебных актов и восстановлении нарушенных прав и свобод, гарантированных Конвенцией, не в меньшей степени, чем суды, на которых лежит ответственность по защите прав и свобод человека и гражданина⁹⁹.

В спорах о признании недействительными либо признании незаконными действий (бездействий) государственных органов при отказе в удовлетворении требований исполнения не бывает – исполнительных действий на основе таких

⁹⁷ Султанов А. Р. Жажда справедливости или жажда правосудия // Евразийский юридический журнал. 2009. № 11. С. 64–77.

⁹⁸ Постановление ЕСПЧ от 19 марта 1997 г. по делу *Хорнсби (Hornsby) против Греции* // Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2003. С. 640–662.

⁹⁹ Об обязанности применения постановлений ЕСПЧ, как вытекающей из ст. 1 Конвенции см.: Деменева А. В. Юридические последствия постановлений Европейского суда по правам человека для Российской Федерации : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010; Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М., 2010. С. 5–6.

решений не возникает, что позволяет говорить о наличии правовых условий для пересмотра судебных решений.

Отчасти этот вывод подтверждается тем, что среди вопросов, поставленных Конституционным Судом РФ при подготовке к судебному заседанию перед экспертами и специалистами, был следующий: «Вправе ли обращаться с заявлениями о пересмотре своего гражданского дела лица, в отношении которых судом РФ были допущены такие же нарушения, какие установлены Европейским Судом по обращениям других лиц, какие дополнения могут быть внесены в законодательство РФ в целях разрешения данной проблемы?»¹⁰⁰

Наш вывод основан также на том, что в п. 2.1 комментируемого Постановления суд счел необходимым указать: «В постановлении от 15 января 2009 года по делу *Бурдов против России* (№ 2)¹⁰¹ Европейский Суд по правам человека, опираясь на ранее выработанные им позиции, пришел к выводу, что статья 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод возлагает на государство-ответчика правовое обязательство не только произвести заинтересованным лицам выплаты, присужденные в качестве справедливой компенсации за признанное постановлением Европейского Суда по правам человека нарушение, но и принять меры общего характера, а если необходимо – и индивидуальные меры, с тем чтобы в национальной правовой практике положить конец этому нарушению и устранить, насколько возможно, его последствия, причем такие меры должны предприниматься и в отношении других лиц,

¹⁰⁰ Цит. по: «Заключение по вопросу соответствия Конституции РФ ст. 392 и 393 ГПК РФ кафедры правосудия и процессуального права Саратовского государственного социально-экономического университета», подготовленное по запросу Конституционного Суда РФ. Предоставлено соискателю адвокатом А. В. Кирьяновым.

¹⁰¹ Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по делу *Burdov v. Russia* (*Бурдов против России*; жалоба № 33509/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 5/2009.

оказавшихся в положении заявителя, право которого Европейский Суд по правам человека признал нарушенным».

Расширение пределов обязательной силы постановлений Европейского Суда по правам человека и распространение ее в ряде случаев и на других лиц¹⁰², в частности когда их права и свободы нарушены применением не приведенных в соответствие со стандартами Конвенции законов и нормативных актов, может помочь разгрузить Страсбургский суд, и, что не менее важно, быстрее защитить права и свободы своих граждан, уменьшив тем самым количество дел, проигранных Российской Федерацией в этом международном суде.

Так, в постановлении ЕСПЧ от 1 октября 2009 г. по делу *Кимля и другие против России*¹⁰³ был установлен факт нарушения ст. 9 Конвенции в свете ст.11 в

¹⁰² О возможности распространения правовых последствий постановления ЕСПЧ на других лиц см.: *Матвеев Д. Ю.* Обеспечение реализации в Российской Федерации постановлений Европейского Суда по правам человека // Юрист-международник. 2004. № 4; СПС «КонсультантПлюс»; *Пацания М. Ш.* Европейский Суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам // Законодательство и экономика. 2006. № 3; СПС «КонсультантПлюс»; *Ершов В. В.* Актуальные теоретические и практические вопросы Конституции России и Тырновской Конституции Болгарии // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 15; *Квитко Н.* Суд – европейский, проблемы – российские // Законность. 2007. № 1; СПС «КонсультантПлюс»; *Султанов А. Р.* Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека для лиц, участвовавших в рассмотрении дела, и третьих лиц // Арбитражная практика. 2007. № 7. С. 79–85; *Рехтина И. В.* Постановления Европейского Суда по правам человека: проблемы применения и исполнения // Международное публичное и частное право. 2007. № 6; СПС «КонсультантПлюс»; *Она же.* Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2007. № 11; СПС «КонсультантПлюс» и др.

¹⁰³ Application no. 76836/01 and 32782/03, *Kimlya and others v. Russia*, Judgment of 1 October 2009 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 2/2010; URL: <http://sutyajnik.ru/documents/2971.html>. Правовые позиции ЕСПЧ по данному делу вошли в Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2010 года : утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16 июня 2010 г. // СПС

отношении физических лиц и Саентологической церкви города Нижнекамска, в том числе в связи с тем, что регистрирующие органы и суды при рассмотрении вопроса о регистрации религиозных организаций руководствовались правилом «пятнадцати лет», установленным Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»¹⁰⁴. В ЕСПЧ находились и другие дела, аналогичные рассмотренному¹⁰⁵. Нужно ли было заявителям ждать, когда в Страсбурге будут рассмотрены их жалобы, чтобы восстановить свои права? Или же государство рассчитывало, что заявители потеряют интерес к делу, которое как правило рассматривается в ЕСПЧ не быстро? Однако по такого рода делам граждане достаточно упорны, поскольку «...духовные интересы составляют самое содержание, самую сущность человеческой личности – то, что дает ей ощущение ее подлинного «я» и от чего она не может отказаться, не переставая быть самой собою. Вот почему религиозные и нравственные убеждения способны бросить маленькую горсть людей, даже одного-единственного человека, на самую решительную борьбу с огромным обществом, со всемогущим государством. Вот почему самый вопрос о неотъемлемых правах личности был поставлен впервые именно в этой области. Раз государственное или общественное вмешательство грозит сломать в человеке его самое ценное, грозит убить самую его духовную сущность, нет ничего удивительного, если он примет решение или отстоять себя, или погибнуть. Чем более растет человеческое

«Гарант-Максимум»; сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/images/content/1k2010.doc> (дата обращения: 05.07.2010).

¹⁰⁴ Султанов А. Р. Практика исполнения Постановлений ЕСПЧ, как обеспечение реального восстановления нарушенных конвенционных прав и свобод // Правосудие в Татарстане. 2010. № 3. С. 46–49.

¹⁰⁵ Которое завершилось Постановлением ЕСПЧ по делу *Church of Scientology of St Petersburg and Others v. Russia* (Саентологическая церковь города Санкт-Петербурга и другие против России, жалоба № 47191/06) от 02 октября 2014 г. См. подробнее: Султанов А. Р. ЕСПЧ и защита от нарушений свободы совести в России // Законодательство и экономика. 2015. № 8. С. 7–13.

самоосознание, тем более растет и ценность духовной свободы. Борьба личности за свои права является, таким образом, в этой области борьбой за свободное целеполагание, за нравственную свободу. Человек хочет свободно искать Бога и его правды, ибо только свободно признанный Бог есть Бог; принудительно навязанным может быть только идол»¹⁰⁶.

Когда речь идет о защите естественных прав и свобод человека нужно учитывать, что при их реализации возникают уже не только гражданско-процессуальные правоотношения¹⁰⁷, но также и *конституционно-правовые* и *конвенционно-правовые* отношения¹⁰⁸ или конституционные охранительные и конвенционные охранительные отношения. Что имеет важное значение, поскольку одно осознание судом того, что он становится участником *конституционных охранительных*¹⁰⁹ и *конвенционных охранительных*

¹⁰⁶ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., «Статут», 2003. С. 87-88 (впервые опубликована в 1917 г.).

¹⁰⁷ Оскар Бюлов определял гражданский процесс как публично-правовое, последовательно развивающееся правоотношение между судом и сторонами (Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки. М., 2019. С. 30).

¹⁰⁸ Султанов А. Р. Совершенствование системы защиты прав и свобод человека // Закон. 2012. № 2. С. 25–34. Ранее мы использовали термин «конвенционно-правовые отношения», позже мы стали использовать более точный термин «конвенциональные охранительные правоотношения», которые, на наш взгляд, являются правоотношениями, связанными с реализацией прав и свобод, защищаемых Конвенцией, причем этот термин охватывает и внутринациональные правоотношения и международно-правовые в связи с обращением в ЕСПЧ и в связи с исполнением постановления ЕСПЧ.

¹⁰⁹ Как отмечают конституционалисты, охранительные конституционно-правовые отношения возникают вследствие неправомерного поведения их субъектов или недостижения ими конституционно значимых целей, заложенных в нормах права, как реакция государства на результаты поведения сторон. См.: Конституционное право: университетский курс : учебник. В 2 т. / С. В. Арбузов, Т. В. Бережная, И. А. Володько [и др.] ; под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 432 с.

отношений¹¹⁰, и может стать причиной возникновения таких правоотношений в результате нарушения Конвенции судом, должно мотивировать суд надлежащим образом рассмотреть вопрос о нарушении прав и свобод в том виде, в котором они защищены Конституцией РФ и Конвенцией.

Охранительные правоотношения возникают между участниками общественной жизни в результате правонарушения¹¹¹, оспаривания прав и свобод человека, защищаемых Конвенцией, создания иных помех в их реализации. В отличие от гражданского охранительного правоотношения, где субъектами правоотношений выступают, как правило, правонарушитель и потерпевшее лицо¹¹² в сфере имущественного оборота, субъектами конвенционального охранительного правоотношения в первую очередь являются государство в лице государственных органов и должностных лиц, наделенных компетенцией по реализации прав и свобод или их ограничению, с одной стороны, включая суды, а также ЕСПЧ и Комитет Министров Совета Европы, осуществляющий контроль за исполнением постановлений ЕСПЧ и физические лица или их объединения, с другой стороны¹¹³. Кроме того, помимо заявителей в процесс могут вступать страны – участники Конвенции в качестве третьих сторон, поскольку Конвенция – это договор коллективной гарантии защиты основных свобод и прав человека.

¹¹⁰ Конечно же, суд всегда является участником гражданских процессуальных отношений (Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения // Н. А. Чечина. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 19), здесь мы имели в виду, что иногда деятельность суда будет защитой охраняемых основных свобод и прав человека, но может быть и нарушением Конвенции, особенно если суд не осознает своей роли как защитника основных свобод и прав человека.

¹¹¹ Бутнев В. В. Механизм защиты субъективных прав // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2014. № 3. С. 274–283.

¹¹² Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009. С. 32.

¹¹³ Здесь мы должны обратить внимание на то, что субъектный состав в гражданском процессуальном правоотношении и конвенциональном охранительном правоотношении может не совпадать.

Полагаем уместным отметить, что вопрос о возможности участия в постановке вопроса об ответственности государства другими государствами, непосредственно не потерпевшими от правонарушения, ставился советским международником профессором П. Ушаковым на XIX сессии Комиссии международного права 1967 г.

Поскольку «субъектом правонарушения могут быть органы государства, физические лица, но никто из них не несет международно-правовой ответственности», «ответственность всегда несет государство»¹¹⁴, то субъектом конвенционального охранительного правоотношения в качестве нарушителя всегда выступает страна – участник Конвенции. Объектом охранительного правоотношения являются охраняемые Конвенцией основные свободы и права человека.

Содержание охранительного правоотношения составляет связь права государства по применению мер по защите основных свобод и прав человека, а также права ЕСПЧ на установление факта нарушения Конвенции и привлечения к юридической ответственности или иных мер принуждения, направленных на восстановление нарушенных основных свобод и прав человека под контролем КМСЕ.

Соответственно, можно поставить вопрос по-другому: должно ли государство ждать рассмотрения дела ЕСПЧ или же принять меры по восстановлению прав и свобод, понимая, что постановление ЕСПЧ будет аналогичным? Исходя из ст. 2 Конституции РФ, такое ожидание не будет разумным. Более того, такое ожидание может закончиться вынесением «пилотного» постановления, либо увеличением сумм, взыскиваемых с государства за нарушение прав и свобод человека в пользу заявителей.

¹¹⁴ *Петровский Ю. В.* Международно-правовая ответственность государств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1968. С. 9. Цит. по: *Колосов Ю. М.* Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 22.

В Молдавии решение данной проблемы предусмотрено в ст. 449 Гражданского процессуального кодекса, которая закрепляет в качестве основания пересмотра в ревизионном порядке также и ситуацию, когда «Правительство Республики Молдова, представленное Правительственным представителем, или Европейским Судом по правам человека, иницируя примирительную процедуру по ожидающему рассмотрению делу против Республики Молдова, полагают, что решением судебной инстанции грубо нарушено право, предусмотренное Конституцией Республики Молдова или Конвенцией»¹¹⁵.

Такой подход вполне соответствует чаяниям ЕСПЧ о том, что его разгрузка от чрезмерного количества повторяющихся дел может быть осуществлена в том числе путем возобновления производства по делу в свете постановления, которое он обозначит в качестве прецедента¹¹⁶. Надо отметить, что данный подход очень похож на использованный в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 февраля 2008 г. № 14, которым Постановление Пленума ВАС РФ от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» расширило основания для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

В том случае, если постановление ЕСПЧ по аналогичному делу вступило в законную силу до того момента, когда не утрачена возможность для обращения в надзорные инстанции, на наш взгляд, такой пересмотр может быть осуществлен и в надзорной процедуре. В то же время такое средство защиты вряд ли можно

¹¹⁵ *Султанов А. Р.* Новая веха в исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека: значение и правовые последствия постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4. С. 142–154.

¹¹⁶ *Фриберг Э.* Выступления на круглом столе на тему «Между Мадридом и Интерлакеном – краткосрочная реформа Европейского Суда по правам человека» // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2009. № 11. С. 9.

будет причислить к числу обязательных для лиц, обратившихся в Страсбург, поскольку это все-таки будет экстраординарным средством защиты¹¹⁷.

Но наши надежды на то, что, быть может, законодатель установит специальную процедуру, и в рамках данной процедуры лица, права и свободы которых были нарушены, после вынесения постановления ЕСПЧ по аналогичному делу будут иметь возможность восстановить свои права и свободы в России, не дожидаясь вынесения постановления по их делу, по настоящее время не сбылись.

В то же время благодаря обращениям граждан данный вопрос не исчезает из повестки дня: недавно было вынесено Определение Конституционного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 853-О-О «По жалобе граждан Баева Юрия Ивановича, Макарова Валерия Николаевича и других на нарушение их конституционных прав положениями статьи 392 и части первой статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», которое имеет прямое отношение к данному вопросу. В этом Определении было указано следующее: «когда установленное Европейским Судом по правам человека по жалобе одного из истцов по делу нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении данного лица состоит в умалении фундаментального права на справедливое судебное разбирательство (статья 6), вследствие которого результат судебного разбирательства в целом оказывается несовместим с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и которое по своей природе не может не затронуть права других *соистцов в том же деле, последним также должна быть обеспечена возможность восстановления нарушенного*

¹¹⁷ Тем более что осуществление такого пересмотра будет обременено большими трудностями, поскольку даже Конституционный Суд РФ подходит осторожно к данной проблеме. См., в частности: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фурсова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 392 Гражданского процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 г. № 455-О-О.

права. По смыслу статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в силу принципа субсидиарности деятельности Европейского Суда по правам человека, для устранения последствий таких нарушений государством-ответчиком могут устанавливаться различные правовые способы, одним из которых является возможность пересмотра по обращению этих лиц вынесенных судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам.

При этом разрешение вопроса о том, затрагивает ли нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, установленное Европейским Судом по правам человека в отношении одного из истцов, права других лиц – соистцов по данному делу, не обращающихся в Европейский Суд по правам человека, и если затрагивает, то в какой степени, как и определение того, является ли пересмотр судебного постановления с учетом характера нарушения и обстоятельств данного конкретного дела необходимым для защиты их прав, осуществляется судом общей юрисдикции, рассматривающим заявления указанных лиц о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам соответствующего судебного акта. Таким образом, положения статьи 392 ГПК Российской Федерации в системе действующего правового регулирования и с учетом их конституционно-правового смысла, выявленного Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П, не исключают возможности обращения кого-либо из соистцов по делу с заявлением о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления по этому делу по вновь открывшимся обстоятельствам и, соответственно, его пересмотра в случае, когда Европейским Судом по правам человека по жалобе другого лица, участвующего в данном деле в качестве истца, установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод при вынесении этого судебного постановления».

Данное Определение дает новые надежды на установление такой процедуры, которая не просто предоставляет возможность возобновления производства, но и обеспечивает реальную защиту и восстановление нарушенных

прав при том, что эта процедура не будет всего лишь еще одной отсрочкой обращения в Европейский Суд по правам человека.

Надеемся, что законодатель в полной мере учтет правовые позиции Конституционного Суда РФ, которые имеют прямое отношение к совершенствованию процессуальных кодексов: *«Поскольку права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, – это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции РФ, подтверждение их нарушения соответственно Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом РФ – в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения – предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального механизма исполнения принимаемых ими решений»*¹¹⁸.

К сожалению, из прямого ответа в Постановлении Конституционного Суда РФ 26 февраля 2010 г. № 4-П на вопрос: почему все же и ВАС РФ, и Верховный Суд РФ после оглашения данного Постановления изменили подход и предложили законодателю рассматривать постановления Конституционного Суда РФ и постановления ЕСПЧ не в качестве оснований для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, а в качестве оснований для пересмотра по новым обстоятельствам, мы не нашли.

В то же время, на наш взгляд, изменения в АПК РФ и ГПК РФ вновь поставили вопрос о правоподтверждающем либо правотворческом характере актов Конституционного Суда РФ и постановлений ЕСПЧ.

Отнесение актов Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ к новым обстоятельствам можно в определенной части рассматривать как попытку придать им правотворческий, а не правоподтверждающий характер.

¹¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой".

1.3. Постановления ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ как юридические факты процессуального права

В предыдущем параграфе мы цитировали правовые позиции Конституционного Суда РФ об общей правовой природе и предназначении Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, в этом параграфе мы рассмотрим их акты как юридические факты.

Правовой природе решений Конституционного Суда РФ и Постановлений ЕСПЧ посвящено много работ, в том числе специалистами в области теории права. В целом ряде публикаций рассматривается место данных актов в системе источников права¹¹⁹, но нас, прежде всего, интересовало влияние данных актов на

¹¹⁹ *Абдрашитова В. З.* Прецедентный характер решений Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 28; *Аверьянов К. Ю.* Решения Европейского суда по правам человека в системе источников (форм) права России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Афанасьев С. Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. М., 2009; *Витрук Н. В.* О юридической силе решений Европейского суда по правам человека // *Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия : Материалы Всероссийского совещания.* М., 2004. С. 237; *Воронцова И. В.* Значение постановлений Европейского суда по правам человека // *Современное право.* 2009. № 8. С. 117–120; *Воронцова И. В.* Судебная практика и международные договоры как источники гражданского процессуального права : монография. Йошкар-Ола, 2011. 420 с.; *Воронцова И. В., Соловьева Т. В.* Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / под ред. О. В. Исаенковой. М., 2010. С. 6; *Гаврилов Е. В.* Эволюционирующий характер практики Европейского суда по правам человека о компенсации нематериального вреда юридическим лицам // *Арбитражные споры.* 2018. № 2. С. 99–117; *Глазкова М.Е.* Значение прецедентной практики Европейского суда по правам человека для отправления правосудия по гражданским делам в Российской Федерации // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2007. № 1. С. 156; *Демичев А. А., Исаенкова О. В.* Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России // *ЭЖ-Юрист.* 2006. № 33; *Ершова Е. А., Ершов В.*

В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Антология научной мысли. К 10-летию Российской академии правосудия : сборник статей / отв. ред. В. В. Ершов, Н. А. Тузов. М. : Статут, 2008. С. 592–602; Загайнова С. К. Место судебной практики среди источников российского права: историографический анализ // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 4. С. 237; Зверев Д. В. Новые источники гражданского процессуального права в свете Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Европейская интеграция и развитие цивилистического процесса в России : сборник статей. М., 2006; Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы : сборник докладов. М., 2006; Иодковский Э. В. Решения Европейского суда по правам человека в гражданском судопроизводств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; Лазарев В. В., Мурашова Е. Н. Место решений Европейского суда по правам человека в национальной правовой системе // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 24; Любченко М. Я. Постановления Европейского суда по правам человека – источник гражданского процессуального права России? // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2. С. 2–7; Метлова И. С. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9; Рехтина И. В. Постановления Европейского суда по правам человека как фактор, обуславливающий динамику гражданского процессуального законодательства России // Современное право. 2011. № 4. С. 81–85; Садчикова О. В. Решения Европейского суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Свирич Ю. А., Леус Е. В. К вопросу об источниках гражданского процессуального права // Современное право. 2015. № 3. С. 73–78; Соловьева Т. В. Роль национальных судов в процессе реализации постановлений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2012. № 7. С. 63–65; Султанов А. Р. О возможности применения естественно-правового подхода к источникам гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 5. С. 3–8; Чайкина А. В. Применение судами постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека по одному делу // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 125–133; Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы : сборник докладов. М., 2006.

гражданское судопроизводство. Поскольку гражданский процесс представляет собой непрерывную цепь процессуальных действий – основных процессуальных юридических фактов, взаимодействующих с множеством других обстоятельств правопорождающего характера¹²⁰, рассмотрим постановления ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ с точки зрения процессуальных юридических фактов.

Вначале рассмотрим в качестве процессуального юридического факта постановление Конституционного Суда РФ. Безусловно, постановление Конституционного Суда является юридическим фактом, которым подтверждена неконституционность закона (нормативного акта) либо дано конституционно-правовое толкование оспариваемой нормы.

Полагаем возможным согласиться с Л. А. Тереховой в том, что неконституционность нормы возникает не в момент вынесения постановления Конституционного Суда РФ¹²¹, конечно же, данный факт (неконституционность нормы) возникает в результате ошибки законодателя.

Хотя не все ученые разделяют точку зрения, что закон также является юридическим фактом¹²², полагаем возможным согласиться с доктором юридических наук С. А. Зинченко, который полагает возможным отнесение нормативных правовых актов к юридическим фактам: «Нормативный юридический факт – это волевой акт соответствующего компетентного органа,

¹²⁰ Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург. 1992. С. 98; Рехтина И. В. Постановления Европейского суда по правам человека как фактор, обуславливающий динамику гражданского процессуального законодательства России // Современное право. 2011. № 4. С. 81–85.

¹²¹ Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2007. С. 280.

¹²² Еще в начале XX в. Я. М. Магазинер обращал внимание на то, что закон является не только нормативным, но и юридическим фактом. См.: Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Я. М. Магазинер Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006. С. 131.

который порождает, изменяет или прекращает объективное право (нормы права)»¹²³.

Как пишет Е. Н. Горюнова: «Нормативные акты как юридические факты, базирующиеся на ложных, непригодных посылках, следует признавать ничтожными»¹²⁴. Еще в XVI в. Монтень указывал, что доводы справедливости не совпадают с доводами юридических норм¹²⁵, а Френсис Бэкон писал, что есть три источника несправедливости: явное насилие, злостное улавливание в сети под предлогом закона и жестокость самого закона¹²⁶. В то же время общераспространенным было согласие с максимой *dura lex sed lex* (закон суров, но это закон)¹²⁷.

Кроме того, в странах общего права еще в Средние века были известны случаи, когда законы признавались недействительными. Так, в 1610 г. в деле врача Т. Бонхема судья признал закон недействительным, поскольку существует общеизвестный правовой принцип «никто не может быть судьей в своем собственном деле» и никакой парламент, никакой закон не могут отменить этот

¹²³ Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования. М., 2007. С. 47.

¹²⁴ Горюнова Е. Н. Диалектика юридических фактов в системе правовых норм. Белгород, 2002. С. 79–114.

¹²⁵ Монтень М. Опыты. В 3 книгах. Книга 3. М., 1981. С. 269, цит. по: Хайруллин В. И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. М., 2009. С. 55.

¹²⁶ Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон. URL: http://www.ruslib.com/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_Piece40.26.

¹²⁷ Хотя и было понимание, что «есть государства, где законы ничего не значат и служат лишь выражением прихотливой и изменчивой воли государя». См.: Монтескье Ш. О духе законов // Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955. С. 559.

принцип¹²⁸. С развитием общества идет и развитие инструментов для обеспечения справедливости¹²⁹.

Поскольку ст. 15 Конституции РФ содержит императивное указание, прямое действие и применяется на всей территории РФ, законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ», неконституционный закон не должен создавать правовых последствий и его можно признать неконституционным в установленной законом процедуре.

Именно поэтому Постановления Конституционного Суда РФ имеют обратную силу и могут быть основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. Именно в этом отличие актов Конституционного Суда РФ от «руководящих разъяснений»¹³⁰ высших судебных инстанций, которые, впрочем, также в определенной степени обладают обратной силой¹³¹.

¹²⁸ Четвернин В. А. Проблемы теории права для особо одаренных студентов. М., 2010. С. 115.

¹²⁹ Султанов А. Р. Обжалование судебных актов, вынесенных по делам об оспаривании нормативных актов, лицами, не участвовавшими в рассмотрении дела в суде первой инстанции // Закон. 2010. № 4. С. 143—155.

¹³⁰ Поскольку вопрос о правовой природе «руководящих разъяснений» в настоящее время не утратил, а наоборот приобрел еще большую актуальность, рассмотрим его позже чуть подробнее, а здесь лишь укажем, что Конституционный Суд Латвии решением от 04 февраля 2003 г. признал нормы закона «О судебной власти», допускавшие принятие Пленумом Верховного Суда Латвии обязательных для нижестоящих судов актов, не соответствующими Конституции Латвии, как нарушающие принцип разделения властей, а Конституционный Суд РФ пришел к другим выводам в Постановлении от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества „Производственное объединение „Берег“, открытых акционерных обществ „Карболит“, „Завод „Микропровод“ и „Научно-производственное предприятие „Респиратор“.

¹³¹ Султанов А. Р. Ретроспективность правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 247–261.

В начале XX в. было высказано предположение, что обратная сила руководящих разъяснений «основана на том, что они не являются новыми законами, а только восполняют и толкуют старый закон: они раскрывают правило, которое уже существовало, но было скрыто в складках закона, и теперь оно только судом обнаружено, а не впервые создано. ...Обратная сила руководящих решений распространяется на все еще не разрешенные, не законченные дела, доходящие до судебного или административного разбирательства в нормальном порядке суда или управления...»¹³². Но в то же время предполагалось, что их обратное действие не распространяется на «дела, уже разрешенные, законченные, дела, уже вышедшие из стадии разбирательства или, тем более, уже повлекшие за собой длинную цепь юридических последствий, – такие дела перерешению в согласии с позднейшими руководящими разъяснениями не подлежат»¹³³.

Недавно ситуация несколько изменилась и законодатель отнес «определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда РФ, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ», а также «определение либо изменение в Постановлении Пленума ВАС РФ или в постановлении Президиума ВАС РФ практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте ВАС РФ содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства»¹³⁴, в качестве оснований для пересмотра по новым обстоятельствам судебных решений, вступивших в законную силу.

¹³² *Магазинер Я.М.* Указ. соч. С. 94.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Такой подход был использован законодателем до упразднения ВАС РФ.

На первый взгляд, законодатель «приравнял» по значению правовые позиции высших судебных инстанций (ВАС РФ и Верховного Суда РФ) с постановлениями Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ.

Хотя, безусловно, их правовая природа отлична, на наш взгляд, законодатель дал приоритет правовым позициям ВАС РФ и Верховного Суда РФ, назвав их правовые позиции «определением (изменением) практики применения правовой нормы» и указав их в качестве оснований для пересмотра в связи с новыми обстоятельствами¹³⁵. Что же касается конституционно-правового толкования Конституционного Суда РФ и конвенционно-правового толкования ЕСПЧ, то данные виды толкования не названы в качестве новых обстоятельств для пересмотра судебных актов. Законодатель по-прежнему связывает возможность пересмотра судебных актов с *признанием Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ закона, примененного судом в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Конституционный Суд РФ* и установленное Европейским Судом по правам человека *нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ*.

То есть законодатель установил для правовых позиций ВАС РФ и Верховного Суда РФ более широкие процессуальные последствия в качестве оснований для пересмотра в связи с новыми обстоятельствами, нежели для правовых позиций и толкований Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, для которых вообще не указал таковых последствий.

¹³⁵ Султанов А. Р. Правовые позиции постановлений Конституционного Суда РФ и постановлений ЕСПЧ и их правовое значение для гражданского процесса // Законодательство и экономика. 2011. № 4. С. 87–92.

Действительно, правовые позиции ВАС РФ и Верховного Суда РФ можно было назвать в качестве новых обстоятельств – новых юридических фактов¹³⁶.

Насколько оправдано относить к новым обстоятельствам неконституционность закона, установленную постановлением Конституционного Суда РФ?

Решения Конституционного Суда РФ исключают из правового поля нормы права, противоречащие Конституции РФ, выявляя уже имеющееся противоречие нормы Конституции РФ, которое в силу ст. 15 Конституции РФ не должно было существовать. Как указывает сам Конституционный Суд РФ: «Юридическим последствием решения Конституционного Суда Российской Федерации о признании неконституционными акта или его отдельных положений либо акта или его отдельных положений с учетом смысла, который им придан сложившейся правоприменительной практикой, является утрата ими силы на будущее время. Это означает, что с момента вступления в силу решения Конституционного Суда Российской Федерации такие акты не могут применяться и реализовываться каким-либо иным способом. Таким образом, общим порядком, вытекающим из частей первой и третьей статьи 79 Федерального конституционного закона „О Конституционном Суде Российской Федерации“, является утрата силы акта или его отдельных положений, признанных неконституционными, с момента провозглашения постановления Конституционного Суда Российской Федерации»¹³⁷.

¹³⁶ В настоящее время ВАС РФ упразднен, а количество Постановлений Президиума Верховного Суда РФ крайне мало, в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ возможность пересмотра уже сколько времени не обозначается, поэтому возможность пересмотра по данным основаниям превратилась в гипотетическую.

¹³⁷ По ходатайству Высшего Арбитражного Суда РФ об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 года по жалобе гражданки И. В. Петровой на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 78-О.

В то же время Конституционный Суд РФ обращает внимание на то, что вывод об утрате актом силы на будущее как юридическом последствии решения о признании его неконституционным не означает, что постановление Конституционного Суда РФ не обладает обратной силой. Из положений ч. 3 ст. 79 и ч. 2 ст. 100 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» следует, что постановление Конституционного Суда РФ обладает обратной силой в отношении дел обратившихся в Конституционный Суд РФ граждан, объединений граждан (организаций), а также в отношении неисполненных решений, вынесенных до принятия этого постановления. Дела, которые послужили для заявителей поводом для обращения в Конституционный Суд РФ, во всяком случае подлежат пересмотру компетентными органами. Такой пересмотр осуществляется безотносительно к истечению сроков обращения в эти органы и независимо от того, имеются или отсутствуют основания для пересмотра, предусмотренные иными, помимо ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», актами¹³⁸.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: решение Конституционного Суда РФ, которым выявляется уже существовавшее несоответствие нормы закона Конституции РФ, является юридическим фактом, лишь подтверждающим другой юридический факт – факт несоответствия нормы закона Конституции РФ, который существовал в момент принятия данной нормы. В то же время некоторое ограничение Конституционным Судом РФ правовых последствий в связи с установлением несоответствия нормы закона Конституции РФ для лиц, не участвовавших в конституционном судопроизводстве, не является основанием для утверждения того, что факт несоответствия нормы закона Конституции РФ является новым фактом. Иной подход означал бы, что неконституционность нормы создается Конституционным Судом, однако неконституционность нормы возникает в результате ошибки законодателя.

Данный подход отчасти применим и к постановлениям ЕСПЧ, в которых только устанавливается факт нарушения Конвенции, но сам факт нарушения

¹³⁸ Там же.

Конвенции не является следствием деятельности ЕСПЧ. Соответственно, можно говорить о существовании факта нарушения Конвенции уже на момент рассмотрения дела национальными судами. Причем такое нарушение могло возникнуть до обращения в суд и само обращение в суд могло быть попыткой восстановить нарушенное право, защищаемое Конвенцией, а также могло возникнуть в ходе отправления правосудия без соблюдения требования Конвенции о справедливом судопроизводстве. Но значение постановления ЕСПЧ не ограничивается только установлением нарушения Конвенции, оно значительно шире и мы рассмотрим его подробнее ниже.

Учитывая, что возбуждение конституционного судопроизводства происходит по жалобам лишь в случаях, когда без признания оспариваемого закона неконституционным нарушенные права и свободы гражданина не могут быть восстановлены иным образом¹³⁹, а также то, что Конституционный Суд РФ осуществляет конкретный нормоконтроль, проверяя также примененность оспариваемых норм, можно утверждать, что он устанавливает также факт нарушения конституционных прав применением неконституционной нормы либо ее неконституционным толкованием.

Таким образом, решением Конституционного Суда РФ определяются два юридических факта. Если первый юридический факт в виде установления неконституционности нормы (факт нарушения требований Конституции законодателем) либо неконституционное ее истолкование правоприменителем имеет значение для широкого круга лиц, то второй юридический факт – нарушение конституционных прав применением неконституционной нормы либо ее применением в соответствии с неконституционным толкованием имеет значение для заявителей. Именно совокупность данных юридических фактов и

¹³⁹ *Гаджиев Г. А.* Категория «предназначение» в конституционном судопроизводстве // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2007. С. 41.

создает возможность заявителям возбуждать процедуру пересмотра ранее вынесенных судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам.

Профессор Г. Кельзен, допуская возможность ограничения действия акта органа конституционной юстиции, полагал, что в компетенции Конституционного Суда при отмене закона восстанавливать право, существовавшее до вступления в силу отмененного акта, поскольку другой подход уменьшал бы интерес передачи неконституционных законов в конституционный суд¹⁴⁰. Надо отметить, что при подготовке проекта Конституции РФ Верховный Суд РФ в письме от 16 октября 1991 г. придерживался позиции, что неконституционные акты должны утрачивать свою силу с момента их издания, когда это связано с восстановлением нарушенных прав¹⁴¹.

Конституционный Суд РФ в Определении № 556-О-Р указал, что при установлении придания норме неконституционного смысла в результате неадекватного Конституции РФ ее истолкования правоприменителем, Конституционный Суд РФ вправе, не устраняя саму норму из правовой системы, восстановить ее конституционно-правовую интерпретацию, признав не противоречащей Конституции РФ в выявленном в результате конституционного судопроизводства конституционно-правовом смысле. Тем самым Конституционный Суд РФ указал, что его акты носят правоподтверждающий характер, лишь восстанавливают существовавшее конституционно-правовое понимание нормы¹⁴².

Таким образом, решения Конституционного Суда РФ, в которых выявлен конституционно-правовой смысл нормы, на наш взгляд, также не являются новыми обстоятельствами в полном смысле этого слова, поскольку являются

¹⁴⁰ Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. № 8, 9; СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴¹ Из истории создания Конституции РФ. Конституционная комиссия. М., 2008. С. 781.

¹⁴² Подробнее см.: Султанов А. Р. Снова о действии во времени актов Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3. С. 28–30.

юридическими фактами, лишь подтверждающими другой юридический факт – факт того, что ранее существовавшее толкование нормы было неконституционным и было основано на произвольности в противоречии с конституционными принципами¹⁴³.

Сужение значений конституционно-правового толкования данного Конституционным Судом РФ по сравнению с правовыми последствиями определения (изменения) практики применения норм ВАС РФ или Верховным Судом РФ, на наш взгляд, очевидная ошибка законодателя, поддержавшего законопроекты ВАС РФ и Верховного Суда РФ. Законодатель внес изменения в процессуальные кодексы, не рассмотрев за видимостью исполнения постановления Конституционного Суда РФ игнорирование правовых позиций Конституционного Суда РФ и сужение значения правовых позиций и Конституционного Суда РФ, и ЕСПЧ.

На наш взгляд, возможность пересмотра в связи с определением (изменением) практики применения норм ВАС РФ и Верховного Суда РФ, была поддержана законодателем благодаря Постановлению Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества „Производственное объединение „Берег“, открытых акционерных обществ „Карболит“, „Завод „Микропровод“ и „Научно-производственное предприятие „Респиратор“».

Именно в данном Постановлении Конституционный Суд РФ, рассмотрев возможность применения правовых позиций ВАС РФ в качестве основания для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, легитимизировал их в

¹⁴³ См. также: *Султанов А. Р.* О принципах и аксиомах справедливого правосудия и их применении // *Арбитражная практика.* 2008. № 7. С. 73–79.

качестве юридических фактов, которые с учетом некоторых ограничений¹⁴⁴ могут быть признаны в качестве оснований для пересмотра решений, вступивших в законную силу.

Надо отметить, что Конституционный Суд РФ в данном Постановлении отталкивался от значения собственных правовых позиций и позиций ЕСПЧ для правового поля РФ.

В частности, Конституционный Суд РФ указал, что в соответствии с правовыми позициями, изложенными в Определении от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р, конституционно-правовое истолкование нормативного акта или отдельного его положения, проверяемых посредством конституционного судопроизводства, относится к компетенции Конституционного Суда РФ, который, разрешая дело и устанавливая соответствие Конституции РФ оспариваемого акта, в частности, по содержанию норм, обеспечивает выявление конституционного смысла действующего права. В таких случаях выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл проверяемого нормативного правового акта является общеобязательным, в том числе для судов, разрешающих конкретные дела. Юридической силой решения Конституционного Суда РФ, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, обуславливается невозможность ее применения (а значит, прекращение действия) в неконституционном истолковании, т. е. утрата силы на будущее время в любом ином – расходящемся с выявленным конституционно-правовым – смысле, допускавшемся в прежнем ее понимании. Это означает, что, по общему правилу, с момента вступления решения Конституционного Суда РФ в силу такая норма не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле. Поэтому решение, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы, имеет юридические последствия, аналогичные последствиям признания нормы несоответствующей Конституции РФ, предусмотренные ч. 2 ст. 100 ФКЗ

¹⁴⁴ Эти ограничения вызваны необходимостью учета при отправлении правосудия принципа запрета поворота к худшему.

«О Конституционном Суде РФ», гарантирующей пересмотр дела заявителя компетентным органом в обычном порядке¹⁴⁵.

Конституционный Суд РФ счел, что толкование положений ст. 311 АПК РФ, данное в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 февраля 2008 г. № 14, корреспондирует приведенным правовым позициям Конституционного Суда РФ относительно юридической силы его постановлений и определений, в которых выявляется конституционно-правовой смысл тех или иных нормативных положений. Соответственно, и для арбитражных судов не исключается возможность пересмотра, в том числе по вновь открывшимся обстоятельствам, судебных актов, основанных на норме, которой ранее в ходе применения в конкретном деле было придано истолкование, расходящееся с ее правовым смыслом, выявленным впоследствии ВАС РФ. Как вытекает из Постановления Пленума ВАС РФ от 14 февраля 2008 г. № 14, ВАС РФ также допускал в таких случаях пересмотр вступившего в законную силу судебного акта арбитражного суда (притом, как следует из правоприменительной практики арбитражных судов, независимо от его реального исполнения) по вновь открывшимся обстоятельствам.

Надо отметить, что в данном Постановлении Конституционный Суд РФ счел необходимым в качестве дополнительного обоснования указать, что «в практике ЕСПЧ также нередки случаи разрешения дел, в том числе по жалобам российских граждан, с учетом ранее выработанных им по делам сходных категорий правовых позиций. Это свидетельствует о том, что *ЕСПЧ рассматривает свои правовые позиции как обязывающие к единообразному подходу при оценке однотипных по своему характеру фактических и правовых оснований при разрешении конкретных дел.*

Таким образом, исходя из того, что правовые позиции Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ являются обязательными для правоприменителя

¹⁴⁵ Султанов А. Р. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 65–77.

процессуальными юридическими фактами, допустив, что в определенной части правовое значение правовых позиций ВАС РФ имеет схожее значение, Конституционный Суд РФ открыл законодателю возможность закрепления правовых позиций ВАС РФ в качестве оснований для отмены вступивших в законную силу решений.

Но то, что было положено в качестве возможности признания правовых позиций ВАС РФ обстоятельствами, влекущими пересмотр судебных актов, а именно обязательность правовых позиций Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, была опущена законодателем в принятых в 2010 г. изменениях в АПК РФ и ГПК РФ.

Остается надеяться, что это просто упущение, а не намеренное игнорирование правовых позиций Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ. Причем будь это хоть упущение, хоть намеренная попытка их игнорировать, это все же не могло бы быть основанием для не применения этих правовых позиций правоприменителем. Игнорирование правовых позиций ЕСПЧ чревато установлением нового нарушения положений Конвенции.

Выше мы уже касались вопроса обязательности постановлений ЕСПЧ, и мы полагаем, что постановление ЕСПЧ является юридическим фактом, являющимся основанием для возникновения, изменения или прекращения внутригосударственных отношений¹⁴⁶.

Долгое время шел спор о применимости постановлений ЕСПЧ в правоприменительной практике России. Можно было услышать, что в России нет

¹⁴⁶ *Деменова А. В.* Юридические последствия Постановлений Европейского суда по правам человека для Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11; *Зимненко Б. Л.* Международное право и правовая система Российской Федерации : курс лекций. Общая часть. М., 2010. С. 223; *Ковлер А. И.* Деятельность Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации // *Международное право : учебник* / Б. М. Ашавский, М. М. Бирюков, В. Д. Бордунов [и др.] ; отв. ред. С. А. Егоров. М., 2015. 848 с.; *Юрова Н. М.* Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. М., 2008. 352 с.

прецедентного права, что обязательными являются только постановления, вынесенные ЕСПЧ против России. Некоторые практики могли поведать, как суды им отказывали в применении постановлений ЕСПЧ, ссылаясь на то, что в соответствии с ГПК РФ данные постановления не создают преюдиции...

В настоящее время Верховный Суд РФ из пленума в пленум ориентирует суды на применение практики ЕСПЧ. В частности, о необходимости применения правовых позиций ЕСПЧ говорится в п. 10–15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», в преамбуле, п. 1, 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Высший арбитражный суд РФ еще ранее выпустил специальное информационное письмо от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие», в которых ориентировал арбитражные суды на соблюдение правовых позиций, сформулированных ЕСПЧ, своего рода европейских правовых стандартах справедливого правосудия при рассмотрении гражданских дел.

Конституционный Суд РФ впервые сослался на постановления ЕСПЧ в своем постановлении от 23 ноября 1999 г. № 16-П по делу о проверке конституционности абз. 3, 4 п. 3 ст. 27 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления»¹⁴⁷, указав, что постановления ЕСПЧ от 25

¹⁴⁷ Весьма примечательным является, что в данном постановлении в результате толкования Конституционный суд РФ признал оспариваемые нормы не противоречащими

мая 1993 г. (Series A no.260-A) и от 26 сентября 1996 г. (Reports of Judgments and Decisions, 1996-IV) разъясняют характер и масштаб обязательств государства, вытекающих из ст. 9 Конвенции¹⁴⁸. Причем в данном Постановлении Конституционный Суд РФ только ссылается на постановления ЕСПЧ, не раскрывая, на какую именно его часть он указал, и не раскрывая какая правовая позиция ЕСПЧ была использована Конституционным Судом РФ для обоснования своих выводов¹⁴⁹. В дальнейшем Конституционный Суд РФ, как правило,

Конституции РФ, в то же время практически лишил адресата этих норм, сделав их излишними. Вполне возможно, что будь Постановление Конституционного Суда РФ менее половинчатым и более последовательным в настоящее время было бы меньше дел в ЕСПЧ о нарушении ст. 9 (свобода мысли совести и религии), 11 (свобода собраний и объединений), и 14 (запрещение дискриминации) Конвенции. В настоящее время ЕСПЧ вынесено уже несколько постановлений, в которых признано нарушение ст. 9 Конвенции. Причем имеются все основания полагать, что если бы Конституционный Суд РФ все же полностью рассмотрел жалобу, то возможно, что ЕСПЧ не вынес бы Постановления по делу *Кимля и другие против России* от 01 октября 2009 г.

¹⁴⁸ В данном Постановлении указаны только номера дел и сведения о публикации постановлений ЕСПЧ. Полные реквизиты указанных постановлений следующие: Постановление ЕСПЧ от 25 мая 1993 г. по делу *Коккинакис против Греции*, жалоба №14307/88 (Series A no.260-A), Постановление ЕСПЧ от 26 сентября 1996 г. по делу *Мануссакиса и другие против Греции*, жалоба №18748/91, (Reports of Judgments and Decisions, 1996-IV).

¹⁴⁹ В деле *Коккинакис против Греции* ЕСПЧ раскрыл характер и масштаб обязанности, вытекающие из ст. 9 Конвенции, следующим образом: «31. Как начертано в статье 9, свобода мысли, совести и религии является одной из основ „демократического общества“ в значении, принятом Конвенцией. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. Плюрализм, неотделимый от демократического общества и который дорогой ценой был завоеван на протяжении веков, основывается на нем. Религиозная свобода, будучи прежде всего предметом совести каждого человека в отдельности, предусматривает, среди прочего, свободу «исповедовать [свою] религию». Свидетельствование словами и делами неразрывно связано с существованием религиозных убеждений. В соответствии со статьей 9 свобода исповедовать

ссылается на те или иные правовые позиции ЕСПЧ, указывая тот или иной параграф постановления, либо воспроизводя сам текст правовой позиции ЕСПЧ¹⁵⁰.

Таким образом, высшие судебные инстанции однозначно высказались об обязательности правовых позиций ЕСПЧ, отраженных в его постановлениях и решениях в части толкования и применения Конвенции. Причем данные *толкования, содержащиеся в постановлениях и решениях ЕСПЧ, вынесенные при рассмотрении жалоб против других государств, так же обязательны, как и толкования, содержащиеся в постановлениях и решениях, вынесенных против России*¹⁵¹.

Ранее этот вывод был неоднозначен, и некоторые авторы предполагали, что в соответствии с положениями Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» обязательность правовых позиций ЕСПЧ возникает лишь в отношении решений, вынесенных против России.

Действительно в названном законе указано: «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях

свою религию не только осуществима в сообществе с другими, «публично» и внутри круга тех, чью веру разделяет человек, но может утверждаться и «индивидуально», «в частном порядке»; более того, она включает в принципе право пытаться убедить своего ближнего, например, через «обучение», без чего «свобода изменения [своей] религии или верования» закрепленная в статье 9, осталась бы мертвой нормой».

¹⁵⁰ Султанов А. Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 85–92.

¹⁵¹ Султанов А. Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 85–92.

предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации».

Из буквального толкования данной нормы можно сделать вывод, что для Российской Федерации обязательны только решения и постановления ЕСПЧ, вынесенные против нее. Причем из актов ЕСПЧ, вынесенных против России, следует обязанность государства не только исправить установленное нарушение Конвенции, но и предпринять эффективные действия по недопущению новых аналогичных нарушений.

Соответственно, возникает вопрос: какое влияние на Российскую Федерацию оказывают постановления и решения ЕСПЧ, вынесенные в отношении других государств-участников Конвенции?

Европейский Суд по правам человека в постановлениях руководствуется своей прецедентной практикой, причем он несвязан при применении прецедента его субъектным составом. При изложении постановлений и решений по жалобам против России ЕСПЧ ссылается на свою прецедентную практику по делам против других государств. Это соответствует принципу правовой определенности, *поскольку такой подход соответствует ожиданиям того, что толкование норм Конвенции не будет находиться в зависимости от субъектного состава дела, рассматриваемого ЕСПЧ, и делает прогнозируемым решение суда.*

Следовательно, при применении норм Конвенции Российская Федерация должна принимать во внимание всю практику ЕСПЧ как и в отношении России, так и практику, сформированную в ходе рассмотрения жалоб, поданных против других государств, причем и ту, которая была сформирована по делам, рассмотренным и до присоединения России к Конвенции.

Н. В. Витрук, отвечая на вопрос «должны ли учитывать практику ЕСПЧ по конкретным делам иные государства – участники Конвенции, в отношении которых ЕСПЧ по конкретным жалобам не фиксирует факт нарушения Конвенции» отметил, что «действие *ergo omnes* решений Европейского Суда обращено не только к государству-ответчику, но и к иным государствам –

участникам Конвенции, допускающим аналогичные нарушения Конвенции. Иные государства – участники Конвенции, самостоятельно обнаружившие аналогичные (одинаковые) нарушения Конвенции, в силу добросовестности исполнения принятых на себя международных обязательств могут и должны исправить законодательство, судебную и иную правоприменительную практику, не соответствующую Конвенции, творчески осмысливая и применяя конвенционально-правовые позиции Европейского Суда»¹⁵².

Только такой подход поможет избежать России признания новых нарушений Конвенции. Однако для реализации данного подхода прежде всего нужно обеспечить доступность постановлений и решений ЕСПЧ.

Часть авторов предполагает, что нет проблем с применением положений Конвенции. Но на наш взгляд, данное утверждение является скорее попыткой желаемое выдать за действительное. Поскольку для применения норм Конвенции необходимо знать не только нормы самой Конвенции, но и их толкование, данное Европейским Судом по правам человека. Причем как уже было указано выше, должна быть принята во внимание практика не только по делам против России, но и в отношении других стран-участников Конвенции, включая практику, сформированную до присоединения России к Конвенции.

Большую надежду на то, что в России не будут искажаться толкования положений Конвенции и что ее положения будут применяться в соответствии с практикой ЕСПЧ, давала практика Конституционного Суда РФ. Этот вывод был порожден тем, что Конституционный Суд РФ при обосновании своих решений часто использовал обращение к правовым позициям на практику ЕСПЧ, причем на решения ЕСПЧ, вынесенные не только по делам против России.

Поскольку практикой ЕСПЧ выработано большое количество толкований норм Конвенции, которые развивали право в области прав человека, заявители

¹⁵² *Витрук Н. В.* Исполнение решений Европейского суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. № 11. С. 41–45.

жалоб в Конституционный Суд РФ стали также приводить в качестве обоснования неконституционности тех или иных норм прецеденты ЕСПЧ. Тем более что порой обращение в Конституционный Суд РФ было обусловлено неприменением судами постановлений ЕСПЧ.

В частности, мы были очевидцем ситуации, когда, защищая свои права при рассмотрении дела в Президиуме Верховного Суда РФ, ОАО «Нижнекамскнефтехим» столкнулось с проблемой невосприятия принципа правовой определенности в толковании, даваемом ЕСПЧ и игнорировании правовых позиций ЕСПЧ о праве на справедливое судопроизводство. Надо отметить, что именно это в последующем послужило причиной обращения в Конституционный Суд РФ с жалобой о несоответствии Конституции РФ ст. 389 ГПК РФ. В качестве обоснования неконституционности были приведены также правовые позиции ЕСПЧ¹⁵³.

Хотя, комментируя Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 05 февраля 2007 г., вынесенное по результатам рассмотрения жалобы ОАО «Нижнекамскнефтехим», Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин заявил, что при вынесении данного Постановления¹⁵⁴ Конституционный Суд РФ руководствовался прежде всего Конституцией РФ, а не решениями ЕСПЧ, но тем не менее данное Постановление является очень важным шагом в имплементации решений ЕСПЧ в правовую систему России.

В п. 2.1 данного Постановления Конституционный Суд РФ высказал следующие правовые позиции: «...*Конвенция о защите прав человека и основных*

¹⁵³ См. подробнее: Султанов А. Р. Борьба за правовую определенность или поиск справедливости. М., 2017.

¹⁵⁴ По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П.

свобод, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права».

На наш взгляд, данное Постановление должно было поставить точку в спорах о том, какие решения ЕСПЧ должны учитываться при правоприменительной деятельности.

1.4. Об обязательности толкований ЕСПЧ и применении судами постановлений Европейского Суда по правам человека

Поскольку мы полагали, что из выше приведенной правовой позиции Конституционного Суда РФ следует однозначно, что подлежат учету все решения ЕСПЧ, независимо от того в отношении какой страны-ответчика вынесено решение, с удивлением узнали о другой оценке данной правовой позиции Конституционного Суда РФ. В статье под названием «Постановление Конституционного Суда РФ об институте надзора в гражданском процессе: отказ в правосудии, отрицание Европы»¹⁵⁵ содержалась критика Постановления от 05

¹⁵⁵ Koroteev K., Golubok S. Judgment of the Russian Constitutional Court on Supervisory Review in Civil Proceedings: Denial of Justice, Denial of Europe // Human rights law review. 2007. Volume 7, Number 3. 619–632. URL: <http://hrllr.oxfordjournals.org/content/vol7/issue3/index.dtl#ARTICLES> (дата обращения: 10.10.2008), текст статьи «Постановление Конституционного Суда РФ об институте надзора в гражданском процессе: отказ в правосудии, отрицание Европы» на русском языке размещен в сети Интернет. URL: <http://ehracmos.memo.ru/files/Koroteev-Golubok-HRLR.pdf> (дата обращения: 10.10.2010)

февраля 2007 г. № 2-П и в том числе критика вышеуказанной правовой позиции Конституционного Суда РФ. Авторы указанной статьи сочли, что Конституционный Суд РФ в данном Постановлении значительно сузил круг обязательных для учета в практике законодательных и правоприменительных органов решений ЕСПЧ только теми, в которых содержится толкование общепризнанных принципов и норм международного права, и далее в статье указаны в качестве примера Постановления ЕСПЧ по следующим делам: *Луизиду против Турции, Ал-Адсани против Соединенного Королевства, Осалан против Турции*.

Такое толкование фактически бы порождало обязанность законодателя и правоприменителя перед учетом постановлений ЕСПЧ разграничить постановления ЕСПЧ, в которых содержится толкование общепризнанных принципов и норм международного права, от постановлений ЕСПЧ, в которых такого толкования не содержится. Что, конечно, не вносило бы определенности в правовое поле, а наоборот, вносило бы большую неопределенность.

Соответственно, возникла необходимость проверить правильность понимания правовой позиции Конституционного Суда РФ авторами вышеуказанной статьи. Тем более, что ранее уже высказывалась схожая идея, что для того чтобы признавать решения ЕСПЧ частью правовой системы России, они (решения ЕСПЧ) должны соответствовать общепризнанным принципам международного права¹⁵⁶.

Для правильного понимания правовой позиции Конституционного Суда РФ можно прибегнуть к научным трудам судей Конституционного Суда РФ, в которых рассматривался вопрос применения общепризнанных принципов и норм международного права применительно к актам данного суда.

Полагаем уместным обратиться к тексту выступления председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на тему «Роль Конституционного

¹⁵⁶ *Марченко М. Н.* Юридическая природа и характер решений Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2. С. 19.

Суда РФ в реализации конвенции о защите прав человека и основных свобод» на VIII Международном форуме по конституционному правосудию «Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы». Среди прочего Председателем Конституционного Суда РФ было отмечено: «В силу статьи 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека имеет право решать все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. Поэтому правовые позиции Европейского Суда, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и Протоколов к ней, и сами прецеденты Европейского Суда признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер».

В интервью, данном газете «ЭЖ-Юрист», Председатель Конституционного Суда РФ отметил, что «в качестве итога пятнадцатилетней деятельности Конституционного Суда РФ мы можем констатировать, что в его работе утвердился подход, когда общепризнанные принципы и нормы международного права используются в качестве эталона, сообразуясь с которым в государстве ведется защита прав и свобод человека, закрепленных в нашей Конституции. Решения Европейского Суда оцениваются Конституционным Судом фактически как источник права»¹⁵⁷.

Ранее в статье «Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ» В. Д. Зорькин высказал идею, что если защищаемые Конвенцией права и свободы нарушены законом, примененным в конкретном деле, т. е. если речь идет о дефектах закона, то вопрос о судьбе данного закона в рамках исполнения решений ЕСПЧ может быть разрешен при проверке его конституционности Конституционным Судом РФ¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Зорькин В. Д. На вершине судебной власти // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41.

¹⁵⁸ Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2004. № 12.

Будучи судьей Конституционного Суда РФ Б. С. Эбзеев оценивал Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» как трансформационный акт, согласно которому не только Конвенция, но и прецеденты ЕСПЧ, сложившиеся в процессе ее толкования и применения, обязывают Россию и вменяются в качестве обязательных всякому правоприменителю¹⁵⁹.

В статье Н. С. Бондаря «Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ»¹⁶⁰ указано на необходимость учета двойственности юридической природы судебных актов ЕСПЧ: во-первых, как казуальных решений конкретных дел, находящихся в сфере юрисдикции европейского судебного органа; во-вторых, с точки зрения содержащегося в них официального толкования положений Конвенции, имеющих значение не только для разрешения данного конкретного спора, но и – в силу сложившегося общеевропейского правового обыкновения – прецедентное значение для разрешения последующих аналогичных споров. Отсюда вытекает, что обязывающее значение решений ЕСПЧ как бы раздваивается: по конкретным спорам оно распространяется по общему правилу на те государства – участники Конвенции, которые являлись стороной в споре. Для иных государств, не участвовавших в деле, решения ЕСПЧ обязательны лишь в части содержащегося в них официального (нормативного) толкования конвенционных положений, приобретающих значение правовых позиций Европейского Суда. Прецедентно-обязывающая сила таких решений вытекает из того обстоятельства, что

¹⁵⁹ Эбзеев Б. С. Глобализация, Европейский консенсус и рецепция Россией европейских гуманитарных стандартов: механизмы и пределы // Актуальные проблемы теории и практик конституционного судопроизводства : сборник научных трудов. Казань. 2007. С. 78.

¹⁶⁰ Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6.

толкование международного договора органом, юрисдикция которого признана государствами-участниками, является неотъемлемым элементом юридического содержания договорных норм, которые не могут применяться в отрыве, а тем более вопреки данному толкованию. Именно в таком двойственном качестве – как акты казуального решения споров о соответствии Конвенции действий российских национальных властей и как акты официального (нормативного) толкования конвенционных положений – решения ЕСПЧ входят в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в состав правовой системы России¹⁶¹.

На наш взгляд, данный материал не был знаком авторам статьи «Постановление Конституционного Суда РФ об институте надзора в гражданском процессе: отказ в правосудии, отрицание Европы». Возможно, знакомство с ней и другими статьями судей Конституционного Суда РФ предупредило бы необоснованное, на наш взгляд, обвинение Конституционного Суда РФ в преуменьшении значений решений ЕСПЧ¹⁶².

По всей видимости, авторы указанной статьи приписали Конституционному Суду РФ собственное понимание общепризнанных принципов и норм международного права, как только норм и принципов, выработанных обычным правом и существующих в виде обычаев.

Общепризнанные принципы и нормы действительно могут иметь обычное происхождение и существовать в виде обычаев, но они могут быть закреплены и в международных договорах и других документах¹⁶³.

¹⁶¹ *Бондарь Н. С.* Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6.

¹⁶² Критический разбор данной статьи см. также: *Лантев А. Н., Филатова М. А.* К вопросу о юридическом статусе правовых позиций Европейского Суда по правам человека и о роли Конституционного Суда РФ в его определении // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2011. № 1 (80).

¹⁶³ *Жилин Г. А.* Применение норм международного права при определении порядка осуществления правосудия по гражданским делам // Конституционно-право и международное право: взаимодействие и развитие в современную эпоху. М., 2010. С. 106–126.

Вполне возможно рассматривать положения Всеобщей декларации как комплекс общепризнанных принципов и норм международного права. В ряде постановлений Конституционного Суда РФ после указания, что тем или иным нормам Конституции РФ корреспондируют те или иные статьи Всеобщей декларации и Конвенции, содержится вывод, что указанные положения, как относящиеся к общепризнанным принципам и нормам международного права, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации. (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер», Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан»).

В некоторых других актах Конституционного Суда РФ содержится ссылка на то, что общепризнанные принципы и нормы международного права закреплены во Всеобщей декларации и Конвенции (Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21.06.1995 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона РФ от 24.06.1993 «О федеральных органах налоговой полиции»; Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2006 г. № 378-О «По жалобе гражданина Владимирцева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями шестой и восьмой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса РФ»). Такой же подход был использован в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

Ознакомление с преамбулой Всеобщей декларации позволяет прийти к выводу, что ее авторы хотели сделать права человека общепризнанными. Вся последующая практика в области прав человека позволяет прийти к выводу о том, что они добились своей цели – *положения Всеобщей декларации в настоящее время можно отнести к общепризнанным принципам и нормам международного права.*

Что касается Конвенции, то правительства стран ее подписывали «принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, учитывая, что эта Декларация имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав, считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из средств достижения этой цели является защита и развитие прав человека и основных свобод, подтверждая свою глубокую приверженность основным свободам, которые являются основой справедливости и всеобщего мира и соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократическим политическим режимом и, с другой стороны, всеобщим пониманием и соблюдением прав человека, которым они привержены, преисполненные решимости, как Правительства европейских государств, движимые единым стремлением и имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, *сделать первые шаги на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации»*¹⁶⁴.

Поэтому вполне логично назвать Конвенцию региональным механизмом обеспечения общепризнанных прав и свобод человека¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Преамбула Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

¹⁶⁵ Саидов А. Х. Общепризнанные права человека : учебное пособие / под ред. проф. И. И. Лукашук. М., 2004. С. 158.

Глава 2 Конституции РФ, посвященная правам и свободам человека и гражданина, во многом была сформулирована на основе положений Всеобщей декларации, международных пактов 1966 г.¹⁶⁶ и Конвенции, что может быть легко подтверждено сравнительным анализом текстов Конституции РФ и международных актов. Соответственно, при применении норм Конституции РФ является вполне логичным учет практики применения общепризнанных принципов и норм международного международными органами. «В соответствии с принципами правового государства, закрепленными Конституцией Российской Федерации, органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы и должны добросовестно соблюдаться, в том числе путем их учета внутренним законодательством»¹⁶⁷.

Соответственно, доводы о возможной попытке ограничения учета решений ЕСПЧ законодателем и правоприменителями Конституционным Судом РФ в Постановлении от 05 февраля 2007 г. № 2-П полагаем надуманными. Наоборот, вышеуказанное Постановление Конституционного Суда РФ *ориентирует и законодателя, и всех правоприменителей на применение в своей практике решений ЕСПЧ*, независимо от времени их принятия и независимо от того в отношении какой страны ответчицы вынесено решение ЕСПЧ.

¹⁶⁶ Которые также были приняты с целью реализации Всеобщей декларации.

¹⁶⁷ По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта»: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П.

Полагаем, что в качестве подтверждения правильности нашего вывода мы можем привести тот факт, что Консультативный Совет председателей конституционных (уставных) судов субъектов РФ в своем решении от 8 июня 2007 г.¹⁶⁸ рекомендовал Конституционным (уставным) судам субъектов РФ при осуществлении конституционного правосудия руководствоваться положениями Конвенции с учетом практики ЕСПЧ, а также иными правовыми актами органов Совета Европы¹⁶⁹.

В то же время, по нашему мнению, понимание правовых позиций Конституционного Суда РФ должно включать в себя то, что обязанности учета решений ЕСПЧ корреспондирует право заинтересованного лица ссылаться на решения ЕСПЧ с надеждой, что его доводы, основанные на решениях ЕСПЧ, не будут проигнорированы. Такой подход в полной мере соответствует европейским стандартам: *«тяжущийся имеет право ссылаться в судах на Европейскую конвенцию в том смысле, в каком она толкуется Страсбургским судом»*¹⁷⁰.

Полагаем уместным здесь упомянуть выступление на круглом столе в ЕСПЧ 29 ноября 2007 г. Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, в котором был дан комментарий рассматриваемой правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 г. № 2-П: *«...В данном Постановлении впервые была обозначена обязательность применения и учета решений ЕСПЧ по конкретным делам не только в правоприменительной практике, но и в законодательном регулировании;*

¹⁶⁸ Вестник Конституционного суда Республики Татарстан. Специальный выпуск. Казань, 2007. С. 22.

¹⁶⁹ Данное решение было вынесено по результатам заседания Консультативного Совета председателей конституционных (уставных) судов субъектов РФ, состоявшегося в г. Казани в 2007 г. на тему «Европейские стандарты в практике конституционного правосудия в Российской Федерации». Информацию о данном заседании см. также: Право и жизнь. 2007. № 4/45. С. 32–39.

¹⁷⁰ *Де Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Судебная практика с 1960 по 2002 г.. СПб., 2004. С. 21.

следовательно, было дано обоснование „генерализации“ позиций Европейского Суда – от конкретных дел к мерам общего нормативного характера»¹⁷¹.

Из компетенции Европейского Суда по правам человека по осуществлению надзора за соблюдением прав и свобод человека государствами-участниками очевидно, что постановления ЕСПЧ являются *юридическим фактом, подтверждающим наличие или отсутствие нарушения положений Конвенции*. Безусловно, факт нарушения Конвенции возникает, как правило, не в ходе деятельности по рассмотрению жалоб на нарушение Конвенции. Исключением является ситуация, когда государство не выполняет свои обязанности, препятствуя выяснению всех существенных обстоятельств или иным образом чиня препятствия в реализации права на рассмотрение дела в ЕСПЧ, что признается ЕСПЧ нарушением ст. 34 Конвенции¹⁷².

¹⁷¹ Зорькин В. Д. Реализация Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правовом поле. Цит. по книге: Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. С. 475.

¹⁷² В ст. 34 Конвенции закреплено, что «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются *никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права*». См. также Постановление ЕСПЧ от 27 марта 2008 г. № 44009/05 по делу *Штукатуров против России*; Постановление ЕСПЧ от 4 февраля 2005 г. № 46827/99, 46951/99 по делу *Маматкулов и Аскарлов против Турции*; Постановление ЕСПЧ от 17 января 2006 г. № 50278/99 по делу *Аульми против Франции*; Постановление ЕСПЧ от 12 апреля 2005 г. № 36378/02 *Шамаев и 12 других против Грузии и России*, Постановление ЕСПЧ от 10 июля 2007 г. № 39806/05 по делу *Палади против Молдавии*, Постановление ЕСПЧ № 24668/03 от 10 августа 2006 г. по делу *Олаэчеа Кауас против Испании*, Постановление ЕСПЧ № 8320/04 от 19 июня 2008 г. по делу *Рябикин (Ryabikin) против России* и др.

Как мы уже выше отмечали, *конвенциональное охранительное отношение возникает в момент нарушения прав и свобод, защищаемых Конвенцией*¹⁷³, которые в большинстве своем относятся к неотчуждаемым естественным правам и свободам¹⁷⁴. *Позитивное право является вторичным по отношению к неотчуждаемым естественным правам и свободам, соответственно любое ограничение данных прав и свобод хоть правоприменителем, хоть законодателем, является вмешательством в данные права и свободы.*

Для того чтобы установить факт нарушения Конвенции, ЕСПЧ должен не только изучить обстоятельства дела, но и выявить наличие или отсутствие ряда юридических фактов, таких как «было ли вмешательство в права и свободы, защищаемые Конвенцией»; «было ли вмешательство предусмотрено законом»; «было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе»; «было ли вмешательство соразмерным преследуемой цели ограничения». Впрочем, при рассмотрении нарушений той или иной статьи Конвенции обязательный набор юридических фактов подлежащих установлению различен.

Конвенция в некоторых статьях допускает определенную свободу усмотрения со стороны государства, в том числе при рассмотрении вопросов об ограничении прав и свобод. Однако «право усмотрения государств при определении наличия «необходимости» в смысле п. 2 этих статей Конвенции является ограниченным и находится в неразрывной взаимосвязи со строгим европейским надзором за [национальными] законами и примененными их решениями, в том числе и решениями независимых судов (см. <...> дела

¹⁷³ Султанов А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М. : Статут, 2012. 335 с.

¹⁷⁴ Султанов А. Р. Отзыв на автореферат диссертации А. В. Деменевой на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Юридические последствия постановлений Европейского суда по правам человека для Российской Федерации» // Международное публичное и частное право. 2011. № 1. С. 47–48.

Горжелик и др. против Польши [GC]¹⁷⁵, *Сидиропулос и др. против Греции*¹⁷⁶, а также дело *Станков и Объединенная организация «Илинден» против Болгарии*¹⁷⁷).

При осуществлении такого надзора ЕСПЧ видит свою задачу не в том, чтобы заменять собственными взглядами взгляды соответствующих национальных властей, а в том, чтобы проверять решения, принятые властями в рамках осуществления последними своего права усмотрения. Это не означает, что ЕСПЧ должен ограничиваться оценкой того, действовало ли государство-ответчик разумно, внимательно и добросовестно или нет при осуществлении им своего права усмотрения; он должен рассматривать обжалуемое вмешательство в свете всего дела в целом и определить: «соразмерно» ли вмешательство «преследуемой легитимной цели», являются ли основания, на которые ссылаются национальные власти, «достаточными и относящимися к делу». При таком анализе ЕСПЧ должен удостовериться в том, что национальные власти применили стандарты, «соответствующие предусмотренным Конвенцией принципам, а более того, удостовериться в том, что принятые им решения основаны на приемлемой оценке фактов, имеющих значение для дела (см. <...> дело *Объединенная коммунистическая партия Турции и др. против Турции*¹⁷⁸, а также дело *Партидул Комунистилор (Непечеристи) и Унгуреану против Румынии*¹⁷⁹»¹⁸⁰.

¹⁷⁵ Application no. 44158/98, *Gorzelik and others v. Poland*, Judgment of 17 February 2004. § 47.

¹⁷⁶ Application no 57/1997/841/1047, *Sidiropoulos and others v. Greece*, Judgment of 10 July 1998. § 40.

¹⁷⁷ Application no. № 29221/95 and 29225/95, *Stankov And the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria*, Judgment of 2 October 2001. § 84.

¹⁷⁸ Application no. 133/1996/752/951, *United Communist Party of Turkey and others v. Turkey*, Judgment of 30 January 1998. § 47.

¹⁷⁹ Application no. № 46626/99, *Partidul Comunistilor (Nepeceristi) and Ungureanu v. Romania*, Judgment of 3 February 2005. § 49.

Соответственно, постановления ЕСПЧ – это образец применения стандартов защиты, предоставляемой Конвенцией. Безусловно, различный набор фактов может влиять на применение положений Конвенции, но не учитывать уже сложившиеся подходы ЕСПЧ было бы большой ошибкой. Таким образом, мы полагаем, что использование Конституционным Судом РФ словосочетания «постановления ЕСПЧ должны учитываться» означает их обязательное принятие во внимание при принятии решений, это не рекомендация, а юридическая обязанность¹⁸¹.

1.5. О влиянии Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановлений ЕСПЧ на национальное процессуальное законодательство

Конвенция является частью правовой системы России и ее положения в силу ст. 15 Конституции РФ имеют приоритет перед другими нормативными правовыми актами и обладают прямым действием¹⁸². Не секрет, что многие национальные нормативные акты России еще не в полной мере соответствуют европейским стандартам, поэтому полагаем возможным остановиться вопросе о том, как разрешать возможные коллизии.

Европейский Суд, рассматривая вопрос «было ли вмешательство предусмотрено законом», изучает также вопрос о том, не является ли сам законно примененный в рассматриваемом деле нормативный акт противоречащим Конвенции, поскольку «с точки зрения Конвенции российское ...

¹⁸⁰ Application no.18147/02, *Church of Scientology Moscow v. Russia*, Judgment of 5 April 2007. § 86, 87.

¹⁸¹ Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М., 2010. С. 84.

¹⁸² Викут М. А., Афанасьев С. Ф. К вопросу о реализации части 4 статьи 15 Конституции РФ в сфере российского гражданского судопроизводства (проблемы теории и практики применения) // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 3. С. 36–44.

законодательство может выступать в качестве объекта исследования (на предмет его соответствия Конвенции), но не как регулятор»¹⁸³. Соответственно, правовая позиция ЕСПЧ о том, что нормативные акты не соответствуют Конвенции, хотя и не влечет их автоматической дисквалификации, но порождает обязанность правоприменителя использовать нормы международного права, имеющие приоритет, а не нормы противоречащие Конвенции (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 4 ст. 11 ГПК РФ, ст. 7 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ). Данная правовая позиция излагается в мотивировочной части постановления ЕСПЧ, а не в резолютивной части.

Так, по делу *Rakevich v. Russia (Ракевич против России)* от 28 октября 2003 г. ЕСПЧ признал несоответствие требованиям Конвенции нормы Закона РФ от 02 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Норма данного Закона была квалифицирована ЕСПЧ как «антиправовая» в связи с допущенным в ней нарушением «права на свободу и личную неприкосновенность»¹⁸⁴: «Закон не допускает самостоятельного обращения заявительницы в суд. Вместо этого инициатива подобного обращения целиком лежит на медицинском персонале. При этом п. 4 ст. 5 Конвенции требует, прежде всего, независимого правового механизма, путем использования которого лицо, содержащееся под стражей, может предстать перед судьей, который будет принимать решение о законности содержания под стражей. Когда указанное правовое средство защиты является доступным, доступ лица, содержащегося под стражей, к судье не должен зависеть от усмотрения властей,

¹⁸³ *Канашевский В. А.* Международные нормы и гражданское законодательство России. М., 2004. С. 250.

¹⁸⁴ *Снежко О. А.* Дефекты российского правосудия в решениях Европейского суда по правам человека // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 19. С. 5–10; *Никулинская Н. Ф.* Европейские стандарты осуществления недобровольной госпитализации в психиатрический стационар и российское законодательство // Юридическая психология. 2007. № 2. С. 36–40.

осуществляющих содержание под стражей. Хотя правовой механизм, содержащийся в статьях 33–35 Закона, обеспечивающий автоматическое появление лица, которому оказывается психиатрическая помощь, перед судьей, является важной гарантией от произвола при недобровольной госпитализации в психиатрический стационар, он продолжает быть недостаточным, если не предусматривает основополагающую гарантию, закрепленную п. 4 ст. 5 Конвенции. Дополнительные гарантии не исключают необходимости наличия основных гарантий. <...> Из Закона не видно, что он предоставил заявителю право напрямую подавать жалобу с тем, чтобы обеспечить ее освобождение. Статьи 47 и 48 Закона, на которые ссылаются власти РФ, признали право лиц, которым оказывается психиатрическая помощь в недобровольном порядке, на обжалование незаконных действий медицинского персонала в общем, в то время как п. 4 ст. 5 Конвенции требует специального правового средства защиты свободы лица, содержащегося под стражей»¹⁸⁵.

На основании данного анализа Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что заявитель не имела права начать разбирательство для проверки законности ее недобровольного содержания в психиатрическом стационаре судом, как того требует п. 4 ст. 5 Конвенции, и установил, что имело место нарушение указанного положения Конвенции.

В Постановлении от 20 января 2009 г. по делу *Sud Fondi Srl and Others v. Italy* (Компания «Сюд фонди СРЛ» и другие против Италии, № 75909/01) ЕСПЧ сделал вывод о нарушении ст. 7 Конвенции, указав: «Поскольку закон, предусматривавший преступление, не соответствовал критериям ясности, доступности и предсказуемости, отсутствовала возможность предвидеть применение наказания. Вместе с тем для целей ст. 7 Конвенции законодательная система, не позволяющая обвиняемому осознавать значение и сферу применения уголовного закона, является ненадлежащей не только в плане общих условий,

¹⁸⁵ Постановление ЕСПЧ от 28 октября 2003 г. по делу *Ракевич (Rakevich) против РФ* (жалоба № 58973/00).

касающихся качества закона, но и с точки зрения конкретных требований уголовного права. Таким образом, конфискация имущества не была предусмотрена законом для целей статьи 7 Конвенции и представляла собой произвольное наказание».

Можно сказать о том, что ЕСПЧ в данных делах исходил из невозможности участника международного договора сослаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора¹⁸⁶, что вполне применимо при рассмотрении вопроса о нарушении конвенционных прав и свобод.

Таким образом, ЕСПЧ, не осуществляя абстрактного нормоконтроля, а рассматривая вопрос о нарушении прав и свобод человека, защищаемых Конвенцией, может выносить суждение о «неконвенционности» правовых норм.

Выражение подобной правовой позиции ЕСПЧ в силу ст. 46 Конвенции порождает государство-ответчика принять не только индивидуальные меры, направленные на защиту конкретного нарушенного права или свободы, но и общие меры, которые предупредили бы возможность новых нарушений Конвенции.

Соответственно, вышеизложенное не ограничивает процессуального эффекта постановления ЕСПЧ в виде применения толкований ЕСПЧ даже при том, что законодательство не приведено в соответствие с требованиями Конвенции, а наоборот, открывает дорогу для применения судами Конвенции в толкованиях данных ЕСПЧ. Такая точка зрения в полной степени корреспондирует позициям ЕСПЧ, который, в частности, в деле *Вермер против Бельгии*¹⁸⁷ указал: «Глобальная реформа, нацеленная на глубокий и последовательный пересмотр всей системы правового регулирования определения родственных связей и наследования, никоим образом не является

¹⁸⁶ Статья 27 Венской Конвенции о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.)

¹⁸⁷ *Vermeire v. Belgium*, judgment of 29 November 1991, Series A no. 214-C,26.

предварительным условием соблюдения Конвенции, как ее истолковал Суд в деле Маркс.

Свобода выбора средств для соблюдения обязательств по ст. 53 Конвенции, признаваемая за государствами, не позволяет им приостановить применение Конвенции в ожидании завершения такой реформы.

Соответственно, Суд пришел к выводу, что невозможно установить, что помешало Апелляционному суду Брюсселя и Кассационному Суду соблюсти решение Маркс, как это сделал трибунал первой инстанции, прямо применив решение Маркс, а не соответствующие положения Гражданского кодекса»¹⁸⁸.

Для сведения укажем, что после решения по делу о правах «незаконнорожденных детей» *Маркс против Бельгии*, Нидерланды изменили свое законодательство в этой сфере¹⁸⁹.

Государство должно принимать адекватные меры для недопущения аналогичных нарушений, меняя свои нормативные акты и правоприменительную практику, которая может на основе ст. 15 Конституции РФ, не дожидаясь изменения национальных законов применять нормы международного права, в том числе в данном ЕСПЧ толковании. Такой подход основан на нормах российской Конституции, которые не только вводят признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве обязанности государства (ст. 2), но и гарантируют, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и что именно они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). Тем более что порой нарушение Конвенции является одновременно и

¹⁸⁸ См. подробнее: Меморандум Правозащитного центра «Мемориал» о роли органов конституционной юстиции в исполнении решений Европейского Суда по правам человека и об исполнении решений, вынесенных в отношении надзорного производства в российском гражданском процессе. URL: <http://www.sutyajnik.ru/documents/1640.htm>.

¹⁸⁹ Манукян В.И. Европейский Суд по правам человека. Киев, 2006. С. 34.

нарушением норм Конституции РФ. Этот вывод подтверждает также статья судьи ЕСПЧ от России А. И. Ковлера «Европейское право прав человека и Конституция России», в которой автор обращает внимание на то, что глава 2 Конституции, посвященная правам и свободам человека и гражданина, во многом была сформулирована на основе положений международных пактов 1966 г. и Европейской конвенции¹⁹⁰.

Полагаем, что применение данного подхода Российской Федерацией, безусловно, может изменить ситуацию с соблюдением прав и свобод человека. Возможно, последствием применения данного подхода для настоящих виновников нарушения прав и свобод человека может явиться потеря рабочего места либо обязанность пройти переаттестацию на предмет знания норм Конституции РФ, Конвенции и понимания необходимости соблюдения прав и свобод человека.

В том случае, когда причиной нарушения Конвенции являются так называемые системные ошибки, т. е. ошибки, заложенные либо законодательством РФ, либо сложившейся правоприменительной практикой ст. 2, 17, 18 Конституции РФ, также возлагают ответственность на Россию за быстрое исправление законодательства.

Ответственность за быстрое приведение законодательства в соответствии с требованиями соблюдения прав человека и основных свобод должна лежать в первую очередь на законодателе. Причем здесь под термином «ответственность» мы понимаем именно ту ответственность, о которой говорится в преамбуле Конституции РФ, т. е. об ответственности¹⁹¹, как о способности проявлять заботу о будущем, быть причиной тех изменений, которые нужны, к тому же по собственному намерению, а не об обязанности претерпевать негативные

¹⁹⁰ Ковлер А. И. Европейское право прав человека и Конституция России // Журнал российского права. 2004. № 1. С. 149–157.

¹⁹¹ Иногда данную ответственность называют моральной ответственностью, иногда позитивной юридической ответственностью.

последствия¹⁹². Поэтому мы полагаем, что ответственность за быстрое изменение законодательства может быть также взята и Правительством РФ, которое, обладая законодательной инициативой, может выступить инициатором приведения законодательства в соответствие европейским стандартам прав и свобод человека. Тем более что в настоящее время Уполномоченный Российской Федерации при ЕСПЧ, наделенный обязанностью по анализу правовых последствий постановлений ЕСПЧ для государств – членов Совета Европы и подготовки с учетом прецедентного права Совета Европы рекомендаций по совершенствованию законодательства РФ и правоприменительной практики¹⁹³, действует в структуре исполнительных органов.

Надо отметить, что и граждане могут внести свой вклад в приведение российского законодательства в соответствие требованиям европейских стандартов. Эта возможность существует, поскольку европейские стандарты, заложенные Конвенцией, являющиеся лишь первыми шагами по реализации Всеобщей декларации, были учтены и восприняты при создании Конституции РФ. Соответственно, существование норм, допускающих нарушение прав и свобод человека, можно рассматривать, как существование норм, не соответствующих Конституции РФ. Отсюда следует возможность обращения в Конституционный Суд РФ лиц, чьи права нарушены применением норм, допускающих нарушение прав и свобод человека, с требованием признать их не соответствующими Конституции РФ¹⁹⁴.

¹⁹² Данная обязанность возникает в результате безответственности.

¹⁹³ Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации : Указ Президента РФ от 29 марта 1998 г. № 310 (с изменениями от 22 декабря 1999 г., 28 июня 2005 г., 20 марта, 7 мая 2007 г.)

¹⁹⁴ О роли конституционных судов в реализации европейских стандартов см.: Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия : сборник докладов. М., 2007. С. 5–258; *Перчаткина С. А.* Роль органов конституционного правосудия в выполнении международных обязательств // *Законность.* 2009. № 12. С. 25–29; *Она же.* Некоторые аспекты влияния конституционного правосудия на соотношение международного и

Хотя обращение в Конституционный Суд РФ не является средством защиты, которое необходимо исчерпать для обращения в ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ вполне способен занять достойное место при реализации конвенционального охранительного правоотношения и дисквалификация им нормы, применение которой нарушало защищаемые Конвенцией основные свободы и права человека, может даже быстрее восстановить их.

О таком способе исполнения Постановлений ЕСПЧ написал в своей статье «Прецедентный характер решений Конституционного Суда» Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин: «Если же защищаемые Конвенцией права и свободы нарушены законом, примененным в конкретном деле, т. е. если речь идет о дефектах закона, то вопрос о судьбе данного закона, о проверке его конституционности разрешается Конституционным Судом»¹⁹⁵.

В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева». Заявители ссылались на несправедливость судебной процедуры в уголовном процессе, а именно на то, что нормы УПК РФ не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера (по заключению психиатров), лично участвовать в уголовном процессе и самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, а именно знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об

конституционного права (на примере Австрии и Германии) // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20. С. 36–39.

¹⁹⁵ Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда. Цит. по: В. Д. Зорькин. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. С. 124.

изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения.

Надо отметить, что в недавно переведенной на русский язык книге доктора Томаса Саса «Фабрика безумия»¹⁹⁶ было указано, что психиатры используют процедуры «правосудия», разработанные во времена охоты на ведьм, во времена, когда обвинители были неизвестны, а обвинения основывались только на мнениях, наказания осуществлялись до проведения суда и т. д. То есть данная проблема существовала не только в России, и международным правом был наработан определенный опыт в данной области.

Вполне ожидаемым было то, что данным Постановлением Конституционный Суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 19, 45 (ч. 2), 46 (ч. 1) и 55 (ч. 3), находящиеся в нормативном единстве положения ст. 402, ч. 3 ст. 433, ст. 437 и 438, ч. 3 и 6 ст. 439, ч. 1 ст. 441, ст. 444 и ч. 1 ст. 445 УПК РФ в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, – не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения. Однако данное Постановление можно рассматривать как исполнение Постановления ЕСПЧ от 20 октября 2005 г. по делу *Романов против России*, поскольку именно в нем было указано, что присутствие заявителя в судебном заседании является необходимым условием для того, чтобы судья лично мог убедиться в его психическом состоянии и принять справедливое решение. Данная правовая позиция была воспроизведена в указанном Постановлении Конституционного Суда РФ. Таким образом, Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о

¹⁹⁶ Сас. Т. Фабрика сумасшествия. Екатеринбург, 2007.

соответствии ряда норм УПК РФ Конституции РФ, одновременно разрешил вопрос о приведении УПК РФ в соответствие европейским стандартам.

На основании п. 5 ч. 1 ст. 29 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (с изменениями от 16 октября 2006 г.), Уполномоченный по правам человека в РФ также вправе обращаться в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле.

Полагаем возможным указать, что помимо лиц, в отношении которых были применены нормы, допускающие нарушение прав и свобод человека и Уполномоченного по правам человека, с запросами в Конституционный Суд РФ могут обратиться Президент РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, одна пятая членов (депутатов) Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительство РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ. Причем запросы данных лиц не связаны с фактом применения тех или иных норм в конкретном деле, а носят характер запроса в порядке абстрактного нормоконтроля. То есть данным государственным органам не нужно ждать нарушения прав и свобод человека теми или иными нормами для того, чтобы обратиться с запросом об их соответствии Конституции РФ.

В качестве примера такого запроса можем привести запрос Кабинета Министров Республики Татарстан, обратившегося в мае 2006 г. в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии ст. 389 ГПК РФ. В данном запросе Кабинет Министров РТ ссылался на то, что данная статья не только не соответствует Конституции РФ, но и Конвенции, и практике Европейского Суда по правам человека. Соответственно, Постановление Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 г. № 2-П, вынесенное в частности по результатам рассмотрения данного запроса можно считать своего рода исполнением Постановлений ЕСПЧ по делам *Рябых против России*, *Волкова против России*, *Засурцев против России* и др.. Хотя Конституционный Суд РФ и воздержался от

признания ряда норм ГПК РФ противоречащими Конституции РФ, но предписал федеральному законодателю реформировать надзорное производство. В данном Постановлении Конституционный Суд РФ указал, что не только положения Конвенции, но и решения ЕСПЧ в той части, в какой ими исходя из общепризнанных принципов и норм международного права дается толкование содержания закрепленных конвенцией прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права.

Кроме того, суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции РФ закона, примененного или подлежащего применению в указанном деле, обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности данного закона¹⁹⁷. Причем при направлении запроса в Конституционный Суд РФ суд может мотивировать несоответствие нормы Конституции РФ в том числе и практикой Европейского Суда по правам человека. В качестве примера, можно привести запрос Московского областного суда в Конституционный Суд РФ. Московский областной суд, ссылаясь на практику ЕСПЧ в своем запросе просил проверить конституционность ст. 387 и 390 ГПК РФ в той части, в какой они предусматривают возможность пересмотра в порядке надзора вступивших в законную силу судебных постановлений по так называемым социально ориентированным делам, в частности по делам, связанным с назначением гражданам трудовых пенсий и определением их размера. Московский областной суд указал, что отмена судебных актов по данной категории дел противоречит практике Европейского Суда по правам человека и международно-правовым

¹⁹⁷ Статья 101 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

обязательствам РФ, вытекающим из п. 1 ст. 6 Конвенции, и не соответствует ст.15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 18 и 46 Конституции РФ¹⁹⁸.

Существующая в настоящее время возможность дисквалификации норм, не соответствующих Конвенции, путем проверки их конституционности может быть реализована не только обращением в Конституционный Суд РФ. Существует также возможность оспаривать законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, противоречащие Конвенции, в конституционные (уставные) суды субъектов РФ, когда можно сделать вывод об их несоответствии также Конституции или Уставу субъекта РФ. В решении консультативного совета председателей конституционных и уставных судов субъектов РФ от 03 ноября 2011 г. было отмечено, что оправдано и подлежит расширению прямое применение Конвенции, решений ЕСПЧ¹⁹⁹, что подтверждает наш вывод о возможности обращений в данные суды для дисквалификации норм, противоречащих Конвенции.

Кроме того, хотя в процессуальных кодексах (ранее в ГПК РФ и АПК РФ, а теперь в КАС РФ) не предусмотрено специальной процедуры оспаривания нормативных актов, не соответствующих международным договорам, это не означает, что такая возможность отсутствует. Полагаем возможным согласиться с В. А. Канашевским, который в своей монографии «Международные нормы и гражданское законодательство» пишет, что решение ЕСПЧ может послужить основанием для признания правового акта недействительным, поскольку в соответствии со ст. 13 ГК РФ нормативный акт, не соответствующий закону или иным правовым актам и нарушающий права гражданина или юридического лица, может быть признан судом недействительным, где понятие «иные правовые

¹⁹⁸ По запросу Московского областного суда о проверке конституционности статей 387 и 390 Гражданского процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 423-О-П.

¹⁹⁹ Вестник Конституционного суда Республики Татарстан. Специальный выпуск. 2010, С. 26.

акты» включает и нормы Конвенции²⁰⁰. Считаем правильной точку зрения, что факт участия в Конвенции и наличие возможности обращения граждан в ЕСПЧ возлагает дополнительную ответственность на суды высших инстанций, которые не только обязаны проверять законность и обоснованность вынесенного судом решения, но и соответствие закона или иного правового акта государства, примененного по делу, нормам Конвенции, т. е. примененный судом нормативный акт должен быть не только «законным», но и «правовым»²⁰¹.

Таким образом, круг субъектов, способных повлиять на приведение законодательства в соответствие требованиям соблюдения прав и свобод человека, достаточно широк. Нужна лишь воля данных субъектов.

Но помимо возможности оспаривания норм, противоречащих Конвенции полагаем, что *установление нарушения Конвенции, которое имело место в результате применения национального законодательства, является самостоятельным юридическим фактом, порождающим определенные процессуальные последствия.*

Единственный процессуальный кодекс, в котором хоть как-то отражено последствие данного юридического факта – это УПК РФ. В нем законодатель отнес к новым обстоятельствам установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом РФ уголовного дела, когда был применен федеральный закон, не соответствующий положениям Конвенции и иными нарушениями ее положений.

Не затрагивая вопросов о ретроспективном действии установления несоответствия Конвенции национального нормативного акта, которые требуют более подробного рассмотрения, полагаем, что с момента выражения такой

²⁰⁰ *Канашевский В. А.* Международные нормы и гражданское законодательство России. М. : Международные отношения, 2004. С. 253.

²⁰¹ *Мкртумян А.* Правовые средства пересмотра судебных актов (практика и проблемы) // Эффективность правосудия : сборник материалов 3-й международной конференции судей. Тбилиси, 2005. С. 48–49.

позиции ЕСПЧ она должна быть, безусловно, учтена при разрешении споров. Такая точка зрения уже высказывалась процессуалистами, которые обращали внимание на необходимость внесения изменений в ч. 2 ст. 1 ГПК РФ с тем, чтобы в полной мере учесть толкования ЕСПЧ, и предлагали изложить данную норму в следующем виде: «Если международным договором с участием РФ, а равно актами правоприменения и толкования наднациональных судебных органов, которым предоставлено подобное право, установлены иные правила гражданского производства, чем предусмотренные национальным процессуальным законодательством, применяются надлежащие правила»²⁰². Конечно же, аналогичное положение должно появиться и в ст. 11 ГПК РФ, и в соответствующих статьях других процессуальных кодексов.

Хотя в процессуальных кодексах вопрос преюдиции толкований ЕСПЧ пока еще не нашел отражения, он урегулирован в Федеральном законе от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»: «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации» и ст. 32 Конвенции: «В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47».

Данные толкования должны быть доступны всем жителям России, а суды проверочных инстанций обязаны предпринимать все усилия для того, чтобы

²⁰²Афанасьев С. Ф. О юридической природе Постановлений Европейского Суда по правам человека и об их влиянии на отечественный цивилистический процесс // Тенденции развития гражданского процессуального права России. СПб., 2008. С. 333.

устранить любое нарушение прав и свобод, и ошибочное применение или неприменение положений Конвенции.

Для сведения: Верховный суд Польши в одном из своих решений указал, что в связи с обязательностью решения ЕСПЧ его можно признать «равнозначным утверждению материально-правового основания несоответствия закону», т. е. решение ЕСПЧ было оценено, как преюдикат²⁰³. Впрочем, если и далее анализировать практику высших судебных инстанций и конституционных судов европейских стран, то можно увидеть, что в большинстве своем решения ЕСПЧ не ставятся под сомнение.

Таким образом, *главным процессуальным эффектом Постановлений ЕСПЧ является преюдициальность его толкований Конвенции, позволяющая применять их напрямую, не ожидая приведения законодательства в соответствие Конвенции*²⁰⁴.

Полагаем, что законодатель должен принять меры по закреплению в процессуальных кодексах расширения пределов обязательной силы постановлений ЕСПЧ и распространения в ряде случаев их правовых последствий и на других лиц²⁰⁵, в частности, когда их права и свободы нарушены применением

²⁰³ Боднар А. Эффективность Европейской Конвенции по правам человека в Польше // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. №4 (76). С. 72.

²⁰⁴ Султанов А. Р. О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 24–29.

²⁰⁵ Матвеев Д. Ю. Обеспечение реализации в РФ постановлений Европейского Суда по правам человека // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 39–44; Пацация М. Ш. Европейский Суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам // Законодательство и экономика. 2006. № 3; Еришов В. В. Актуальные теоретические и практические вопросы Конституции России и Тырновской Конституции Болгарии // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 15; Квитко Н. Суд – европейский, проблемы – российские // Законность. 2007. № 1; Султанов А. Р. Правовые последствия постановлений ЕСПЧ для лиц, участвовавших в рассмотрении дела, и третьих лиц // Арбитражная практика. 2007. № 7. С. 79–85 и др.

не приведенных в соответствие стандартам Конвенции законов и нормативных актов²⁰⁶.

1.6. Преюдициальность фактов, установленных ЕСПЧ

Общеизвестно, что ЕСПЧ не является судом третьей или четвертой инстанции, задачей которых является проверка правильности применения права. У него более широкая задача – защита прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в споре с государством. Соответственно, как заявитель жалобы, так и государство вправе представлять доказательства, которые не были предметом рассмотрения в национальных судах.

Более того, существуют споры, где ЕСПЧ устанавливая, что у заявителя не было эффективных средств защиты в государстве - участнике Конвенции, фактически бывает единственной инстанцией, рассмотревшей спор гражданина. Соответственно, ЕСПЧ бывает первым судом, рассмотревшим доказательства по спору с гражданином.

Общим же правилом, основанном на принципе субсидиарности, предполагается, что основная роль в оценке доказательств лежит на национальных судах, роль же ЕСПЧ заключается лишь в проверке того, была ли оценка фактов надлежащей.

²⁰⁶ Как мы уже выше указывали, к такому выводу можно прийти, в частности, на основе анализа правовых позиций изложенных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» и Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества „Производственное объединение „Берег“, открытых акционерных обществ „Карболит“, „Завод „Микропровод“ и „Научно-производственное предприятие „Респиратор“».

Как мы уже отмечали выше, Конвенция не запрещает представления новых доказательств, но возможность их принятия зависит не только от критериев относимости и допустимости, но и от мнения представителя государства, который может выдвигать возражения и замечания, а также приводить свои доказательства²⁰⁷.

«Суд принимает к сведению замечания Правительства, касающиеся фактов. Он их надлежащим образом учитывает, как все другие доказательства. Действительно, именно после объявления жалобы приемлемой Суд приступает к окончательному установлению фактов в соответствии со ст. 38 Конвенции на основании замечаний сторон и, при необходимости, своих собственных исследований»²⁰⁸. После решения о приемлемости жалобы ЕСПЧ уже не принимает никаких доводов и доказательств.

В качестве успешного примера представления доказательств со стороны государства-ответчика можно привести дело *Жигалев (Zhigalev) против Российской Федерации* (жалоба № 54891/00)²⁰⁹. Это дело, впрочем, является также показателем того, как нужно разрешать проблему несовпадения субъектного состава конвенционального охранительного правоотношения и процессуального правоотношения и проблему обмана международного суда²¹⁰.

Данное дело было начато в ЕСПЧ по интересному правовому вопросу об ограниченности статуса третьего лица в судебном разбирательстве,

²⁰⁷ См. подробнее о доказательственной практике международных судов: *Ренц И.Г.* Факты и доказательства в международных спорах: между истиной и справедливостью. М., 2018.

²⁰⁸ Пункт 55 Постановления ЕСПЧ от 18 мая 1999 г. по делу *Великова против Болгарии (Velikova v. Bulgaria)*, жалоба № 41488/98.

²⁰⁹ Постановление ЕСПЧ от 6 июля 2006 г. по делу *Жигалев (Zhigalev) против Российской Федерации* (жалоба № 54891/00).

²¹⁰ Обман может быть не только причиной для отказа в удовлетворении требований, но и основанием для пересмотра судебных актов. См. подробнее о возможности пересмотра решений международных судов в связи с обманом: *Каламкарян Р. А.* Международный суд в миропорядке на основе господства права. М., 2012. С. 241–247.

инициированном прокурором, в частности, о невозможности заявить о применении заявления о сроке давности. Первое впечатление при ознакомлении с решением ЕСПЧ о приемлемости приводило к мысли, что прокурор подал заявление в суд, указав Жигалева в качестве третьего лица с целью обойти право последнего на заявление срока давности. В тексте же Постановления ЕСПЧ, более подробно описавшем обстоятельства с учетом представленных доказательств, в том числе цитировалось интервью заявителя курской газете «Друг для друга» (номер от 22 февраля 2005 г.), где Жигалев утверждал: «Когда я только составлял заявление, «добрые люди» советовали: мол, где ты видел, чтобы кому-нибудь удавалось обмануть государство? Видимо, так же думали и представители России в Суде».

Власти Российской Федерации помимо данной газеты также представили судебные акты по другим делам, из которых стало ясно, что никто никогда не пытался оспорить долю Жигалева в крестьянско-фермерском хозяйстве «Луч», а напротив, именно Жигалев пытался захватить имущество других членов хозяйства, которое никогда ему не принадлежало.

В процесс в качестве третьей стороны вступили также члены крестьянско-фермерского хозяйства «Луч», которые также представили доказательства в ЕСПЧ. Они доказывали, что причиной различных споров между ними и Жигалевым являлся тот факт, что Жигалев считал себя единственным владельцем имущества крестьянско-фермерского хозяйства «Луч», а других членов хозяйства – наемными работниками, что в действительности не имело оснований. Жигалев не позволял другим членам хозяйства принимать участие в управлении хозяйством и распределять доходы хозяйства. Фермеры неоднократно направляли жалобы прокурору Курской области на нарушения Жигалевым их прав... Члены крестьянско-фермерского хозяйства «Луч» утверждали, что целью подачи Жигалевым жалобы в ЕСПЧ было завладение землей, принадлежащей другим

членам хозяйства. Его жалоба не имела оснований ни по вопросам фактов, ни по вопросам права и, соответственно, должна быть отклонена²¹¹.

Европейский Суд в данном деле вначале пришел к выводу, что нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции отсутствовало, установив это из представленных российскими властями и третьими лицами доказательств, а затем сделал вывод о том, что поскольку у заявителя не было права на имущество, подлежащее защите, то и право на суд его не было нарушено²¹².

Что касается вопроса собственных исследований ЕСПЧ, то их необходимость порой вызвана самим характером спора, в котором заявителем является физическое лицо, которое может быть ограничено государством в сборе доказательств, поскольку порой государственные органы пытаются скрыть доказательства нарушения Конвенции. В такой ситуации право на обращение в ЕСПЧ за защитой конвенционных прав и свобод без возможности самостоятельного исследования доказательств стало бы иллюзорным.

Возможность такого исследования закреплена в ст. 38 Конвенции (ранее в ст. 28 Конвенции), в которой указывается, что если суд объявляет жалобу приемлемой, то он продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия.

В соответствии с приложением к Регламенту Европейского Суда по правам человека (о производстве судебного следствия), по просьбе стороны в деле или по своей инициативе Палата вправе предпринять любое судебное следственное действие, которое, по ее мнению, способно прояснить обстоятельства дела. Палата вправе *inter alia* предложить сторонам представить письменные

²¹¹ Султанов А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 230-262.

²¹² Обычно ЕСПЧ устанавливал нарушение ст. 6 Конвенции, а лишь потом ст. 1 к Протоколу № 1 к Конвенции.

доказательства, а также принять решение заслушать в качестве свидетеля, эксперта или в любом ином качестве любое лицо, если его доказательства или показания могут содействовать Палате в выполнении ее задач. Кроме того, Палата также вправе по своему выбору обратиться к любому лицу или организации с просьбой изложить свое мнение или подготовить письменный доклад по любому вопросу, который она считает имеющим отношение к делу²¹³.

После объявления жалобы приемлемой для рассмотрения по существу или в исключительных случаях до вынесения решения о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу Палата вправе назначить одного или нескольких своих членов или других судей Суда в качестве ее представителя или представителей с целью проведения проверки обстоятельств, проведения судебного следствия на месте или получения доказательств иным образом. Палата вправе назначить также любое лицо или организацию для оказания содействия этой делегации таким образом, каким представится подходящим.

Соответственно, возникает вопрос о преюдициальном значении оценки (переоценки) фактов и фактов, установленных ЕСПЧ²¹⁴. Данный вопрос можно разбить на три, а может, и более вариантов, которые рассмотрим в первом приближении²¹⁵ ниже.

На наш взгляд, в том случае, если факты были установлены делегацией ЕСПЧ в результате судебного следствия, то данные факты, безусловно, должны иметь преюдициальное значение для страны-ответчика и заявителя. Впрочем,

²¹³ Доказательственная сила которых в случае принятия их в качестве единственных доказательств вызывает сомнение российских специалистов. См. подробнее: *Гальперин М. Л., Борисова Л. Ю.* Международное правосудие: право против фактов // Закон. 2019. № 5. С. 128–134.

²¹⁴ Для некоторых ученых это имеет безусловный характер, см. в частности: *Нешатаева Т. Н.* Международное частное право и международный гражданский процесс. М., 2004. С. 597.

²¹⁵ Полагаем, что данные вопросы подлежат более подробному и тщательному анализу и достойны отдельного исследования.

когда ЕСПЧ рассматривает жалобу, признавая отсутствие эффективных средств защиты, его оценка фактов становится обязательной, что, безусловно, накладывает особенную ответственность на представителей государства по сбору и представлению доказательств в ЕСПЧ. Это само по себе должно стимулировать государство к исполнению обязательств по созданию эффективных средств защиты. Создание эффективных средств защиты будет также соответствовать принципу субсидиарности, который подразумевает разделение ответственности между государствами-участниками и ЕСПЧ, поскольку ответственность за реализацию Конвенции лежит в первую очередь на государствах-участниках²¹⁶.

Что касается вопросов переоценки фактов, установленных в национальных судах, то оценка фактов, осуществленная ЕСПЧ в рамках его полномочий при рассмотрении дела о нарушении положений Конвенции, на наш взгляд, не может быть оспорена нигде, кроме Большой Палаты ЕСПЧ. Соответственно, такая оценка подразумевает собой оценку фактов через призму положений Конвенции и европейских стандартов, сформулированных в постановлениях ЕСПЧ, т. е. является частью правоприменения положений Конвенции в рамках компетенции ЕСПЧ. Таким образом, в том случае, когда ЕСПЧ переоценивает факты, такая переоценка, в результате которой установлено нарушение Конвенции, также является преюдициальной для сторон, участвующих в деле.

В том случае, когда ЕСПЧ приходит к выводу о ненадлежащей оценке фактов (в том числе об отсутствии оценки определенных фактов, которые должны были быть оценены, но не были оценены) национальными судами, то сам данный вывод в ряде случаев может свидетельствовать о нарушении права на справедливый суд. Этот вывод, изложенный в постановлении ЕСПЧ, на наш взгляд, является безусловным основанием для пересмотра (возобновления производства по делу), т. е. обладает преюдициальным значением для нового рассмотрения дела в части признания ненадлежащим отправлением правосудия. В

²¹⁶ Султанов А. Р. Совершенствование системы защиты прав и свобод человека // Закон. 2012. № 2. С. 25–34.

то же время при новом рассмотрении национальный суд должен будет не вынести автоматически иное решение, нежели было ранее постановлено, как иногда поступают суды первой инстанции после отмены судебного акта кассацией, а рассмотреть дело с учетом всех существенных обстоятельств, устранив упущение. То есть там, где было нарушено право на справедливое правосудие, это право и должно быть восстановлено. Если право нарушено отсутствием учета важных доказательств, восстановлением нарушенного права будет рассмотрение дела с учетом этих обстоятельств.

Однако из данного вывода следует, что процессуальный эффект постановлений ЕСПЧ также заключается в преюдициальном характере его постановлений и невозможности национальных судов рассматривать их лишь как необязательную альтернативную точку зрения на предмет спора. *Лицо, выигравшее в Страсбурге, должно быть освобождено от доказывания обстоятельств, установленных ЕСПЧ*²¹⁷. Толкование ЕСПЧ норм Конвенции применительно к обстоятельствам дела является обязательным, но также обязательным является и подтверждение его постановлением субъективного права заявителя.

В качестве примера к чему может привести игнорирование данного подхода можно привести ситуацию, когда гражданка Украины, выиграв в ЕСПЧ, вновь обратилась с жалобой, указав на то, что при пересмотре ее решения Верховный суд Украины в решении от 14 марта 2008 г. явно исказил соответствующие выводы ЕСПЧ в его постановлении 2007 г., и Большая палата ЕСПЧ установила нарушение ст. 6 Конвенции²¹⁸.

²¹⁷ Султанов А. Р. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 64–72.

²¹⁸ Постановление ЕСПЧ от 05 февраля 2015 г. № 22251/08 по делу *Бочан (Bochan) против Украины* (№ 2) (жалоба № 22251/08).

1.7. Правовые позиции ЕСПЧ о должной правовой процедуре и процессуальных гарантиях в делах о нарушении материальных норм Конвенции

Влияние европейских правовых стандартов, безусловно, положительно сказывается и на развитие процессуального законодательства и правоприменении²¹⁹.

Хотя, конечно же, такое влияние порой не является быстрым, поскольку нужно признать, что судебная власть является наиболее консервативной ветвью

²¹⁹ *Афанасьев С. Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010; *Воронцова И. В., Соловьева Т. В.* Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации. М., 2010; *Глазкова М. Е.* Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе. М., 2012. 200 с.; *Иодковский Э. В.* Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 237 с; *Корнилина А. А.* Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Машкова К. В.* Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека в гражданском и арбитражном процессах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 206 с.; *Садчикова О. В.* Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; *Султанов А. Р.* О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 24–29; *Султанов А. Р.* Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе // Международное право и международные организации. 2010. № 3. С. 106–117; *Султанов А. Р.* Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2011. № 9 (177). С. 64–72; *Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика : сборник аналитических статей / под ред. М. Р. Воскобитовой.* М., 2005; *Садчикова О. В.* Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. и др.

власти, впрочем, не только в нашей стране.

Однако в части восприятия справедливости подходов ЕСПЧ в области судопроизводства, как правило, особых проблем не возникает в отличие от ситуаций, когда речь идет о толковании национального материального права²²⁰.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», в частности, было разъяснено, что установление ЕСПЧ нарушения, из которого следует, что ... допущенное нарушение Конвенции или Протоколов к ней, носящее процессуальный характер, ставит под сомнение результаты рассмотрения дела является достаточным основанием для пересмотра судебного акта.

Институт доказывания обоснованно рассматривается в качестве краеугольного камня судопроизводства²²¹.

Как отмечают большинство исследователей, толкование основных процессуальных гарантий, связанных с доказыванием, содержатся в актах ЕСПЧ, в которых идет речь о применении положений п. 1, 2, пп. «а»–«d» п. 3 ст. 6 Конвенции²²².

Впрочем, правовые позиции ЕСПЧ можно найти даже в решениях ЕСПЧ разрешающих вопрос приемлемости. Так, Конституционный Суд РФ

²²⁰ Султанов А. Р. Имплементация Постановлений ЕСПЧ и о некоторых последствиях Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Служение праву : сборник статей. Памяти профессора В. А. Туманова / под ред. Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. М., 2017. С. 169–176.

²²¹ Гаджиев Х. И. Вопросы доказывания в практике Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 78–95.

²²² Михеенкова М. А. Некоторые аспекты влияния Европейского Суда по правам человека на развитие российского доказательственного права // Судья. 2017. № 2. С. 39–44.

неоднократно ссылался в своих решениях на правовые позиции ЕСПЧ²²³, изложенные в решениях ЕСПЧ о приемлемости. Например, в Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П было отражено, что «по мнению Европейского Суда по правам человека, признание надзорного производства в качестве эффективного средства правовой защиты, которое необходимо исчерпать для соблюдения критерия приемлемости жалобы в Европейский Суд по правам человека, породило бы правовую неопределенность и лишило бы смысла правило о соблюдении шестимесячного срока обращения с такой жалобой (решения от 29 января 2004 года по делу *Бердзенишвили против России*, от 6 мая 2004 года по делу *Денисов против России*)»²²⁴.

В книге «Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс»²²⁵ процитированы правовые позиции из решения ЕСПЧ от 14 января 2003 г. по вопросу приемлемости жалобы № 61605/00 *Аркадий Иванович Викторов против Российской Федерации*: «В содержание права на справедливое судебное разбирательство Европейский суд, помимо прочего, включает право на состязательное разбирательство дела, согласно которому стороны должны иметь возможность знакомиться с любыми доказательствами, необходимыми для поддержания их позиций, а также знать обо всех приведенных

²²³ Впервые, такая ссылка была сделана в: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Кравченко Леонида Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 320 ГПК РСФСР : Определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2000 г. № 86-О. В настоящее время ссылки на решения ЕСПЧ о приемлемости имеются в более чем 20 решениях Конституционного Суда РФ.

²²⁴ По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П.

²²⁵ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М., 2014. 496 с.

доказательствах и доводах и представить свое мнение по ним, поскольку это может повлиять на решение. Сторона судебного разбирательства должна иметь возможность ознакомиться с доказательствами до начала рассмотрения дела в суде, а также выразить свое мнение об их наличии, содержании и подлинности в надлежащей форме и в надлежащее время, при необходимости, заблаговременно в письменном виде»²²⁶. Учет этих правовых позиций ЕСПЧ мог бы предупредить возникновение многих нарушений Конвенции, причем не только в части нарушения ст. 6 Конвенции.

Вопросы процессуальных гарантий разрешаются ЕСПЧ также и при рассмотрении нарушений материальных норм Конвенции, в частности, ст. 3²²⁷, 8, 9, 10, 11 Конвенции, а также ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции. Поскольку *защита этих прав, предоставляемая Конвенцией, предполагает, что рассмотрение вопросов об ограничении прав и свобод должно обеспечиваться надлежащей правовой процедурой, которая в себя включает гарантии возможности участвовать в процессе доказывания*²²⁸. Что позволяет задуматься о «процедурном естественном праве»²²⁹ и процессуальности права²³⁰.

²²⁶ Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. М. : Норма, 2005. С. 164–167.

²²⁷ Так, в Постановлении ЕСПЧ от 07 марта 2017 г. по делу *В.К. (V.K.) против Российской Федерации* (жалоба № 68059/13) при рассмотрении жалобы заявителя на жестокое обращение в детском саду со стороны воспитателей и отсутствие эффективного расследования данного обстоятельства, ЕСПЧ отметил, что «суд должен удостовериться в том, что процессуальные гарантии были соблюдены и что способ применения такой силы против заявителя не должен превышать минимального уровня суровости, предусмотренного прецедентными нормами Европейского Суда в ст. 3 Конвенции (см., в частности, Постановление ЕСПЧ по делу *Невмержицкий против Украины*, § 94)».

²²⁸ Султанов А. Р. Европейские правовые стандарты доказывания и оценки доказательств // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 96–113.

²²⁹ Фуллер Лон Л. Мораль права М., 2007. С. 118–119.

Европейский Суд обращал внимание на то, что нельзя недооценивать важность процессуальных обязательств, предусмотренных ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. Так, Европейский Суд неоднократно отмечал, что, хотя ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции не содержит явно выраженных процессуальных гарантий, судебное разбирательство по поводу права человека беспрепятственно пользоваться своим имуществом также должно предоставлять человеку разумную возможность добиваться рассмотрения своего дела компетентными органами власти с целью эффективно оспорить меры по вмешательству в осуществление прав, которые гарантирует эта статья (см. Постановление ЕСПЧ по делу *Sovtransavto Holding v. Ukraine* (Компания «Совтрансавто Холдинг» против Украины), жалоба № 48553/99, § 96, ECHR 2002-VII; Постановление ЕСПЧ по делу *Capital Bank AD v. Bulgaria* (Компания «Кэпитал Банк АД» против Болгарии), жалоба № 49429/99, § 134, ECHR 2005-XII; Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу *Anheuser-Busch Inc. v. Portugal* (Компания «Анхойзер-Буш Инк.» против Португалии), жалоба № 73049/01, § 83, ECHR 2007-I; Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу *J.A. Pye (Oxford) Ltd and J.A. Pye (Oxford) Land Ltd v. United Kingdom* (Компании «Джей. Эй. Пай (Оксфорд) Лтд» и «Джей. Эй. Пай (Оксфорд) Лэнд Лтд» против Соединенного Королевства), жалоба № 44302/02, § 57, ECHR 2007-III; Постановление Европейского Суда по делу *Zafranias v. Greece* (Зафранас против Греции) от 4 октября 2011 г., жалоба № 4056/08, § 36; Постановление ЕСПЧ по делу *Giavi v. Greece* (Яви против Греции) от 3 октября 2013 г., жалоба № 25816/09, § 44, см. также *mutatis mutandis* Постановление ЕСПЧ по делу *Al-Nashif v. Bulgaria* (Аль-Нашиф против Болгарии) от 20 июня 2002 г., жалоба № 50963/99, § 123 и упоминавшееся выше Постановление ЕСПЧ по делу *Компания «Гранде Стивенс» и другие против Италии*, § 188). Следовательно, вмешательство в осуществление прав,

²³⁰ Степаненко Р. Ф. Процессуальность права в аксиологическом измерении: общетеоретические и методологические проблемы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 34–44.

предусмотренных ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, не может быть легитимным в отсутствие состязательного судебного разбирательства, соответствующего принципу процессуального равенства сторон и позволяющего обсуждать аспекты, имеющие значение с точки зрения результата рассмотрения дела. Для того чтобы обеспечить выполнение этого условия, применимые процедуры следует рассматривать с общей точки зрения (см. среди прочих примеров: Постановление ЕСПЧ по делу *Компания AGOSI против Соединенного Королевства*, § 55; Постановление ЕСПЧ по делу *Hentrich v. France* (*Гентрих против Франции*) от 22 сентября 1994 г., § 49, Series A, N 296-A; Постановление ЕСПЧ по делу *Jokela v. Finland* (*Йокела против Финляндии*), жалоба № 28856/95, § 45, ECHR 2002-IV; Постановление ЕСПЧ по делу *Gall v. Hungary* (*Галл против Венгрии*) от 25 июня 2013 г., жалоба № 49570/11, § 63, а также Постановление ЕСПЧ по делу *Sociedad Anonima del Ucieza v. Spain* (*Компания «Сосьедад анонима дель усьеса» против Испании*) от 4 ноября 2014 г., жалоба № 38963/08, § 74)²³¹.

Непредоставление должной правовой защиты и возможности полноценно участвовать в процессе доказывания в делах о вмешательстве в право на уважение частной и семейной жизни неоднократно признавалось ЕСПЧ нарушением ст. 8 Конвенции.

Так, ЕСПЧ, рассматривая вопросы нарушения положений ст. 8 Конвенции в Постановлении от 27 марта 2008 г. по делу *Штукатуров против России* (жалоба № 44009/05), указал, что «исследовав процесс принятия и обоснование национальных решений, Европейский Суд заключает, что вмешательство со стороны публичных властей в личную жизнь заявителя было несоразмерно преследуемой законной цели. Следовательно, по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции...».

К такому выводу ЕСПЧ пришел установив, что разбирательство в

²³¹ Постановление ЕСПЧ от 28 июня 2018 г. по делу *Компания G.I.E.M. С.р.л. и другие (G.I.E.M. S.r.l. and Others) против Италии* (жалоба № 1828/06 и две другие).

Василеостровском районном суде города Санкт-Петербурга было ущербным в процессуальном отношении, так как заявитель не принимал участия в судебном заседании и даже не был лично допрошен судьей. Далее, заявитель не имел возможности обжаловать судебное решение от 28 декабря 2004 г., поскольку городской суд отказался рассматривать его жалобу. Таким образом, его участие в процессе принятия решений в производстве по его делу было сведено к нулю. Европейский Суд особенно был шокирован тем фактом, что единственное судебное заседание по существу дела заявителя продолжалось десять минут. При таких обстоятельствах нельзя утверждать, что судья обладал «преимуществом непосредственного контакта с соответствующими лицами», которое в нормальной ситуации побуждало бы к сдержанности оценок со стороны ЕСПЧ.

Достаточно жесткая оценка российских судов является лишь следствием игнорирования принципов, известных российскому праву, как принцип состязательности, равноправия, непосредственности исследования доказательств. Конечно же, неосуществление судом общения с лицом, которое лишается дееспособности, является нарушением этих принципов, поскольку выступление данного лица в суде может быть ключевым доказательством, а также источником новых доказательств.

В Постановлении по делу *Лю против России* (№ 2) от 26 июля 2011 г. ЕСПЧ констатировал нарушение ст. 8 Конвенции в связи с несоблюдением права заявителя на уважение семейной жизни ввиду отказа Лю в выдаче разрешения на временное проживание в Российской Федерации, а также последующим административным выдворением заявителя в Китайскую Народную Республику, указав также, что «...отказ от предоставления разрешения первому заявителю на временное проживание и его последующее выдворение в Китай не сопровождалось адекватными процессуальными гарантиями и не были необходимыми в демократическом обществе».

Надо отметить, что нарушение было установлено в связи с новым рассмотрением дела уже после того, как ЕСПЧ уже ранее установил нарушение положений Конвенции в Постановлении ЕСПЧ от 6 декабря 2007 г. по делу *Лю и*

Лю (Liu and Liu) против Российской Федерации (жалоба № 42086/05), в связи с нарушением принципа надлежащей процедуры в материальном ее значении: «вмешательство в семейную жизнь заявителя было основано на положениях закона, которые не отвечали конвенционному требованию «качества закона» – неопределенность закона фактически означает отсутствие надлежащей правовой процедуры и является основанием для признания всего процесса несостоятельным²³².

При новом рассмотрении дела суды не стали проверять суждение правоохранительных органов о том, что пребывание Лю представляло угрозу национальной безопасности, а лишь констатировали, что у компетентных органов было право на такое утверждение в силу их компетенции. Само же такое утверждение осталось вне судебной проверки и в судебных решениях не было никаких ссылок на фактические обстоятельства. Фактически была лишь имитация судебного процесса, поскольку причины утверждения органа государственной власти и доказательства остались стороне неизвестными и судом не исследовались.

Такой подход национальных судов послужил установлением положений ст. 8 Конвенции в связи с нарушением процессуальной составляющей принципа «надлежащей правовой процедуры»²³³.

В Постановлении по делу *Лю против Российской Федерации* (№ 2)²³⁴ от 26 июля 2011 г. ЕСЧП отметил, что некоторые процессуальные недостатки, указанные в Постановлении ЕСПЧ от 6 декабря 2007 г., были устранены в ходе

²³² О «качестве закона» см. нашу статью: *Султанов А. Р.* Правовая определенность – часть должной правовой процедуры или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили // *Адвокат*. 2015. № 1. С. 5–17.

²³³ См. подробнее: *Султанов А. Р.* Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского Суда по правам человека // *Евразийская адвокатура*. 2013. № 1 (2). С. 62–65.

²³⁴ Перевод данного Постановления на русский язык см. Бюллетень Европейского Суда по правам человека 2012. № 8. С. 77–96.

нового рассмотрения дела, но, устраняя эти недостатки, был избран формальный подход²³⁵. Так, в частности, суды посчитали, что они не вправе проверять фактическую основу для выводов материалов ФСБ о том, что первый заявитель представлял угрозу национальной безопасности. Очевидно, что ввиду общего характера предположений заявителя не имели возможности эффективно их оспорить. На основе этого ЕСПЧ сделал вывод о том, что хотя в ходе нового рассмотрения дела заявителя имели определенные гарантии против произвола, эти гарантии были неадекватными и недостаточными, чтобы удовлетворять требованиям ст. 8 Конвенции.

В Постановлении ЕСПЧ от 12 февраля 2009 г. по делу *Нолан и К. (Nolan and K.) против Российской Федерации* (жалоба № 2512/04) нарушение процессуальных гарантий было положено в качестве основания для признания ст. 9, ст. 8 Конвенции и ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции.

Рассматривая обстоятельства, послужившие для установления нарушения ст. 9 Конвенции (п. 58–75) ЕСПЧ «отмечает, что доказательства, подтверждающие необходимость запрета на въезд заявителя в Россию, не были представлены или исследованы в рамках национального разбирательства. Он напоминает, что, даже если речь идет о национальной безопасности, принципы законности и верховенства права в демократическом обществе требуют, чтобы меры, затрагивающие фундаментальные права человека, подлежали некоей форме состязательного разбирательства в независимом органе, уполномоченном рассматривать причины такого решения и соответствующие доказательства, при необходимости с определенными процессуальными ограничениями использования секретной информации. Лицо должно иметь возможность оспорить утверждения исполнительной власти о том, что затронута национальная безопасность. Хотя оценке исполнительной власти того, что составляет угрозу

²³⁵ О процессуальном формализме см.: Султанов А. Р. Формализм гражданского процесса и стандарты справедливого правосудия // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 73–93.

национальной безопасности, естественно, уделяется значительное внимание, независимый орган должен иметь возможность реагировать, если такая позиция не имеет разумной опоры на факты или содержит толкование «национальной безопасности», которое незаконно или противоречит здравому смыслу и является произвольным. В отсутствие таких гарантий полиция или иные государственные органы могли иметь возможность произвольно посягать на права, гарантированные Конвенцией (см. Постановление ЕСПЧ от 6 декабря 2007 г. по делу *Liu and Liu v. Russia* (*Лю и Лю против Российской Федерации*), жалоба № 42086/05, § 59 (Опубликовано в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 8/2008); Постановление ЕСПЧ от 20 июня 2002 г. по делу *Al-Nashif v. Bulgaria* (*Аль-Нашиф против Болгарии*), жалоба № 50963/99, § 123–124 и Постановление ЕСПЧ по делу *Lupsa v. Romania* (*Лупса против Румынии*), жалоба № 10337/04, § 33–34, ECHR 2006-VII)». Европейский Суд также подчеркнул, что представитель, выступавший от имени Федеральной службы безопасности РФ в национальном разбирательстве, ссылаясь на доклад от 18 февраля 2002 г., но не привел конкретных данных о фактических обстоятельствах, лежавших в основе ее выводов, или о характере сведений о незаконном поведении заявителя, если таковые в действительности содержались в докладе. Московский областной суд в первой инстанции и впоследствии Верховный Суд РФ в качестве суда кассационной инстанции ограничили пределы своей проверки выяснением того, что доклад был подготовлен в рамках административных полномочий Федеральной службы безопасности РФ, в отсутствие независимого исследования вопроса, имел ли вывод о том, что заявитель представлял угрозу для национальной безопасности, разумную фактическую основу.

При таких обстоятельствах ЕСПЧ не усмотрел в национальных решениях конкретных фактических указаний, подтверждающих довод властей Российской Федерации о том, что религиозная деятельность заявителя представляла угрозу национальной безопасности.

Европейский Суд также установил в данном деле нарушение ст. 8 Конвенции, отметив, что явное отсутствие оценки последствий и действий для

благополучия сына заявителя должно рассматриваться как выходящее за какие-либо приемлемые пределы усмотрения со стороны государства.

При рассмотрении вопроса о нарушении ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции в данном деле ЕСПЧ напомнил, что хотя Высокие Договаривающиеся Стороны имеют дискреционные полномочия для решения вопроса о высылке иностранца, пребывающего на их территории, но эти полномочия должны осуществляться таким образом, чтобы не нарушить гарантированные Конвенцией права заинтересованного лица (см. упоминавшееся выше Постановление ЕСПЧ по делу *Болат против Российской Федерации*, § 81 и Решение Комиссии по правам человека от 17 декабря 1976 г. по делу *Agee v. United Kingdom (Аджи против Соединенного Королевства)*, жалоба № 7729/76, DR 7), что п. 1 этой статьи Конвенции предусматривает, что лицо может быть выслано только «во исполнение решения, принятого в соответствии с законом» и при условии соблюдения определенных процессуальных гарантий.

Европейский Суд, констатировав нарушение процессуальных гарантий, предусмотренными ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции, установил нарушение этой статьи.

Целый пласт правовых позиций ЕСПЧ по доказыванию и оценке фактов можно обнаружить в делах о нарушении свободы выражения мнений²³⁶.

Рассмотрим несколько недавних постановлений ЕСПЧ. Так в Постановлении ЕСПЧ по делу *Мария Алехина и другие против России* от 17 июля

²³⁶ Султанов А. Р. Доказывание и оценка в практике ЕСПЧ по делам о свободе выражения мнений // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Л. В. Войтович, В. И. Кайнова. 2019. С. 359–368.

2018 г. (Жалоба № 38004/12) было установлено нарушение ст. 10 Конвенции²³⁷. В данном Постановлении ЕСПЧ подчеркнул, что «национальный суд никогда не сможет предоставить „соответствующие и достаточные“ причины для вмешательства в права, гарантированные статьей 10 Конвенции, без какого-либо судебного процесса, основанного на взвешивании аргументов, поставленных направленный государственным органом против интересов заинтересованной стороны. Таким образом, разбирательство, возбужденное с целью признания деятельности ... заявителей или материалов, принадлежащих им как „экстремистам“, в которых внутреннее законодательство не допускало их участия, лишило их возможности оспаривать утверждения, сделанные публичным органом, возбудившим дело в судах».

Европейский Суд здесь отметил также, что это отчасти было вызвано положениями российского законодательства, не предусматривающего обязательного участия в деле о признании материалов экстремистскими заинтересованных лиц. Причем ЕСПЧ счел применимой к данной ситуации уже ранее сформированной практики ЕСПЧ, где он обнаружил нарушение ст. 10 Конвенции в ряде случаев в ситуациях, когда согласно внутреннему законодательству заявитель не смог эффективно оспаривать уголовные обвинения, выдвинутые против него, поскольку ему либо не разрешалось приводить доказательства правдивости его заявлений или заявить об оправдании, либо в силу особой защиты, предоставляемой стороне, имеющей статус жертвы в уголовном судопроизводстве (см. *Castells v. Spain*, 23 апреля 1992 г., § 48, Серия А, т. 236; *Colombani and Others v. France*, № 51279/99, § 66, ECHR 2002-V; *Pakdemirli v. Turkey*, №3 5839/97, § 52, 22 февраля 2005 г. и *Otegi Mondragon v. Spain*, № 2034/07, § 55, ECHR 2011). Европейский Суд также обнаружил несоблюдение ст. 10 в связи с нарушением равенства в гражданских делах по

²³⁷ Мы предполагали, что ЕСПЧ установит нарушение Конвенции в данном деле, но считали, что будет установлено нарушение ст. 6 Конвенции (см.: *Султанов А. Р.* Борьба за право обжалование судебного решения. М., 2014).

диффамации (см. *Steel and Morris v. United Kingdom*, № 68416/01, § 95, ECHR 2005-II).

В Постановлении от 28 августа 2018 г. по делу *Savva Terentyev v. Россия* (№ 10692/09) ЕСПЧ, анализируя исследование национальными судами доказательств по делу отметил, что «они сосредоточились на характере формулировки, используемой заявителем, ограничивая их выводы формой и сроком выступления. Они не пытались анализировать оспариваемые заявления в контексте соответствующей дискуссии и выяснять, какую идею они стремились передать. Убедившись в том, что преступление заявителя было особенно «вопиющим и опасным для национальной безопасности», поскольку оно противоречит «основам конституционного строя и государственной безопасности», суды не дали объяснений причин такого заключения. Они не пытались оценить потенциал этих заявлений, как порождающие любые вредные последствия с должным учетом политического и социального положения, против которого они были сделаны, и с точки зрения их охвата. Таким образом, Суд приходит к выводу, что в своих выводах национальные суды не учитывали все факты и соответствующие факторы. Поэтому причины не могут считаться „релевантными и достаточными“, чтобы оправдать вмешательство в свободу слова заявителя».

Полагаем, что данные стандарты, требующие учитывать контекст, оценивать реальный потенциал оспариваемых текстов, высказываний, должны быть учтены при рассмотрении все большего количества дел против блогеров.

В Постановлении *Ибрагимов и другие против РФ* от 28 августа 2018 г. (жалобы № 1413/08 и 28621/11)²³⁸, в котором ЕСПЧ установил нарушение ст. 10 Конвенции²³⁹, также подвергнута анализу деятельность национальных судов по

²³⁸ Первая жалоба – на одно из первых широко нашумевших дел о признании религиозной литературы экстремистской. Подробнее об этом деле см.: Султанов А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012.

²³⁹ Европейский Суд отметил, что «в отношении тех же фактов заявители полагаются на два отдельных положения Конвенции: статью 9 и статью 10 Конвенции. Учитывая, что данное

анализу доказательств.

Европейский Суд в данном Постановлении, прежде всего, отметил, что национальный суд принял выводы экспертов, не дав им какой-либо содержательной оценки, просто заявив, что у него нет оснований сомневаться в них. Причем национальный суд процитировал не столько соответствующие части экспертных заключений, сколько их общие выводы. То есть суд не оценивал экспертизу, а лишь руководствовался выводами экспертизы.

При этом, как справедливо заметил ЕСПЧ, «соответствующие экспертизы выходят далеко за рамки решения только языковых или психологических вопросов. Вместо того чтобы ограничиваться определением значения конкретных слов и выражений или объяснением их потенциального психологического воздействия, они по существу обеспечивают правовую квалификацию текстов. Действительно, из решения суда видно, что важнейшие юридические выводы относительно экстремистского характера книг были сделаны не судом, а экспертами в области лингвистики и психологии»²⁴⁰.

Европейский Суд подчеркнул, что все правовые вопросы должны решаться

дело касается запрета на распространение книг, изданных или заказанных для публикации заявителями, Суд считает, что их жалобы оспариваются в соответствии со статьей 10. При этом Суд отмечает, что вопросы свободы выражения мнений и свободы религии тесно связаны в настоящем деле. Действительно, рассматриваемые книги представляют собой комментарий к Корану, и заявители намеревались использовать их в религиозных целях, в том числе для религиозного образования. Поэтому дело следует рассматривать в свете прецедентного права Суда о свободе религии. Поэтому Суд рассмотрит настоящее дело в соответствии со статьей 10, толковаться там, где это необходимо, в свете статьи 9».

²⁴⁰ О недопустимости такой практики мы писали ранее: *Султанов А. Р.* Процессы об ограничении свободы выражения мнений и свободы совести, уроки истории и европейские стандарты // *Адвокат*. 2010. № 10. С. 56–70; *Султанов А. Р.* Европейские стандарты в гражданском судопроизводстве на примере проблемы «экстремистских дел» // *Вестник гражданского процесса*. 2011. № 1. С. 103–152; *Султанов А. Р.* Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // *Адвокат*. 2013. № 11. С. 5–13.

исключительно судами (см. Постановление *Dmitriyevskiy v. Russia* (*Дмитриевский против России*) от 03 октября 2017 г., § 113), отметив также, что Коптевский районный суд города Москвы не предпринимал попыток провести собственный правовой анализ рассматриваемых текстов, при необходимости, с привлечением экспертных технических знаний. В частности, в нем не уточнялось, какие отрывки книг он считает проблематичными и каким образом они разжигают религиозную рознь или провозглашают превосходство или недостаток народа на основании его отношения к религии (см.: *Коммерсант Молдавии против Молдовы*, № 41827/02, §§ 36–38, 9 января 2007 г.; *Сулас и др. против Франции*, № 15948/03, § 43, 10 июля 2008 г.).

Хотя суд процитировал вывод экспертов о том, что в книгах содержатся выражения, дающие «унизительные изображения, неблагоприятную оценку и негативную оценку лиц на основе их отношения к религии», он не привел никаких таких выражений.

В решении также не обсуждалась необходимость запрещения книг с учетом контекста, в котором они были опубликованы, их характера и формулировок, а также их потенциального воздействия на окружающую среду.

Кроме того, апелляционный суд даже не упомянул, не говоря уже о том, чтобы подробно обсуждать, влияние запрета на права заявителей в соответствии со ст. 9 и 10 Конвенции или его эквивалента во внутреннем праве (см., Постановление ЕСПЧ от 15 октября 2015 г. по делу *Перинчек (Perincek) против Швейцарии* (Жалоба № 27510/08, Большая палата, § 277).

Европейский Суд счел важным также то, что заявители не смогли оспорить выводы экспертных заключений или эффективно представить аргументы в защиту своей позиции. Районный суд отказал в исследовании всех представленных ими доказательств, включая мнения авторитетов ислама и исламских исследований ученых, которые объяснили исторический контекст, в котором книги были написаны, их место в числе исламской религиозной литературы, в частности, тот факт, что они принадлежали умеренному, а не радикальному Исламу, их значимость для российской мусульманской общины и

их общий посыл толерантности, межконфессионального сотрудничества и противостояния насилию (см. п. 11–13, 17 и 23 выше). Хотя вышеуказанные факты имели прямое отношение к оценке обоснованности запрета книг, Коптевский районный суд города Москвы не провел сколь-либо содержательного анализа этого материала, постановив, что его следует игнорировать, поскольку лица, на которых ссылались заявители, не были лингвистами или психологами и поэтому не были компетентны устанавливать смысл оспариваемых текстов.

В связи с этим ЕСПЧ напомнил, что он ранее установил нарушение ст. 10 Конвенции в связи с нарушением равенства в свободе самовыражения, в частности, в ситуациях, когда заявителей ограничивали в представлении доказательств в обоснование своей позиции (см. *Кастеллс против Испании* от 23 апреля 1992 г., § 48 и *Стил и Моррис против Соединенного Королевства*, § 95) или в тех случаях, когда национальные суды в упрощенном порядке отклонили все доводы в защиту заявителя, тем самым лишив его процессуальной защиты, которой он имел право пользоваться в силу своих прав по ст. 10 Конвенции (см. дело *Дмитриевский против России*, упомянутое выше).

Европейский Суд не нашел оснований для того, чтобы прийти к иному выводу в данном случае.

Прежде чем сделать выводы о нарушении Конвенции, ЕСПЧ указал, что принимает к сведению замечание апелляционного суда о том, что запрет касался конкретных изданий сборника Рисале-и Нур, а не учений Нурси как таковых. Однако тот факт, что национальные суды не указали, какие отрывки они считают «экстремистскими», делает невозможным для заявителей переиздание книг после редактирования проблемных отрывков²⁴¹. Таким образом, внутренние решения представляют собой абсолютный запрет на издание и распространение соответствующих книг.

²⁴¹ О недопустимости такого подхода мы писали ранее: *Султанов А. Р.* Цензурное прошлое и современная карательная цензура религиозных учений // *Адвокат*. 2012. № 7. С. 58–68.

Надо отметить, что Конституционный Суд РФ, столкнувшись с такой практикой, разъяснял, что «суд, рассматривая требование прокурора о признании конкретного информационного материала экстремистским и о запрете его распространения, не лишен права – исходя из фактических обстоятельств конкретного дела, с тем чтобы обеспечить соразмерность ограничения прав и свобод граждан, в том числе свободы вероисповедания и свободы слова, – признать экстремистским материалом только определенную часть информационного материала и запретить его распространение только в этой части (если он распространяется вместе с указанной частью)»²⁴². Однако данное толкование появилось позже, и в настоящее время нам неизвестны случаи, когда российские суды придерживались его.

Европейский Суд счел, что национальные суды не применяли стандарты, которые соответствовали бы принципам, закрепленным в ст. 10, и поэтому не приводили «соответствующих и достаточных» оснований для такого вмешательства и установил нарушение ст. 10 Конвенции.

Необходимо указать, что в данном деле ЕСПЧ объединил два аналогичных дела, другое дело также было о признании мусульманских книг экстремистскими, но рассмотрено в другом регионе (жалоба № 28621/11).

Решение по данному делу по своему существу было аналогичным, ЕСПЧ, проанализировав его, пришел к выводу о том, что это решение по существу имело те же недостатки, что и решение Коптевского районного суда города Москвы от 21 мая 2007 г., рассмотренное выше.

Национальный суд в данном деле также принял выводы специалистов, которые также явно выходили за рамки решения лишь языковых или

²⁴² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лукашонка Виктора Николаевича, Лукашонок Татьяны Анатольевны, Хиневича Александра Юрьевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 3.1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 463-О.

психологических вопросов и обеспечивали правовую квалификацию текста, не давая какой-либо значимой оценки этим выводам и не проводя собственного юридического анализа соответствующего текста.

Надо отметить, что в данном деле по нашему совету было заявлено ходатайство о непосредственном исследовании оспариваемой книги со ссылкой на правовые позиции Верховного Суда РФ, изложенные в Определении от 5 октября 2010 г. № 5-В10-67.

В данном Определении была дана оценка ситуации, когда суд постановил решение, не ознакомившись с видеозаписями, а ограничившись результатами экспертизы. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что *«ст. 195 ГПК РФ установлено, что решение суда должно быть законным и обоснованным. Суд основывает решение только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»).* Решение является обоснованными тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»). Учитывая, что в силу ст. 157 ГПК РФ одним из основных принципов судебного разбирательства является его непосредственность, решение может быть основано только на тех доказательствах, которые были исследованы судом первой инстанции в судебном заседании. При вынесении судебного решения недопустимо основываться на доказательствах, которые не были исследованы судом в соответствии с нормами ГПК РФ (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23). Принцип непосредственности исследования доказательств судом установлен и ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, согласно которой суд

оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Непосредственность судебного разбирательства – это принцип гражданского процесса, определяющий метод исследования доказательств судом и являющийся правовой гарантией их надлежащей оценки, установления действительных обстоятельств дела, формулирования правильных выводов и вынесения правосудного решения. Он заключается в том, что суд, рассматривающий дело, обязан лично воспринимать доказательства по делу, а судебное постановление должно быть основано лишь на исследованных в судебном заседании доказательствах. Исходя из этого принципа суд первой инстанции при рассмотрении дела, как того требует ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи. В данном Определении Верховного Суда РФ был сделан вывод, что суд, рассматривая дело, не просмотрев ни одной видеозаписи ... ограничившись внешним изучением дисков (носителей информации), на которых программа была записана, тем самым заменил личное восприятие исследуемых первоначальных доказательств (видеозаписи телепрограммы ...) и их собственную оценку оценкой производных доказательств, т.е. экспертных заключений, которые в силу прямого указания закона (ч. 3 ст. 86 ГПК) для суда не обязательны и не могут являться исключительным средством доказывания. Между тем из содержания ч. 3 ст. 185 ГПК РФ не следует, что назначение по делу в необходимых случаях экспертизы освобождает суд от обязанности соблюдать установленный нормами ч. 1 ст. 67 и ч. 1 ст. 157 ГПК РФ принцип непосредственного исследования доказательств как один из основных принципов судебного разбирательства, обеспечивающих вынесение законного решения по делу. Соответственно суд не должен был класть в основу решения в нарушение

принципа непосредственного исследования доказательств лишь производное доказательство (экспертное заключение)».

Железнодорожный районный суд в удовлетворении этого ходатайства отказал, что нашло отражение в описательной части Постановления ЕСПЧ и получило следующую оценку ЕСПЧ: «Важно отметить, что судья даже не прочитал эту книгу, сочтя, что она была достаточно процитирована в докладе специалистов».

Европейский Суд отметил, что «суд Железнодорожного района не оценил рассматриваемые заявления в свете книги в целом, процитировал их вне непосредственного текстологического контекста и не рассмотрел, какую идею они стремились донести. В частности, он не учел того факта, что они были частью религиозного текста и, что, по мнению экспертов, такие высказывания были распространены в религиозных текстах, поскольку любая монотеистическая религия была „охарактеризована психологически обоснованной верой в превосходство его мировоззрения над всеми другими мировоззрениями, что делает необходимым обоснование выбора этого мировоззрения“ (см. п. 32 выше), в частности, заявив, что оно лучше других. Окружной суд счел это замечание неуместным, отметив, что он „не просил провести сравнительное исследование“».

Европейский Суд также указал, что кроме того в решении нет указаний на то, что национальные суды сочли выражения, процитированные экспертами, в качестве способных привести к общественным беспорядкам. Ни национальные суды, ни правительство не ссылались на какие-либо обстоятельства, свидетельствующие о наличии в материальный период деликатного фона – например, наличие межрелигиозной напряженности или атмосферы вражды и ненависти между религиозными общинами в России, – в отношении которых оспариваемые заявления могли бы привести к развязыванию насилия, возникновению серьезных межрелигиозных трений или к аналогичным пагубным последствиям.

На основании вышеизложенного ЕСПЧ счел, в деле не было доказано, что спорные тексты способны подстрекать к насилию, ненависти или нетерпимости.

Европейский Суд также указал среди прочего, что, по мнению суда, использование военных метафор в тексте в отсутствие других элементов, является недостаточным для того, чтобы сделать этот текст равнозначным «разжиганию ненависти» или призывам к насилию (см.: *Московское отделение Армии спасения против России*, № 72881/01, § 92).

Европейский Суд указав, что упоминание определенной интерпретации книги без цитирования каких-либо отрывков, пропагандирующих такие идеи, не может быть принято как доказательство, что эти идеи действительно нашли отражение в книге, приведя в качестве аналогичного примера уже выше цитированное Постановление ЕСПЧ по делу *Коммерсант Молдовы против Молдовы*, § 36–38.

Безусловно, нарушение требования мотивированности судебного акта является фундаментальным процессуальным нарушением, являющимся также нарушением ст. 6 Конвенции, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство²⁴³. В данном деле ЕСПЧ ту же немотивированность вместе с другими аспектами дела указал в качестве основания для признания нарушения ст. 10 Конвенции.

Действительно, немотивированное необоснованное судебное решение не может быть основанием для ограничения прав и свобод человека. Однако данный вывод заставляет задуматься о необходимости расширения оснований для

²⁴³ Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов, через призму постановлений Европейского Суда по правам человека // *Международное публичное и частное право*. 2008. № 2. С. 11–14; Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // *Закон*. 2014. № 8. С. 114–118; Султанов А. Р. Безусловное безобразие, или является ли полное копирование текста возражений допустимым в качестве судебного решения? // *Вестник гражданского процесса*. 2017. № 5. С. 264–282; Султанов А. Р. Копипаст как отказ в правосудии // *Евр.азиатская адвокатура*. 2017. № 5. С. 40–44; Султанов А. Р. Правосудие не может быть немотивированным! // *Закон*. 2018. № 1. С. 38–49.

безусловной отмены судебного акта²⁴⁴.

Подводя краткие итоги данного раздела, отмечая значение европейских правовых стандартов, не можем не указать, что данные правовые стандарты вполне соответствуют представлениям российских процессуалистов, которые отмечали данные проблемы уже давно²⁴⁵.

Когда мы видим, что суд вместо собственной оценки слепо поверил заключению экспертов или специалистов, то мы понимаем, что здесь суд нарушил принцип свободной оценки доказательств, который предполагает, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы²⁴⁶.

Процессуальная наука уже давно обращала внимание на то, что свободная оценка доказательств – это не произвол суда, она может быть основана только на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств²⁴⁷.

Причем всесторонность исследования доказательств невозможна без учета всех доводов заинтересованных лиц. Исследование и оценка доказательств не может быть признана всесторонней, когда она осуществляется с позиции одной из сторон.

²⁴⁴ *Боннер А. Т.* Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 11–31.

²⁴⁵ *Фурсов Д. А.* Порядок рассмотрения дел об установлении факта экстремистской направленности распространяемой информации // Российское правосудие. 2012. № 7. С. 43–46.

²⁴⁶ *Нахова Е. А.* Принцип свободной оценки доказательств в системе принципов доказательственного права в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1. С. 85–92.

²⁴⁷ *Земскова С. И.* Судебная экспертиза диффамационных материалов. М., 2013; *Закарлюка А. В., Звягинцева Л. М., Куликова М. А., Малов А. А., Панкратова Н. А., Решетникова И. В., Соломеина Е. А., Царегородцева Е. А.* Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. В. Решетниковой. 6-е изд., доп. и перераб.) М., 2017.

Можно и далее проводить параллели между правовыми позициями ЕСПЧ и российской доктриной процессуальной науки в части доказывания, безусловно, мы найдем много общего. С одной стороны, это доказательство развития нашей процессуальной науки, с другой стороны, доказательство того, что эту доктрину в наших судах не знают или не хотят знать. Кроме того, это показывает, что так называемый «национальный фильтр», который призван на национальном уровне обеспечить отмену неправосудных решений, не выполняет своей функции.

Полагаем, что проверочные инстанции не должны проходить мимо процессуальных нарушений. В частности, кассационные суды не должны прикрываться тем, что они являются судом права, а не факта и оставлять в силе неправосудные решения, вынесенные с грубым нарушением доказательственного права.

Служение судьи народу в виде поиска справедливого разрешения дел и надлежащего урегулирования конфликтов, в виде внесения в общество спокойствия и уверенности в справедливой защите в случае возникновения правовых проблем, не должно подменяться чем-то другим²⁴⁸.

²⁴⁸ Султанов А. Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. 2013. № 11. С. 5–13.

ГЛАВА 2. ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

2.1. О возможности обоснования обращений в Конституционный Суд РФ с использованием правовых позиций ЕСПЧ

В начале XX в. писали, что «во всяком положительном праве имеются постановления, не совпадающие со справедливым правом»²⁴⁹. Это утверждение справедливо и в настоящее время.

Длительное время в России практически не существовало способов противостоять несправедливости закона, что не удивительно – к источникам права в основном подходили с позитивистской точки зрения. В области процессуального права, традиционно относимого к отрасли публичного права, такой подход был общепринятым.

Однако после принятия Конституции РФ, ратификации Конвенции должен был проявиться и естественно-правовой подход к источникам процессуального права. Тем более вопрос о том, что «в теории процессуального права идея естественных прав внимания практически не уделяется, хотя она нашла прямое выражение в Основном законе страны, ибо в соответствии с ч. 2 ст. 17 Конституции РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения»²⁵⁰, стоит уже давно. Судья

²⁴⁹ *Завадский А. В.* К учению о толковании и применении гражданских законов. М., 2008. С. 202.

²⁵⁰ *Жилин Г. А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010.

Конституционного Суда РФ Г. А. Жилин в своей монографии «Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы» отмечал, что «идея естественного права, способного оказывать прямое влияние на регулирование процессуальных отношений через механизм правосознания, – дополнительный аргумент в пользу более активного выделения в теории и практике таких источников гражданского и арбитражного процессуального права, которые были бы общими для его позитивного и естественного компонентов, а также правосознания».

Удивительно, что в работах ученых-процессуалистов дореволюционного периода, в частности, в работе М. И. Малинина «Теория гражданского процесса», можно найти интереснейшие мысли, которые актуальны и сегодня. В указанной работе помимо ссылки на то, что источником гражданского процессуального права является положительное право, имелся чрезвычайно интересный подход: *«Природа человека с ее физическими потребностями, затем нравственными потребностями признания неприкосновенности и свободы индивидуальной сферы лиц, составляющих общество, вот первоисточник гражданского процесса»*²⁵¹.

Как мы уже указали выше в работе М. И. Малинина в качестве первоисточника гражданского процесса, указана природа человека с ее физическими потребностями, затем нравственными потребностями признания неприкосновенности и свободы индивидуальной сферы лиц, составляющих общество. Такой подход позволил М. И. Малинину сделать практические выводы: «Из этого первоисточника вытекают дальнейшие начала, определяющие положение тяжущихся сторон в процессе, и прежде всего: 1) частноправовой характер этого положения, что в теории называется принципом состязательности, затем 2) равноправность тяжущихся, 3) наибольшая возможность для них защищать свои права, наконец 4) этим первоисточником определяется основная черта, которая должна характеризовать действия индивида в процессе, как нравственной личности, – сознание своего нравственного достоинства и

²⁵¹ Малинин М. И. Теория гражданского процесса // Труды по гражданскому процессу. М., 2014. С. 407.

признание такового и в противнике. Но личность – это один элемент в первоисточнике гражданского процесса; другой элемент – государство, оно является действующим в силу необходимости, и прежде всего в силу самосохранения, так если оставлять граждан самим себе при их столкновении из-за моего и твоего – в результате будет насилие и разрушение правового порядка; поэтому государство, если столкновение миролюбиво не разрешается, обязывает граждан обращаться к нему, государству. Отсюда вытекают начала, определяющие роль государства в гражданском процессе: суд, как орган государства, должен восстанавливать нормальное правоотношение между тяжущимися на индивидуальной почве, т. е. на той, какая дается самими тяжущимися лицами. Следуя вышеуказанным началам, какие даются другим элементом первоисточника, суд должен действовать так, чтобы и другим получалось убеждение в правомерности устанавливаемого решением правоотношения, получалось эта, наиболее прочная основа спокойствия правового порядка в гражданских правоотношениях»²⁵². Другие видные дореволюционные правоведы также обращали внимание на то, что «положительный закон составляет частное приложение закона естественного; следовательно, он должен быть сообразен с идеей государства»²⁵³.

На наш взгляд, развитие данных подходов было бы соответствующим интегративному правопониманию и даже спустя 140 лет обладало новизной для российской правовой доктрины, которая вновь осваивает прежние рубежи развития права, некогда удачно достигнутые, но впоследствии также успешно забытые.

Эта проблема вызвана также тем, что часть из норм международного права, являющихся частью правовой системы России, в частности, положения Конвенции, основаны на концепции естественных прав человека. Собственно

²⁵² *Малинин М. И.* Теория гражданского процесса // Труды по гражданскому процессу. М., 2014. С. 407.

²⁵³ *Чичерин Б. Н.* Общее государственное право. М., 2006. С. 30.

говоря, Конвенция не устанавливает права и свободы, а устанавливает способы их защиты, устанавливая стандарт, как должно защищать эти права человека и основные свободы.

Без учета этой важной составляющей подход к нормам международного права как нормам позитивного права дает крайне узкое их понимание, значительно уже их действительного значения. Такой узкий подход лишает возможности понять действительное их значение в качестве источников процессуального права²⁵⁴.

Некоторые авторы пишут, что о «формировании международного нормативного комплекса, складывающегося из норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и также обязательных прецедентных постановлений ЕСПЧ, регулирующего правоотношения по рассмотрению и разрешению гражданских дел национальными судами, следует воспринимать как проявление фрагментации международного права. ЕСПЧ наделен полномочием легального толкования норм международных договоров»²⁵⁵.

Аналогичная идея высказывалась в работе А. Б. Богомолва «Применение судами общей юрисдикции норм Конституции Российской Федерации (теоретико-правовой анализ)», где правовые позиции ЕСПЧ рассматривались, как нормативные комплексы с нормами Конвенции²⁵⁶. Хотя А. Б. Богомолв полагал, что для применения в России правовые позиции ЕСПЧ в комплексе с нормами Конвенции подлежат включению в конституционно-правовые нормативные комплексы, образованные нормами Конституции и высших судов страны.

²⁵⁴ Султанов А. Р. О возможности применения естественно-правового подхода к источникам гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 5. С. 3–8.

²⁵⁵ Воронцова И. В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права : дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.

²⁵⁶ Богомолв А. Б. Применение судами общей юрисдикции норм Конституции Российской Федерации (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.18.

Однако и тот и другой подход не учитывают, что и конституционные положения о правах и свободах человека и положения Конвенции не создают этих прав, а лишь закрепляют механизмы по их защите. Соответственно, *в подходе о нормативно-правовом комплексе должно быть, прежде всего, учтено, что первым элементом такого комплекса является наличие естественных прав и свобод человека, а уже потом норм об их защите Конвенцией и толкований этих норм ЕСПЧ*²⁵⁷.

Это дает возможность несколько по-другому рассматривать вопрос «учета» правовых позиций ЕСПЧ. Безусловно, «учет» правовых позиций ЕСПЧ в таком нормативном комплексе может и должен быть произведен при признании некоторых норм законов неправовыми. Как справедливо отмечает, профессор В. В. Лазарев «...фактически в этих случаях в решениях конституционных судов и решениях ЕСПЧ просматривается признание естественного права, неотъемлемых прав и свобод человека. Именно эти суды выносят решения, которые наиболее соответствуют принципу верховенства права»²⁵⁸.

Таким образом, правовые позиции ЕСПЧ в комплексе с нормами Конвенции, с учетом того, что они направлены на защиту естественных прав и свобод, по нашему мнению, подлежат включению в конституционно-правовые нормативные комплексы, образованные нормами Конституции и должны быть учтены при рассмотрении вопросов о конституционности тех или иных положений российского законодательства.

В начале XX в. профессор И. А. Покровский писал: «Позитивное право, как таковое, как продукт коллективной мысли и коллективной воли народа, позитивное право в его формальных источниках, т. е. главным образом, законодательстве, должно принять душу естественного права, должно

²⁵⁷ Султанов А. Р. К вопросу об источниках гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 266–279.

²⁵⁸ Лазарев В. В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 5–16.

проникаться его высшими принципами»²⁵⁹. А в уже XXI в. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин обращает внимание: «Проблема правовой истинности законов заставляет задуматься, не является ли большой исторической ошибкой то, что со всем высокомерием прозелитизма была объявлена устаревшей и легко отброшена наивно-диалектическая, но гениальная изначальная догадка, что права человека основаны на природе человека? И не дает ли единая природа, общая для всех народов мира, естественную основу для создания системы универсальных прав человека? Иначе говоря, не пора ли всерьез задуматься о новом „издании“ концепции естественных прав, или, если угодно, о естественно-правовой конституции человека?»²⁶⁰. Хотя, конечно же, для теории естественного права максима «несправедливые законы – это не право» не является главной заботой²⁶¹, но при «очистке» правовой системы от несправедливых неконституционных норм она может быть хорошим подспорьем.

Учитывая совпадение правозащитных функций Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, не удивительно, что Конституционный Суд РФ при мотивировании своих постановлений использует опыт и правовые позиции ЕСПЧ. Тем более что директивность постановлений ЕСПЧ подразумевает и сама Конституция РФ (ч. 3 ст. 46)²⁶².

На наш взгляд, хотя в Конституционный Суд РФ заявляется о неконституционности, в обращениях вполне уместно использовать правовые позиции ЕСПЧ, как толкований положений Конвенции, в качестве дополнительных доводов о несоответствии оспариваемых норм Конституции

²⁵⁹ *Покровский И. А.* Естественно-правовые течения в истории гражданского права. СПб., 1909. С. 53.

²⁶⁰ *Зорькин В. Д.* Сон права рождает произвол. Как понять, что является подлинным правом // Рос. газ. Федеральный выпуск № 7288 (122). URL: <https://rg.ru/2017/06/06/valerij-zorkin-son-prava-rozhdaet-proizvol.html> (дата обращения: 06.09.2019).

²⁶¹ *Финнис Д.* Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 435.

²⁶² *Арановский К. В., Князев С. Д.* Исполнение актов ЕСПЧ в позициях конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами // Закон. 2019. № 6. С 38.

РФ²⁶³, поскольку в части прав и свобод человека Конституция РФ также закрепляет неотчуждаемость основных прав и свобод человека, которые принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). Соответственно, когда законодатель вмешивается в данные права и свободы, такое вмешательство противоречит самому духу этих прав и свобод. Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобу о конституционности закона, которым осуществлено такое вмешательство, вправе использовать правовые позиции ЕСПЧ. Как отмечал Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин: «Подобно тому, как стрелки часов не двигают вперед время, так и законы не создают права – они лишь отмеряют его естественный ход. То что под видом права выдуманно и принято второпях ради случайных целей и сиюминутных выгод, есть не что иное, как юридический „спам“»²⁶⁴. И бороться с таким «спамом» можно и должно, используя весь инструментарий, имеющийся у современного юриста, которому доступны огромные пласты деятельности международных судов, которые уже сталкивались с подобными проблемами.

Как отмечал Конституционный Суд РФ в Национальном докладе «Сотрудничество между конституционными судами в Европе – рамочные условия и перспективы в настоящее время» XVI Конгрессу Конференции Европейских Конституционных Судов: «В результате деятельности Конституционного Суда

²⁶³ См. подробнее: *Грачева С. А.* Роль прецедентов ЕСПЧ в толковании национальной Конституции // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека = Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights / М. В. Агальцова, Т. К. Андреева, Е. Е. Баглаева [и др.] М. : Развитие правовых систем, 2018. Вып. 4. Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека. 672 с.; *Переплеснина Е. М.* Конституционные стандарты судебной защиты прав человека. М., 2019. 386 с.; *Лыгин Н. Я., Ткачев Н. В.* Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике : научно-практическое пособие. М., 2012. 526 с.

²⁶⁴ *Зорькин В. Д.* Право против хаоса. М., 2019. С. 6.

конвенционные положения с течением времени превращаются в инструмент конституционно-правового регулирования»²⁶⁵.

Мы уже выше писали, что обращение в Конституционный Суд РФ не является необходимым для исчерпания национальных средств защиты для обращения в ЕСПЧ, однако, по нашему мнению, конвенциональное охранительное правоотношение вполне допускает такое обращение. И по нашему опыту это иногда может быть более быстрым средством для восстановления нарушенных прав, чем если бы надеяться только на обращение в ЕСПЧ. Тем более, как отмечал сам Конституционный Суд РФ: «Практикой для Конституционного Суда стало сверять свои выводы с положениями ЕКПЧ и доводами ЕСПЧ. Конституционный Суд проявляет стремление тесно увязывать свою позицию с позицией ЕКПЧ, принимая решения, которые не просто соответствуют, но опираются на практику ЕСПЧ»²⁶⁶. Более того, именно Конституционный Суд РФ задал вектор по исключению неконвенционной и неконституционной правоприменительной практики (Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова»). В данном Постановлении было провозглашено, что «оспариваемое положение пункта 2 статьи 1070 ГК Российской Федерации должно рассматриваться и применяться в непротиворечивом нормативном единстве с требованиями Конвенции о защите

²⁶⁵ Национальный доклад Конституционного Суда РФ «Сотрудничество между конституционными судами в Европе – рамочные условия и перспективы в настоящее время» XVI Конгрессу Конференции Европейских Конституционных Судов. Вена, 2014. URL: <https://www.confueconstco.org/reports/rep-xvi/KF-Russie-RU.pdf> (дата обращения: 31.10.2019).

²⁶⁶ Национальный доклад Конституционного Суда РФ «Отношения Конституционного Суда РФ и других национальных органов с европейскими судебными инстанциями, а также их взаимодействие» на XII конференции Европейских Конституционных Судов. Брюссель, 2002. URL: <https://www.confueconstco.org/reports/rep-xii/Rusland-RU.pdf> (дата обращения: 31.10.2019).

прав человека и основных свобод. Иное расходилось бы с его действительным конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, и привело бы вопреки требованиям статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации и воле федерального законодателя, ратифицировавшего Конвенцию, к блокированию ее действия на территории Российской Федерации».

Конституционный Суд РФ в этом Постановлении указал, что «конвенционные нормы в их интерпретации Европейским Судом по правам человека использованы не только для обоснования правовой позиции Конституционного Суда РФ по делу, но и вынесены резолютивную часть решения»²⁶⁷, и дал толкование оспариваемой нормы в системном единстве с положениями ст. 6 и 41 Конвенции, тем самым было исключено неконституционное толкование и правоприменение, одновременно было указано Федеральному Собранию о необходимости в законодательном порядке урегулировать основания и порядок возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи), а также определить подведомственность и подсудность данной категории дел.

Надо отметить, что при рассмотрении дела в Конституционном Суде РФ именно постоянный представитель Государственной Думы РФ в Конституционном Суде РФ профессор В. В. Лазарев акцентировал внимание на то, что в соответствии со ст. 15 Конституции правоприменитель имел право вынести судебное решение, ссылаясь на положения ст. 6 Конвенции, поскольку положения международного закона имеют приоритет перед внутренним законом и вообще не принимая положения ст. 1070 ГК РФ²⁶⁸.

Полагаем, что аргументация, основанная на международных нормах, более чем уместна при рассмотрении споров, связанных с правом на справедливую судебную защиту, поскольку право на справедливое судебное разбирательство

²⁶⁷ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России. М., 2011. С. 203.

²⁶⁸ Лазарев В. В. Законодатель как сторона в конституционном судопроизводстве. М., 2015. С. 456.

можно отнести к норме *jus cogens* общего международного права²⁶⁹. Это следует из неоднократно выраженных Конституционным Судом РФ правовых позиций, основанных на Конституции РФ, в том числе ее ст. 2, 17 (ч. 1), 18, 46 (ч. 1 и 2) и 56 (ч. 3), в соответствии с которыми *гарантированное каждому согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ право на судебную защиту его прав и свобод не подлежит ограничению и предполагает наличие гарантий, позволяющих реализовать его в полном объеме и обеспечить восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости; будучи универсальным правовым средством государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, данное право выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод, что предопределено особой ролью судебной власти и ее вытекающими из Конституции РФ прерогативами по осуществлению правосудия, характеризующего содержательную сторону процессуальной деятельности суда как таковой, в том числе при осуществлении судебного контроля за законностью решений и действий (бездействия) субъектов публичной власти; поскольку, по смыслу ст. 21 (ч. 1) и 45 (ч. 2) Конституции РФ, в сфере любых правоотношений личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов; гарантии судебной защиты должны быть достаточными для того, чтобы обеспечить конституционным правам и свободам эффективное и реальное действие, а суды при рассмотрении дел обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, с тем чтобы право на судебную защиту не оказалось*

²⁶⁹ *Тиунов О. И.* Конституционный суд и международно-правовые акты об обеспечении прав человека // Журнал российского права. 1997. № 7. С. 4–9; *Даниленко Г. М.* Международная защита прав человека. Вводный курс. М., 2000. С.37.

ущемленным (Постановления от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 6 июня 1995 г. № 7-П, от 2 июля 1998 г. № 20-П, от 20 апреля 2006 г. № 4-П, от 22 апреля 2011 г. № 5-П, от 27 декабря 2012 г. № 34-П, от 22 апреля 2013 г. № 8-П, от 31 марта 2015 г. № 6-П, от 27 октября 2015 г. № 28-П, от 11 июля 2017 г. № 20-П и др.).

Ниже мы приведем наш собственный опыт использования правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании процессуальных норм в Конституционном Суде РФ, ограничившись только теми делами, где Конституционный Суд РФ не просто согласился с нашим подходом, но и использовал правовые позиции ЕСПЧ в качестве обоснования своего решения²⁷⁰.

2.2. Применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании ограничения права на обжалование лицами, не привлеченными к рассмотрению дела, о чьих правах и обязанностях было вынесено судебное постановление (ст. 336 ГПК РФ)

²⁷⁰ В частности, мы здесь не стали раскрывать дело, в котором мы доказывали, ссылаясь на постановления ЕСПЧ, что должная правовая процедура в антимонопольных разбирательствах обязательно включает в себя обязанность доказывания вины и сроки давности привлечения к ответственности, хотя Конституционный Суд РФ с нами согласился, но в тексте постановления нет ссылок на правовые позиции ЕСПЧ (По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим»: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П).

Положения ст. 13 Конвенции о том, что «каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве», создают позитивные обязательства по созданию государством таких средств защиты.

В то же время мы данные положения Конвенции и правовые позиции ЕСПЧ, касающиеся применения данной статьи, использовали в качестве дополнительных аргументов при оспаривании в Конституционном Суде РФ положений ст. 336 ГПК РФ²⁷¹, которая в придаваемом практикой толковании не допускала кассационного обжалования судебного акта²⁷², вынесенного о правах и обязанностях лица, не привлеченного к рассмотрению дела, лицом, не привлеченным к рассмотрению дела²⁷³. Процессуальная доктрина придерживалась разных мнений.

Ранее действовавшие подходы в судах общей юрисдикции допускали лишь обжалование в надзорном порядке, который не признавался ЕСПЧ эффективным средством защиты²⁷⁴.

В качестве аргументов мы указывали на необходимость наличия эффективных средств защиты, что конституционное право на обращение в межгосударственные органы (п. 3 ст. 46 Конституции РФ) может быть

²⁷¹ В результате рассмотрения нашей жалобы было вынесено Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения ст. 336 ГПК РФ в связи с жалобами граждан К. А. Инешина, Н. С. Никонова и ОАО „Нижнекамскнефтехим“».

²⁷² Напомним, что ранее это был суд второй инстанции: Султанов А. Р. Гражданский процесс и корпоративные войны // Корпоративные споры. 2006. № 1. С. 100–109.

²⁷³ См. подробнее: Там же; Султанов А. Р. Борьба за право обжалования судебного решения. М., 2014.

²⁷⁴ Султанов А. Р. О проблеме кассационного обжалования решения лицами, не участвующими в деле // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. М., 2008. С. 384–399.

реализовано только после исчерпания всех внутригосударственных средств правовой защиты, а согласно прецедентной практики ЕСПЧ для исчерпания внутригосударственных правовых средств достаточно постановления суда второй инстанции. Надзорный же порядок обжалования не признавался ЕСПЧ необходимым для исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты²⁷⁵.

Европейский Суд уже давно выработал принцип толкования ст. 6 Конвенции, согласно которого доступ в ту или иную судебную инстанцию должен быть не только формальным, но и реальным²⁷⁶. Буквально через год после рассмотрения нашей жалобы в Конституционном Суде РФ в Постановлении по делу *Дунаев против России* ЕСПЧ повторил, «что Статья 6 Конвенции не вынуждает Договаривающиеся Государства устанавливать систему апелляционных или кассационных судов. Однако если такие суды существуют, то должны соблюдаться гарантии, закрепленные Статьей 6 Конвенции, например, что сторонам процесса гарантируется право на доступ к суду (Постановление ЕСПЧ по делу *Brualla Gomez de la Torre v. Spain* (*Бруалла Гомес де ла Торре против Испании*) от 19 декабря 1997 г., Reports of Judgments and Decisions 1997-VIII, p. 2956, § 37 и Постановление ЕСПЧ по делу *Kozlica v. Croatia* (*Козлица против Хорватии*) от 2 ноября 2006 г., жалоба № 29182/03, § 32). Право на доступ к суду по своей природе требует регулирования со стороны государства и может

²⁷⁵ Решение ЕСПЧ по делу *Денисов против России* от 06 мая 2004 г. Надо отметить, что такой подход не являлся избирательным и характерным только для споров с Россией. См., в частности, Постановление ЕСПЧ от 8 марта 2007 г. по делу *Arta v. France* (*Арта против Франции*, жалоба № 23241/04), в котором ЕСПЧ отклонил возражение французских властей о неисчерпании национальных средств защиты: «Решение, принятое апелляционным судом, соответствовало установившейся практике кассационного суда. Таким образом, вопреки доводам государства-ответчика, кассационная жалоба не являлась эффективным средством правовой защиты, к которому должна была прибегнуть заявительница».

²⁷⁶ Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская национальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 205.

быть ограничено. Тем не менее применяемые ограничения не должны уменьшать обеспеченный лицу доступ таким образом и в такой степени, которые нарушали бы саму суть этого права (см. среди других примеров Постановление ЕСПЧ по делу *Kreuz v. Poland (Кройц против Польши)*, жалоба № 28249/95, ECHR 2001-VI, § 52–57 и Постановление ЕСПЧ по делу *Liakopoulou v. Greece (Лиакопулу против Греции)* от 24 мая 2006 г., жалоба № 20627/04, § 19–25)²⁷⁷. В постановлении по делу *Моннелл и Моррис против Соединенного Королевства* от 2 марта 1987 г. ЕСПЧ отметил, что «требование справедливости применимо ко всему разбирательству и не ограничивается слушанием дела с участием сторон»²⁷⁸.

Таким образом, лишение возможности кассационного обжалования лица, не участвовавшего в рассмотрении дела, практически противоречит принципу subsidiarity защиты в межгосударственных органах (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ), в частности в ЕСПЧ. Поскольку для того, чтобы соблюсти условия приемлемости, установленные в п. 1 ст. 35 Конвенции, лицо, чьи права и законные интересы нарушены судебным решением, должно обратиться в ЕСПЧ в течение 6 месяцев со дня вынесения окончательного решения (определения кассационной инстанции) не дожидаясь вынесения судебного акта в порядке надзора.

То есть фактически лишение возможности подать кассационную жалобу нарушало право на судебную защиту, право на наличие эффективных средств защиты и принцип subsidiarity международной защиты, установленный в п. 3 ст. 46 Конституции РФ и п. 1 ст. 35 Конвенции.

Конституционный Суд РФ поддержал наш подход и в мотивировке использовал правовые позиции ЕСПЧ: «Разрешение судом вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, не позволяет считать

²⁷⁷ Постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. по делу *Дунаев (Dunaev) против Российской Федерации* (жалоба № 70142/01).

²⁷⁸ *Рабцевич О. И.* Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М., 2005. С. 91.

судебное разбирательство справедливым, обеспечивающим каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях закрепленное статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом. Лицо, не привлеченное к участию в деле, в отношении которого вынесено судебное решение, нарушающее его права и свободы либо возлагающее на него дополнительные обременения, во всяком случае должно располагать эффективными средствами восстановления своих нарушенных прав, как того требует статья 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Из этого исходит в своей практике Европейский Суд по правам человека, который неоднократно указывал на то, что данная статья гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты для осуществления материальных прав и свобод, установленных Конвенцией, независимо от того, в какой форме они обеспечиваются в национальной правовой системе; средства правовой защиты должны быть "эффективными" в том смысле, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или его прекращать, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение (Постановления от 26 октября 2000 г. по делу *Кудла (Kudla) против Польши*, от 30 ноября 2004 г. по делу *Кляхин (Klyakhin) против Российской Федерации* и др.)²⁷⁹».

В данном деле Конституционный Суд РФ счел уместным сослаться на Постановления ЕСПЧ от 26 октября 2000 г. по делу *Кудла (Kudla) против Польши*, от 30 ноября 2004 г. по делу *Кляхин (Klyakhin) против Российской Федерации*, от 28 октября 1999 г. по делу *Брумареску (Brumarescu) против Румынии*, от 24 июля 2003 г. по делу *Рябых против Российской Федерации*, от 20 июля 2004 г. по делу *Никитин против России*. Производство по жалобе было

²⁷⁹ По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К. А. Инешина, Н. С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим»: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П.

прекращено судом в связи с тем, что ОАО «Нижнекамскнефтехим» еще до вынесения Постановления Конституционным Судом РФ сумело защитить свои законные интересы. То есть конвенциональное охранительное правоотношение, возникшее в связи с нарушением права на судебную защиту, было реализовано до вынесения Постановления Конституционного Суда РФ, но постановление заложило вектор реформирования процессуального законодательства и в настоящее время право на обжалование лица, о чьих правах и обязанностях вынесено решение, воспринимается как аксиома гражданского процесса и может быть использовано для решения других процессуальных проблем²⁸⁰.

2.3. Применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании положений ст. 389 ГПК РФ, предусматривавших ничем не ограниченное право Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей внести представление в Президиум Верховного Суда РФ

²⁸⁰ Султанов А. Р. О проблеме кассационного обжалования решения лицами, не участвующими в деле // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой и М. А. Рожковой. М., 2008. С. 389–391; Султанов А. Р. О правах лиц, не участвующих в деле, и процессуальных сроках с точки зрения Конституции РФ // Адвокатская практика. 2007. № 5. С. 17–22; Султанов А. Р. Применение правовых позиций Конституционного Суда РФ или преждевременный пессимизм // Закон. 2009. № 9. С. 37–48; Султанов А. Р. О кассационном производстве по делам об оспаривании нормативных актов // Российский судья. 2010. № 1. С. 44–48; Султанов А. Р. Обжалование судебных актов, вынесенных по делам об оспаривании нормативных актов, лицами, не участвовавшими в рассмотрении дела в суде первой инстанции // Закон. 2010. № 4. С. 143–155; Султанов А. Р. О праве заинтересованных лиц на обжалование решения по делу об оспаривании нормативного акта // Вестник гражданского процесса. 2016. № 5. С. 87–109; Султанов А. Р. Правовые последствия постановлений ЕСПЧ для лиц, участвовавших в рассмотрении дела, и третьих лиц // Арбитражная практика. 2007. № 7; Султанов А. Р. Преюдиция, *res judicata* и обжалование // ЭЖ-ЮРИСТ. 2010. № 29.

Выше мы уже упоминали Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамнефтехим“ и „Хакасэнерго“». Напомним, что ранее положения ст. 389 ГПК РФ закрепляли ничем не ограниченное право Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей «внести в Президиум Верховного Суда РФ мотивированное представление о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора в целях обеспечения единства судебной практики и законности»²⁸¹.

Собственно говоря, это все – отсутствие установленной процедуры, заявления заинтересованных лиц, сроков и прочих формальностей для реализации полномочий Председателя Верховного Суда РФ – в рамках данной статьи не было предусмотрено.

В качестве дополнительных доводов о неконституционности данной нормы были использованы правовые позиции ЕСПЧ. В частности, нами было указано, что ЕСПЧ в целом ряде своих постановлений, вынесенных в том числе и по жалобам, поданным против России, указал, что возможный интерес в обеспечении единообразного применения не может быть оправданием для лишения стороны в споре выгоды, полученной в результате вступившего в законную силу решения. В частности, такое толкование Конвенции высказано в постановлениях ЕСПЧ по делам *Праведная против России*, *Юрий Романов*

²⁸¹ См. подробнее: Султанов А. Р. Борьба за правовую определенность или поиск справедливости. М., 2015.

*против России, Кутепов и Аникеенко против России, Васильев против России, Андросов против России*²⁸².

Мы указывали, что подход ЕСПЧ, основанный на необходимости учитывать баланс публичных и частных интересов, также должен быть учтен при вынесении постановления Конституционным Судом РФ, поскольку он вытекает не только из толкований Конвенции, но и из положений Конституции РФ, в частности, из положений ст. 2, 18, 35 и ч. 2 ст. 55, поскольку именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. *Право человека на окончательность судебного процесса, право на правовую определенность не могут быть принесены в жертву публичному интересу обеспечения «единства судебной практики и законности».*

Желание обеспечить «единство судебной практики и законность» не является в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ основанием для ограничения прав человека на окончательность судебного процесса и на правовую определенность. Иная позиция противоречила бы принципу охраны достоинства личности (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ).

Нами также было обращено внимание на то, что ст. 389 ГПК РФ противоречит ст. 126 Конституции РФ, поскольку деятельность Верховного Суда РФ при применении ст. 389 ГПК РФ фактически никак не регламентирована: не установлены процессуальные сроки, порядок внесения, содержание мотивированного представления, основания для изменения инстанционной подсудности надзорного производства, источник получения информации Верховным Судом РФ о существовании дела, право на ознакомление с мотивированным представлением и право представить отзыв, возражения.

²⁸² Здесь мы упоминаем лишь маленькую толику постановлений ЕСПЧ по данному вопросу, вынесенных в то время.

Указав, что порядок рассмотрения мотивированного представления в Президиуме Верховного Суда РФ в ГПК РФ не был установлен, мы обратили внимание, на то, что необходимость осуществления деятельности суда только в установленной законом процессуальной форме корреспондирует толкованиям ЕСПЧ ст. 6 Конвенции, который в делах *Коэм и другие против Бельгии*, *Занд против Австрии*, *Сокурэнко и Стригун против Украины* пришел к заключению, что национальный суд не имеет права юрисдикции рассматривать дела на основании практики, не установленной законом, и, таким образом, он не может считаться органом правосудия, «установленным законом».

Тот факт, что надзорное производство возбуждалось «мотивированным представлением» Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя, которые также являлись членами Президиума Верховного Суда РФ, на наш взгляд, позволял сделать вывод, что рассмотрение вопроса в ходе надзорного производства, возбужденного на основании ст. 389 ГПК РФ, не может быть беспристрастным, поскольку на чашах весов помимо мнений и аргументов сторон спора уже наличествует «мотивированное» мнение Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя. Кроме того, помимо частных интересов тяжущихся сторон имеется еще один специфический интерес – обеспечение «единства судебной практики и законности». Причем этот интерес может как совпадать с интересом одной из сторон и ставить в неравное положение другую, так и не совпадать с интересами всех тяжущихся сторон, что также не может свидетельствовать об отправлении правосудия, а скорее об осуществлении некоей иной процедуры, отличной от процедуры гражданского процесса и носящей административный характер. И безусловно, данная процедура не может быть признана соответствующей конституционным принципам равенства перед судом, состязательности (ст. 19, 123 Конституции РФ).

Мы сочли возможным указать, что, имея свой специфический интерес – обеспечение «единства судебной практики и законности», Верховный Суд РФ тем самым нарушает общепризнанный принцип справедливого правосудия: «Никто не может быть судьей в собственном деле».

Отсутствие же каких-либо сроков для применения ст. 389 ГПК РФ, на наш взгляд, открывало двери для нарушения принципа правовой определенности²⁸³.

Мы не могли не упомянуть о том, что в своих последних (на тот момент) постановлениях²⁸⁴, вынесенных по делам против России, ЕСПЧ установил факт нарушения ст. 6 Конвенции отменой вступившего в законную силу решения даже в случае, когда пересмотр в порядке надзора был осуществлен в течение годичного срока, и это давало нам возможность сделать особый акцент на нарушении ст. 389 ГПК РФ принципа правовой определенности отсутствием сроков для ее применения²⁸⁵.

Мы указывали, что после вступления решения в законную силу сторона должна наконец осознать, что ее право защищено, что ей не должна угрожать опасность того, что вновь возникнет какая-либо неясность или недоразумение. Сам по себе факт истечения срока для подачи надзорной жалобы является юридическим фактом, препятствующим возбуждению надзорного производства. Этот факт преодолим лишь в случае восстановления срока в соответствии со ст. 112 ГПК РФ. Причем определение о восстановлении срока может быть

²⁸³ Султанов А. Р. О правовой определенности и судебном нормотворчестве // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 34–39; Султанов А. Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 30–39; Султанов А. Р. Правовая определенность и справедливость, или Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав... // Закон. 2007. № 9 С. 157–164; Султанов А. Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // Законодательство и экономика. 2007. № 11. С. 39–45; Султанов А. Р. Правовая определенность и уважение судебного решения, вступившего в законную силу, по делам об оспаривании действий государственных органов // Законодательство и экономика. 2011. № 8; Султанов А. Р. Будущее системы защиты прав и свобод человека и Россия // Адвокатские вести. 2010. № 3–4. С. 22–25.

²⁸⁴ Постановление ЕСПЧ по делу *Нелюбин против РФ* от 2 ноября 2006 г.

²⁸⁵ Боннер А. Т., Котов О. Ю. Принцип правовой определенности в практике Европейского суда по правам человека // Закон. 2008. № 4. С. 199–211.

обжаловано, т. е. у лица, участвующего в деле, есть возможность правомерного восстановления сроков²⁸⁶.

Также до Конституционного Суда РФ было доведено, что за несколько дней до заседания, 14 ноября 2006 г., ЕСПЧ установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в деле *Мельник против Молдавии* по факту немотивированного восстановления срока для подачи жалобы на вступившее в законную силу решение. Возможность обжалования определения о восстановлении срока обусловлена пониманием важности для лиц, участвующих в деле, окончательности судебного акта.

Наиболее важным, по нашему мнению, в Постановлении Конституционного Суда РФ были следующие толкования: «Ратифицируя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов (Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ). Таким образом, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, *решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права*».

В то же время в Постановлении Конституционного Суда РФ в обосновании выводов суда было воспроизведено много правовых позиций ЕСПЧ, в частности: «Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных

²⁸⁶ См. подробнее: Султанов А. Р. О правах лиц, не участвующих в деле, и процессуальных сроках с точки зрения Конституции РФ // Адвокатская практика. 2007. № 5. С. 17–22.

постановлений как дополнительный способ обеспечения правосудности судебных постановлений предполагает возможность его использования только в случае, если заинтересованным лицом были исчерпаны все обычные (ординарные) способы обжалования судебного постановления до его вступления в законную силу. Отказ от использования указанных способов заинтересованным лицом должен являться, по мнению Европейского Суда по правам человека, препятствием для обжалования судебного акта в порядке надзора (пункты 28–30 Постановления от 2 ноября 2006 г. *Нелюбин против России*)... Основанием для отмены или изменения судебного постановления нижестоящего суда не может быть единственно другая точка зрения суда надзорной инстанции на то, как должно было быть разрешено дело. Как неоднократно указывал Европейский Суд по правам человека в постановлениях, касающихся производства в порядке надзора по гражданским делам в Российской Федерации, принцип *res judicata* предполагает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления; одна лишь возможность наличия двух точек зрения по одному и тому же вопросу не может являться основанием для пересмотра (пункт 52 Постановления от 24 июля 2003 г. по делу *Рябых против России*). Иной подход приводил бы к несоразмерному ограничению принципа правовой определенности... В случаях, когда Председатель Верховного Суда Российской Федерации либо заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации по обращениям заинтересованных лиц вносят соответствующее представление, основанное на сложившемся у них убеждении о нарушении вынесенными судебными постановлениями единства судебной практики и законности, они в дальнейшем не могут входить в состав суда, рассматривающего дело по существу. Их участие в рассмотрении дела Президиумом Верховного Суда Российской Федерации ставило бы под сомнение беспристрастность суда и противоречило бы принципу независимости судей. Аналогичная позиция сформулирована Европейским Судом по правам человека, который в пункте 97 Постановления от 9 ноября 2004 г. по

делу *Светлана Науменко против Украины* указал, что практика, в соответствии с которой заместитель председателя суда в качестве члена президиума и заместителя председателя президиума рассматривает внесенный им же в президиум суда протест, несовместима с беспристрастностью судьи, рассматривающего конкретное дело, так как никто не может быть одновременно истцом и судьей в собственном деле...».

В итоге Конституционный Суд РФ признал ст. 389 ГПК РФ не противоречащей Конституции РФ в той мере, в какой предусмотренное ею правомочие Председателя Верховного Суда РФ, заместителя Председателя Верховного Суда РФ внести в Президиум Верховного Суда РФ мотивированное представление о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора в целях обеспечения единства судебной практики и законности может быть реализовано только при наличии обращения заинтересованных лиц, по общим правилам главы 41 ГПК РФ, в том числе в пределах, установленных ч. 2 ст. 376, ч. 1 ст. 381 и ч. 1 ст. 382 сроков для обжалования в надзорную инстанцию, истребования дела и вынесения определения по результатам его рассмотрения, притом что Председатель Верховного Суда РФ или его заместитель, внесшие представление, не могут участвовать в рассмотрении дела Президиумом Верховного Суда РФ²⁸⁷. Благодаря данному Постановлению Конституционного Суда РФ были предприняты новые шаги по модернизации процедуры пересмотра вступивших в законную силу судебных актов.

В данном деле Конституционный Суд РФ не только сослался на Конвенцию, но и в обосновании отметил, что выносит свой акт, «принимая во внимание правовые позиции Европейского Суда по правам человека и резолюцию

²⁸⁷ По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 г. № 2-П.

Комитета Министров Совета Европы от 8 февраля 2006 года ResDH (2006)1». Постановление было аргументировано не только ссылками на постановления ЕСПЧ (в частности, Постановление от 9 ноября 2004 г. по делу *Светлана Науменко против Украины*), но и ссылками на правовые позиции, изложенные ЕСПЧ в конкретных пунктах постановлений ЕСПЧ (в частности, п. 61 и 62 Постановления от 28 октября 1999 г. по делу *Брумареску (Brumarescu) против Румынии*, п. 77 Постановления от 25 июля 2002 г. по делу *Совтрансавто Холдинг против Украины*, п. 51 и 54 Постановления от 24 июля 2003 г. по делу *Рябых против России*, п. 63 и 69 Постановления от 12 января 2006 г. по делу *Кехайа (Кегауа) и другие против Болгарии*, п. 49 Постановления от 27 апреля 2006 г. по делу *Засурцев против России*). Кроме того, Конституционный Суд РФ также в своем Постановлении счел уместным сослаться на правовые позиции ЕСПЧ, изложенные не постановлениях вынесенных по существу, а в решениях о приемлемости (решения от 29 января 2004 г. по делу *Бердзенишвили против России*, от 6 мая 2004 г. по делу *Денисов против России*).

В данном случае, благодаря Конституционному Суду РФ, защищаемое Конвенцией право на справедливое судебное разбирательство было восстановлено и без ожидания постановлений ЕСПЧ. Конвенциональное охранительное правоотношение прекратилось восстановлением нарушенных прав, прекращением надзорного производства в Президиуме Верховного Суда РФ, даже раньше отзыва жалоб из ЕСПЧ, который последовал вскоре после положительного исхода в Президиуме Верховного Суда РФ²⁸⁸.

2.4. Применение Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ при оспаривании положений АПК РФ об отводе арбитражных заседателей

²⁸⁸ В котором надзорные производства по всем делам, послужившим обращением в Конституционный Суд РФ, были прекращены.

Все процессуальные гарантии нужны лишь для того, чтобы создать систему доверия к суду. Можно доверять суду, но не доверять конкретному судье и это недоверие может вылиться в то, что суд не сможет выполнить свою функцию по разрешению конфликтной ситуации и превращению ее в бесконфликтную, а может вылиться в новый конфликт – теперь уже с судом. Как отмечал бригадный генерал Тейлор: «...суд – это значительно большее, чем судебное помещение; это – судебный процесс и человек (с точки зрения душевных и нравственных качеств); это дом закона...»²⁸⁹.

Одним из средств эффективной защиты против нарушения беспристрастности суда является процедура отвода судьи и арбитражного заседателя.

Однако несмотря на равный правовой статус судьи и арбитражного заседателя в период осуществления правосудия, АПК РФ содержал различный перечень оснований для отвода судей и арбитражных заседателей. Основания отвода судьи предусматривались ч. 1 ст. 21 АПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 21 АПК РФ арбитражные заседатели подлежали отводу по основаниям, предусмотренными п. 1–4 ч. 1 ст. 21 АПК РФ²⁹⁰.

Ограничение оснований для отвода арбитражного заседателя, установленное ч. 3 ст. 21 АПК РФ, создает возможность участия арбитражного заседателя в рассмотрении дела, несмотря на то, что он:

– лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности;

²⁸⁹ *Тэйлор Т.* Вступительная речь обвинения // Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями. М., 1970. С. 35.

²⁹⁰ См. подробнее: *Султанов А. Р.* Жажда справедливости: борьба за суд. М. : Статут, 2014. 304 с.

– находится или ранее находился в служебной или иной зависимости от лица, участвующего в деле, или его представителя;

– делал публичные заявления или давал оценку по существу рассматриваемого дела.

Сама процедура с участием арбитражных заседателей появилась после проведения эксперимента. В 1997 г. в статье Т. К. Андреевой были подробно описаны условия эксперимента: «рассмотрение дел с участием арбитражных заседателей производится по общим правилам, установленным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. Прежде всего, это означает, что на арбитражных заседателей распространяются правила об отводе и самоотводе, установленные Кодексом для судей, что обеспечивает гарантии защиты прав сторон, которым могут быть известны обстоятельства, вызывающие сомнения в беспристрастности заседателя. Эти положения приобретают особую значимость, поскольку при рассмотрении дела и принятии решения арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности наравне с профессиональными судьями. Таковы основные правила проведения эксперимента по рассмотрению дел в арбитражных судах с привлечением непрофессиональных судей»²⁹¹.

После окончания эксперимента точка зрения ВАС РФ о необходимости одинаковых условий для отвода судей и арбитражных заседателей не изменилась. В проекте изменений в АПК РФ, предложенном ВАС РФ, по-прежнему не было каких-либо отличий в регулировании института отвода и самоотвода для арбитражных заседателей, точнее сказать, в проекте не было сделано акцента на том, что основания и для арбитражного заседателя, и для судьи одни и те же (ст. 23 проекта), поскольку, по всей видимости, субъект законодательной инициативы полагал, что равенство процессуального положения судьи и арбитражного заседателя (ст. 19 проекта) подразумевает и равенство оснований для отвода.

²⁹¹ Андреева Т. К. Заседатели в арбитражном процессе // Российская юстиция. 1997. № 5. С. 49–50.

Ко второму чтению поступило предложение депутата Государственной Думы, члена комитета по законодательству и судебной-правовой реформе В. А. Калягина о внесении дополнений в проект АПК РФ следующего содержания: *«По основаниям, предусмотренным в настоящей статье, отводу подлежит также арбитражный заседатель»*. Данное предложение было принято, и в редакции, подготовленной ко второму чтению проекта АПК, содержалось данное дополнение²⁹². После второго чтения редакция законопроекта была изменена в связи с принятием поправки предложенной депутатом Государственной Думы РФ А. Е. Баранниковым, в которой появилось ограничение в основаниях для отвода арбитражных заседателей несмотря на то, что Высший Арбитражный Суд РФ выступал против этой поправки.

Теперь приведем несколько случаев применения норм об отводе арбитражных заседателей.

При формировании судебного состава при разрешении имущественного спора в Арбитражном суде Ямало-Ненецкого округа между ООО «Нортгаз» и ООО «Уренгойгазпром» был заявлен отвод арбитражному заседателю, поскольку он сотрудник ООО «Надымгазпром», которое, как и ООО «Уренгойгазпром», являлось дочерним предприятием ОАО «Газпром». Определением от 28 января 2005 г. в удовлетворении ходатайства было отказано. принимая данное решение, суд сослался на то, что выдвинутое основание для отвода арбитражного заседателя АПК РФ не предусмотрено.

ОАО «Нортгаз» (правопреемник ООО «Нортгаз») 21 февраля 2005 г. направило в Конституционный Суд РФ жалобу на нарушение конституционных

²⁹² Данные сведения содержатся в приложении № 1 к проекту АПК РФ (проект федерального закона № 90066448-3 о внесении изменений и дополнений в АПК РФ), таблица поправок, рекомендованных Комитетом Государственной думы по законодательству к принятию.

прав и свобод ч. 3 ст. 21 АПК РФ. Жалоба была принята к рассмотрению, а слушание дела назначено на 20 февраля 2006 г.²⁹³.

ЗАО «Нортгаз» – правопреемник ОАО «Нортгаз» буквально за несколько дней до рассмотрения дела Конституционным Судом РФ отозвал свою жалобу. Конституционный Суд РФ Определением от 20 февраля 2006 г. № 1-О производство по жалобе ОАО «Нортгаз» прекратил.

В качестве следующего примера приведем ситуацию, возникшую на востоке страны. В ходе судебного заседания в Арбитражном суде Сахалинской области по рассмотрению дела № А59-3804/06-С25 по иску Администрации Сахалинской области к ОАО «ТНК-ВР Холдинг» представителем ОАО «ТНК-ВР Холдинг» был заявлен отвод арбитражному заседателю на основании п. 6 ч. 1 ст. 21 АПК РФ в связи с наличием зависимости арбитражного заседателя от стороны истца по делу.

Отказывая в удовлетворении отвода арбитражному заседателю, Арбитражный суд Сахалинской области в Определении от 25 декабря 2006 г. по делу № А59-3804/06-С25 указал следующее:

- основания отвода судьи предусмотрены ч. 1 ст. 21 АПК РФ;
- однако согласно ч. 3 ст. 21 АПК РФ арбитражный заседатель может быть отведен по основаниям, предусмотренным п. 1–4;
- поскольку приведенные представителем ответчика обстоятельства предусмотрены п. 6 ст. 21 АПК РФ, они не могут служить основанием для отвода арбитражного заседателя.

Таким образом, положения ч. 3 ст. 21 АПК РФ были применены Арбитражным судом Сахалинской области в ходе рассмотрения дела № А59-3804/06-С25 по иску Администрации Сахалинской области к ОАО «ТНК-ВР

²⁹³ В тот день, когда оглашался результат рассмотрения подготовленной нами жалобы о несоответствии Конституции РФ ст. 336 ГПК РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. №1-П).

Холдинг». Рассмотрение данного дела было завершено Арбитражным судом Сахалинской области вынесением решения от 09 января 2007 г.

После такого применения ч. 3 ст. 21 АПК РФ ОАО «ТНК-ВР Холдинг» обратилось с жалобой о проверки конституционности ч. 3 ст. 21 АПК РФ в Конституционный Суд РФ. Жалоба ОАО «ТНК-ВР Холдинг» была принята к рассмотрению и соединена Конституционным Судом РФ с жалобой ЗАО «Товарищество застройщиков» о проверке конституционности ч. 3 ст. 21 АПК РФ.

Арбитражный суд города Москвы при рассмотрении дела по иску Правительства Москвы к ЗАО «Товарищество застройщиков» Определением от 1 марта 2007 г. отказал в удовлетворении заявления ответчика об отводе выбранной истцом кандидатуры арбитражного заседателя – гражданина Д. Д. Петрушкина, возглавляющего юридический отдел Государственного унитарного предприятия города Москвы «Специальное предприятие при Правительстве Москвы». Представитель ЗАО «Товарищество застройщиков» утверждал, что Д. Д. Петрушкин – лицо, зависимое от истца, поскольку Правительство Москвы непосредственно и опосредованно (через директора указанного предприятия, назначенного на должность распоряжением первого заместителя мэра Москвы) имеет право регулировать отношения, связанные с выплатой ему заработной платы и премий, а также применять меры дисциплинарного взыскания вплоть до увольнения, а потому заинтересован в исходе дела. Арбитражный суд города Москвы, в свою очередь, сослался на то, что в силу ч. 3 с. 21 АПК РФ арбитражный заседатель подлежит отводу лишь по основаниям, предусмотренным в п. 1–4 ч. 1 данной статьи, и, следовательно, по другим указанным в ней основаниям отвод ему заявлен быть не может. Не согласившись с таким подходом ЗАО «Товарищество застройщиков» обратилось в Конституционный Суд РФ.

ОАО «Нижекамскнефтехим» в ноябре 2007 г. столкнулось с ситуацией, когда сочло необходимым заявить отвод арбитражному заседателю. Эта ситуация возникла на фоне длящегося корпоративного конфликта, который разросся до

нескольких судебных разбирательствах, где ОАО «Нижнекамскнефтехим» столкнулось с попыткой вывести все активы из компании, в которой общество было не только участником, но и крупным кредитором. В ходе рассмотрения одного из споров о признании недействительным залога практически всех активов компании, которая и получила имущество в залог и начала процедуру взыскания на заложенное имущество, нам было даже сделано замечание за употребление термина «ложь» в отношении выступления представителя другой стороны²⁹⁴. Сразу же после этого замечания этим представителем было заявлено ходатайство о перерыве, поскольку он привлечен в качестве арбитражного заседателя в другом деле²⁹⁵, где ответчиком заявлено ОАО «Нижнекамскнефтехим». Конечно же, доверия к такому арбитражному заседателю ОАО «Нижнекамскнефтехим» не испытывало. В своем заявлении об отводе общество ссылалось не только на п. 5 ст. 21 и ч. 3 ст. 21 АПК РФ, но и на ст. 46 Конституции РФ, п. 6 Конвенции, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также необходимость учета обязательных толкований ЕСПЧ, согласно которым

²⁹⁴ Проблема лжи в процессе и по настоящее время, по нашему мнению, не является решенной проблемой см. подробнее: *Султанов А. Р.* Последствия лжи в процессе и материальном праве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 230–262; *Султанов А. Р.* Заметки о праве на ложь в процессе с точки зрения философии // Вестник гуманитарного университета. 2019. № 3. С. 65–72; *Султанов А. Р.* О возобновлении производства при выявлении новых доказательств, скрытых от суда другой стороной // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 237–248; *Султанов А. Р.* Как бороться с фейком в налоговых спорах, или возможен ли пересмотр судебных актов при обнаружении лжи // Закон. 2019. № 9. С. 122–130; *Султанов А. Р.* Как повысить уважение к суду, или пересмотр возможен // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Выпуск IV. Казань. С. 210–217; *Султанов А. Р.* О неконституционности толкования ст. 311 АПК РФ, не допускающего пересмотра при выявлении новых доказательств, скрытых от суда другой стороной // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 2 (25) С. 52–61; *Султанов А. Р.* Умышленное искажение обстоятельств дела стороной в цивилистическом процессе: юридические последствия и способы пресечения // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 135–146.

²⁹⁵ Арбитражный суд Республики Татарстан, дело № А65-17353/2007-СГ1-17.

«принципы, установленные в этой сфере судебной практикой, «действуют и для жюри, и для судей – профессиональных или нет» (Постановление ЕСПЧ от 23 апреля 1996 г. по делу *Ремли против Франции*).

Определением Арбитражного суда Республики Татарстан от 03 декабря 2007 г. в удовлетворении ходатайства было отказано по мотиву того, что ч. 3 ст. 21 АПК РФ предусмотрено, что по основаниям, предусмотренным п. 1–4 ч. 1 ст. 21 АПК РФ арбитражный заседатель не подлежит отводу и что обстоятельства, выражающие сомнения в его беспристрастности, основанием для отвода арбитражного заседателя в соответствии с АПК РФ не являются. К сожалению, предположение В. Ф. Яковлева, что практика будет исходить из того, что «арбитражный заседатель – это судья и значит, участие в правосудии заинтересованного судьи недопустимо...»²⁹⁶ не оправдалось. Доводы, основанные на нормах Конституции РФ, Конвенции и Постановлениях ЕСПЧ, были оставлены без ответа²⁹⁷.

Получив такое определение, ОАО «Нижнекамскнефтехим» также обратилось с жалобой о нарушении конституционных прав ч. 3 ст. 21 АПК РФ в Конституционный Суд РФ. Надо признаться, что зная о предыдущем обращении в Конституционный Суд РФ с таким же требованием ООО «Нортгаз», мы запросили у данной компании информацию о том, остались ли у них какие-нибудь материалы, которые могли бы быть полезны для рассмотрения дела в Конституционном Суде РФ. Отметим, что борьба за справедливость сплачивает и нам любезно было предоставлено правовое заключение, подготовленное сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ профессором Н. И. Клейн, заслуженным юристом РФ Л. Ф.

²⁹⁶ Яковлев В. Ф. Результаты практики применения нового АПК РФ // Арбитражная практика. 2003. № 6. С. 6.

²⁹⁷ Что само по себе может расцениваться, как нарушение права на справедливый суд. Подробнее об этом в нашей статье: Султанов А. Р. Страсбург напомнил о Конституции // ЭЖ-Юрист. 2007. № 39.

Лесницкой и кандидатом юридических наук В. В. Чубаровым²⁹⁸. Это емкое научное заключение поддерживало нашу точку зрения, и мы приложили его к тексту своей жалобы, одновременно ходатайствуя о приобщении других материалов из дела ООО «Нортгаз» и соединении дела с делом по уже принятым Конституционным Судом РФ жалобам других заявителей.

Подаявая свою жалобу, мы исходили из того, что допущение к осуществлению правосудия лица, не являющегося беспристрастным, осуществляющим правосудие не на основании закона, а на основании собственных предубеждений, является нарушением принципа верховенства права (ст. 1, 4 Конституции РФ). Данный принцип, в соответствии с которым суд должен предполагаться лишенным предубеждения, пристрастности отражает важный элемент верховенства права, а именно то, что вердикт суда является окончательным и имеет обязательную силу, если только он не отменен вышестоящим судом за незаконность или крайнюю несправедливость. Недоверие к суду, рассматривающему дело, без возможности устранить это недоверие породит также недоверие к судебному акту, что будет препятствовать достижению цели правосудия.

Итак, применение ч. 3 ст. 21 АПК РФ породило четыре обращения в Конституционный Суд РФ, причем причиной обращения явился не сам факт несправедливости судебных решений, а несправедливость самой ситуации, когда в качестве арбитражного заседателя выступало лицо, к которому не было доверия, и при этом отсутствовала возможность заявить отвод. То есть причиной был «конфликт с судом» – спор за право на беспристрастный суд, борьба за право не быть судимым пристрастным судьей²⁹⁹.

²⁹⁸ Полагаем, что упоминание данного документа обязательно не только в качестве интересного и важного материала, но и в качестве дани уважения Н. И. Клейн, ушедшей из жизни в марте 2013 г. на 90 году, общение с которой долгие годы вдохновляло соискателя.

²⁹⁹ Султанов А. Р. Отвод арбитражных заседателей // Закон. 2008. № 3. С. 163–171.

Как отмечали дореволюционные процессуалисты «Задача науки и положительного законодательства – обеспечить тяжущихся от пристрастия судьи, а судью, уважая его нравственное достоинство, избавить от нравственной борьбы и дать ему возможность не действовать против своих нравственных принципов – и вообще против убеждения»³⁰⁰.

Конституционный Суд РФ, неоднократно отмечал, что из взаимосвязанных положений ст. 46 (ч. 1), 52, 53 и 120 Конституции РФ вытекает предназначение судебного контроля как способа разрешения правовых споров на основе независимости и беспристрастности суда. Рассмотрение спора независимым и беспристрастным судом является также неотъемлемым элементом права на справедливое судебное разбирательство по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Кроме того, осуществление правосудия в условиях, когда не обеспечена беспристрастность суда и когда в составе суда может находиться пристрастное лицо к одной из сторон, участники дела, не могут находиться в равном положении.

Это может нарушить также принцип: «правосудие не должно быть лишь осуществлено: должно быть видно, что оно осуществляется».

Соответственно, регулирование института отвода арбитражному заседателю, допускающее такую ситуацию, на наш взгляд, являлось нарушением и ст. 19, и ст. 123 Конституции РФ. Ознакомление с порядком принятия АПК РФ также не выявило ни у субъекта законодательной инициативы, ни у законодателя цели, которая в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ могла быть основанием для ограничения права на заявление отвода арбитражному заседателю при наличии сомнений в его беспристрастности. Скорей, наоборот, можно говорить об искажении при принятии закона первоначального замысла настолько, что положения оспариваемой статьи стали нарушать конституционные права.

³⁰⁰ *Малинин М. И. Убеждение судьи в гражданском процессе. Одесса, 1873. С. 52.*

В странах, где для участия в отправлении правосудия по гражданским делам допускаются присяжные заседатели «суд может отвести кандидата, если считает, что он не выполнит функций присяжного беспристрастно или способен нарушить нормальное течение процесса. Заинтересованные лица могут заявить отвод всему составу присяжных...»³⁰¹. Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции также предполагает одинаковые основания для отвода судьям и присяжным заседателям (ст. 341, 349 ГПК Франции) и арбитрам (ст. 1463 ГПК Франции)³⁰².

Отсутствие возможности заявить отвод арбитражному заседателю при наличии сомнений в его беспристрастности, по нашему мнению, находится также в противоречии с международным правом.

Применимость норм международного права к рассматриваемой ситуации вытекает из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Законодатель отразил порядок применения норм международного права в ч. 4 ст.13 АПК РФ, согласно которой «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, арбитражный суд применяет правила международного договора».

Соответственно, ст. 6 Конвенции, гарантирующая, что каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, допускает возможность заявления отвода арбитражному заседателю, участвующему в отправлении правосудия наравне с судьей.

³⁰¹ Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. д-ра юрид. наук А. Г. Давтян. М., 2008. С. 460.

³⁰² Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции. Киев, 2004. С. 100–101, 359.

Согласно же практике ЕСПЧ нарушение принципа беспристрастности является нарушением прав на справедливое судебное разбирательство независимо от степени профессиональности судей³⁰³.

«Статья 6 пункт 1 Конвенции подразумевает, что любой национальный судебный орган в серьезных случаях обязан проверять, является ли данный судебный состав «беспристрастным судом» в свете этой статьи»³⁰⁴.

«Принципы, установленные в этой сфере судебной практикой, действуют и для жюри, и для судей – профессиональных или нет»³⁰⁵.

В соответствии с прецедентным правом Европейского Суда для выполнения этого требования суд должен соответствовать как субъективной проверке, так и объективной. Говоря словами самого ЕСПЧ, «в целях Статьи 6 Конвенции беспристрастность должна определяться, исходя из субъективной проверки, т. е. на основании личных убеждений конкретного судьи в конкретном деле, а также объективной проверки, т. е. при оценке того, обеспечил ли судья гарантии, достаточные, чтобы исключить любые правомерные сомнения в связи с этим»³⁰⁶.

«Наличие или отсутствие беспристрастности, применительно к пункту 1 ст. 6 Конвенции, должно устанавливаться путем субъективной оценки, т. е. на основании личных убеждений и поведенческих особенностей конкретного судьи в конкретном случае, а также с помощью объективного подхода, т.е. определения обеспечивал ли этот судья гарантии для того, чтобы исключить любое законное сомнение в этом отношении»³⁰⁷.

³⁰³ Гомьен. Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 217–220.

³⁰⁴ Постановление ЕСПЧ по делу *Ремли против Франции* от 23 апреля 1996 г.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Постановление ЕСПЧ по делу *Хаушильд против Дании* от 24 мая 1989 г.

³⁰⁷ Постановление ЕСПЧ по делу *Ферантелли и Сантангелло против Италии* от 07 августа 1996 г.

«Если беспристрастность обычно означает отсутствие предубеждения или пристрастия, ее отсутствие или наоборот, наличие может быть проверено различными способами в соответствии со ст. 6 п. 1 Конвенции. В данном контексте можно провести различия между субъективным подходом, отражающим личные убеждения судьи по конкретному делу, и объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по этому поводу»³⁰⁸.

Конституционный Суд РФ при рассмотрении вопроса о соответствии Конституции РФ ряда норм ГПК РФ об отводе суде в Определении от 8 февраля 2007 г. № 325-О-О³⁰⁹ также указал, что «принцип беспристрастности суда, выражающийся в максиме *no iudex in re sua*³¹⁰», ставится на первое место среди требований п. 1 ст. 6 Конвенции в прецедентной практике ЕСПЧ, полагающего, что «на Договаривающиеся Государства возлагается обязанность составить (построить) свою судебную защиту так, чтобы она отвечала в первую очередь данному требованию» (Постановление ЕСПЧ от 26 октября 1984 г. по делу *De Cubber v. Belgium*) и что «беспристрастность должна оцениваться в соответствии с субъективным подходом, отражающим личные убеждения данного судьи по конкретному делу, а также в соответствии с объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по данному поводу» (Постановление ЕСПЧ от 24 мая 1989 г. по делу

³⁰⁸ Постановление ЕСПЧ по делу *Пиерсак против Бельгии* от 15 июля 1980 г.

³⁰⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Лесной Лидии Николаевны, Стригуна Станислава Владимировича, Чичерина Виктора Петровича и общества с ограниченной ответственностью «Афина-Бизнес» на нарушение конституционных прав и свобод частью второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. № 325-О-О.

³¹⁰ К сожалению, ни один из имеющихся в распоряжении автора словарей не помог уяснить смысл данного изречения на латинском языке, в то же время, по смыслу контекста подходит максима – *neto iudex in re sua* – никто не должен быть судьей в своем деле и, соответственно, возможно в определении Конституционного Суда РФ была допущена опечатка.

Hauschildt v. Denmark)». Даже в XIX в. исходили из того, что «судья, о котором должно предполагать, что он не может или не хочет судить по справедливости, или что он только в известном деле поступает не беспристрастно, называется подозрительным»³¹¹, и предусматривали возможность отвода.

Таким образом, мы ожидали, что Конституционный Суд РФ удалит из правового поля норму, находящуюся в противоречии с идеями, возникшими из насущных потребностей гражданского правосудия, разъясненными наукой³¹², проверенными вековым опытом не одного³¹³, но многих народов...

Надо сказать, что эта надежда оправдалась в полной мере. Предпосылки того, что Конституционный Суд РФ удовлетворит жалобы заявителей, проявились еще в ходе судебного разбирательства 28 февраля 2008 г.

Этот процесс был крайне необычным. Во-первых, хотя полномочный представитель Правительства РФ в Конституционном Суде РФ, Верховном Суде РФ и Высшем Арбитражном Суде РФ М. Борщевский не принял участия в разбирательстве, но представил письменную позицию, в соответствии с которой «можно сделать вывод о наличии достаточных оснований для признания части 3 статьи 21 АПК РФ несоответствующей Конституции РФ».

Генеральная Прокуратура РФ также представила свое письменное мнение, в котором не нашла оснований для признания оспариваемой нормы

³¹¹ Основания российского судопроизводства, изложенные М.....м. М., 1832. С. 42.

³¹² *Клеандров М. И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006; *Фалькович М. С.* Отводы и самоотводы в арбитражном процессе // ЭЖ-Юрист. 2004. № 37; *Злобина Е. И.* Комментарий к Федеральному закону от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» М., 2005; *Вахитов Р. С.* Осуществление правосудия с участием арбитражных заседателей // Арбитражная практика. 2005. № 4; *Зайцева В. В.* Процесс пошел, господа арбитражные заседатели! // Бизнес-адвокат. № 13. 2002. С. 2.

³¹³ Показательным исследованием института отвода судей в немецком, французском и русском праве является книга *Нефедьева Е. А.* Устранение судей в гражданском процессе. Казань, 1885.

несоответствующей Конституции РФ и выразила точку зрения, что «наличие у стороны по делу определенных сомнений в беспристрастности арбитражного заседателя, который не назначен судом, а выбран самостоятельно другой стороной, компенсируется исключительным правом самой выбрать другого арбитражного заседателя. В то же время такой порядок не означает, что законодатель не может установить какие-либо дополнительные ограничения по поводу отвода арбитражного заседателя». В данном мнении разбирательство в государственном суде с участием арбитражных заседателей был спутано с третейским разбирательством.

Представители Государственной Думы РФ и Совета Федерации также не нашли норму неконституционной, в частности, указав, что «зависимый заседатель может взять самоотвод». Соответственно, по их мнению, неправильное толкование норм правоприменительной практикой может быть исправлено толкованием Конституционного Суда РФ, а не признанием нормы неконституционной.

В ходе слушания 28 февраля 2008 г. заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ Т. К. Андреева также упомянула о возможности применения самоотвода, но обратила внимание на то, что многие судьи не применяют нормы АПК РФ в их системном толковании, в результате чего согласно ст. 21 АПК РФ не предоставляют отводы арбитражным заседателям. Также она отметила, что ВАС РФ считает целесообразным уточнить статьи АПК РФ и что подготовлен законопроект, согласно которому для судей и арбитражных заседателей предусматриваются единые основания для отвода.

В выступлении полномочного представителя Президента РФ в Конституционном Суде РФ М. В. Кротова было указано, что «факты применения нормы подтверждаются конкретными судебными решениями, имеющимися в деле. Заявители просят признать часть 3 статьи 21 АПК РФ не соответствующей Конституции Российской Федерации и приводят достаточно убедительные аргументы, с которыми трудно не согласиться. Поэтому мы поддерживаем жалобы и полагаем, что оспариваемая норма АПК РФ должна быть признана

неконституционной по следующим основаниям...». Полномочный представитель Президента РФ в Конституционном Суде РФ не просто полностью поддержал требования заявителей, но и развил правовую позицию для признания нормы неконституционной.

25 марта 2008 г. Конституционный Суд РФ огласил Постановление, в котором признал ч. 3 ст. 21 АПК РФ не соответствующей Конституции РФ, ее ст. 46 (ч. 1), 55 (ч. 3) и 123 (ч. 3) в той мере, в какой, предусматривая возможность отвода арбитражного заседателя по основаниям отвода судьи, перечисленным в п. 1–4 ч. 1 ст. 21, она – во взаимосвязи с абз. 2 ч. 4 ст. 19 и ч. 1 ст. 21 данного Кодекса – не допускает отвод арбитражного заседателя по иным указанным в данной статье основаниям, а именно: если он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности; если он находится или ранее находился в служебной или иной зависимости от лица, участвующего в деле, или его представителя; если он делал публичные заявления или давал оценку по существу рассматриваемого дела³¹⁴.

Конституционный Суд РФ защитил право на отвод, который гарантирует лицам, участвующим в деле, возможность защищаться от пристрастного суда и добиваться суда беспристрастного.

Конституционный Суд РФ в мотивировке также сослался на правовые позиции ЕСПЧ, подчеркнув, что «в ряде решений Европейского Суда по правам человека, в том числе в Постановлениях от 26 февраля 1993 г. *Падовани (Padovani) против Италии* (пункты 25 и 27), от 28 февраля 1993 г. *Фэй (Fey) против Австрии* (пункты 28 и 30) и от 10 июня 1996 г. *Пуллар (Pullar) против*

³¹⁴ По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» : Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П.

Соединенного Королевства (пункт 30), на основе толкования статьи 6 Конвенции сформулированы общие критерии беспристрастного суда. Во-первых, суд должен быть „субъективно беспристрастным“, т. е. ни один из его членов не может открыто проявлять пристрастие и личное предубеждение; при этом личная беспристрастность предполагается, пока не будет доказано иное. Данный критерий отражает личные убеждения судьи по конкретному делу. Во-вторых, суд должен быть „объективно беспристрастным“, т. е. необходимы достаточные гарантии, исключающие какие-либо сомнения по этому поводу. Данный критерий, в соответствии с которым решается вопрос, позволяют ли определенные факты, поддающиеся проверке, независимо от поведения судьи усомниться в его беспристрастности, учитывает внешние признаки: при принятии соответствующего решения мнение заинтересованных лиц принимается во внимание, но не играет решающей роли, – решающим является то, могут ли их опасения считаться объективно обоснованными. Всякий судья, в отношении беспристрастности которого имеются легитимные основания для сомнения, должен выйти из состава суда, рассматривающего дело».

После оглашения Постановления, председательствующий в этом деле судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ М. И. Клеандров дал свои комментарии газете «ЭЖ-Юрист», часть которых мы полагаем уместным процитировать, поскольку они дают понимание того, почему Конституционный Суд РФ именно так разрешил дело и, на наш взгляд, являются удачным окончанием данной главы: «Причины недоверия наших заявителей к арбитражным заседателям по их делам были достаточно убедительны. Совершенно непонятно, почему арбитражные суды, видя, что имеются очень серьезные основания сомневаться в беспристрастности заседателей, отклоняли ходатайства сторон об их отводе. Формально, это позволял АПК РФ, который составлен таким образом, что не дает возможности произвести отвод заседателя даже при наличии значительных сомнений в его беспристрастности». «...Интересный момент: один из представителей государства при рассмотрении жалобы на заседании Конституционного Суда РФ сказал, что

каждая из сторон выдвигает своего заседателя, которые их представляют и потом в дальнейшем находят решение по делу, поэтому априори некая зависимость арбитражных заседателей от сторон имеет место. Такое ощущение, что он просто перепутал порядок формирования третейского и арбитражного судов. Арбитражный заседатель ни в коем случае не может представлять интересы одной из сторон!» «...Когда проект АПК РФ в этой части обсуждался в комитетах, комиссиях и на заседании Госдумы РФ, представители ВАС РФ возражали против такой редакции, понимая ее опасность, но к ним почему-то не прислушались. *Ведь любой закон должен как минимум базироваться на здравом смысле. Здесь он не был сильно виден, теперь же благодаря Конституционному Суду РФ восторжествовал*»³¹⁵. Не можем не согласиться, с тем, что юриспруденция есть осадок здравого разума в вопросах права³¹⁶.

Было крайне важно, что здравый смысл не только был выявлен, но и получил закрепление в процессуальной форме. Как отмечал Р. Иеринг, «идеи, представленные собственным силам, т. е. не поддержанные устойчивостью формы, умирают вместе с потерей нравственного господства над умами, отживают, затерявшись в народе, и когда неприязненный поток времени пробежал уже, надобно опять новой борьбы для вызова их к жизни, новых родов и мук роженицы»³¹⁷.

После оглашения Постановления Конституционного Суда РФ очень быстро Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 229-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены соответствующие изменения в АПК РФ и право на отвод

³¹⁵ Клеандров М. И. Заседатели, на выход! // ЭЖ-Юрист. 2008. № 13. URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/archiv/2008/13-1-08.htm> (дата обращения: 22.08.2013).

³¹⁶ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С. 15.

³¹⁷ Иеринг Р. О существе юридического формализма вообще // Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. 5. Ч. 2. С. 402.

арбитражных заседателей было восстановлено в полном объеме для всех участников арбитражного процесса.

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ НА ПРИМЕНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕСПЧ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В имплементации правовых позиций ЕСПЧ в российское право были разные периоды, в связи с чем полагаем уместным начать данную главу с рассмотрения позитивных усилий Верховного Суда РФ.

3.1. Влияние Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» на имплементацию постановлений ЕСПЧ

Выше мы уже приводили примеры того, как Верховный Суд РФ включал в текст Пленумов Верховного Суда РФ ссылки на постановления ЕСПЧ. Полагаем уместным упомянуть, что Верховный Суд РФ еще в 2003 г. стал использовать термин «правовая позиция ЕСПЧ» в качестве официального толкования Конвенции и образца применения Конвенции³¹⁸, но проблемы в

³¹⁸ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Рос. газ. 2003. 2 декабря. № 244; О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации

правоприменительной практике с использованием правовых позиций ЕСПЧ не были разрешены, порой суды отклоняли правовые позиции ЕСПЧ, из постановлений, вынесенных против других стран.

Весной 2013 г. по судам общей юрисдикции и научным высшим учебным заведениям был разослан проект Постановления Пленума Верховного Суда РФ «Об исполнении судами общей юрисдикции постановлений Европейского Суда по правам человека» для дачи замечаний и предложений.

Верховным Судом РФ была проведена огромная работа, и в юбилейный год – год 15-летия присоединения России к Конвенции – было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней».

Безусловно, этот важный акт, который практики ждали так долго, позволит шире применять в судах правовые позиции ЕСПЧ и, возможно, уменьшит поток жалоб в ЕСПЧ, сделав правосудие в России более справедливым и соответствующим европейским правовым стандартам защиты прав человека и основных свобод.

Изменение названия Постановления, на наш взгляд, вполне обоснованно, поскольку первоначальное наименование сужало его границы.

Мы в этом разделе раскроем лишь несколько важных моментов данного Постановления, хотя сразу оговоримся, что оно чрезвычайно насыщено важными разъяснениями, выходящими за пределы гражданского процесса.

Прежде всего отметим, что Верховный Суд РФ акцентирует внимание на том, что *защита прав и свобод человека, предусмотренных Конвенцией, возлагается прежде всего на органы государства, в том числе на суды.*

Был разрешен старый спор о том, все ли правовые позиции ЕСПЧ являются обязательными при рассмотрении споров, связанных с защитой основных свобод и прав человека, защищаемых Конвенцией.

Верховный Суд РФ разъяснил, что правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в окончательных постановлениях ЕСПЧ, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов, а *правовые позиции, содержащиеся в постановлениях ЕСПЧ, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции, учитываются судами с целью эффективной защиты прав и свобод человека*. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ.

Такой подход Верховного Суда РФ был воспринят как устанавливающий два режима: первый – императивный, когда суды обязаны применять правовые позиции ЕСПЧ, и второй, факультативный, когда суды могут применять правовые позиции ЕСПЧ, высказанные в постановлениях, вынесенных в отношении других стран³¹⁹. С таким подходом Верховного Суда РФ не можем согласиться. По всей видимости, такое понимание было вызвано отношением к правовым позициям, в одном случае, как нормам, подлежащим применению, а в другом – необязательным толкованиям, не имеющим силы нормы. Однако, правовые позиции – это все же не нормы. Как мы уже писали выше, правовые позиции ЕСПЧ являются элементом нормативно-правового комплекса, где первым его элементом являются естественные свободы и права человека, а уже потом нормы об их защите Конвенции и толкования этих норм ЕСПЧ.

Соответственно, учет правовых позиций ЕСПЧ судом – это обращение внимания на то, каким образом ЕСПЧ, толкует нормы Конвенции, защищающие основные свободы и права человека, соотнесение такого толкования с обстоятельствами дела и вынесение решения с полным осознанием того, что суд

³¹⁹ Рехтина И. В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве. М., 2018. С. 113.

участвует в конвенциональном охранительном правоотношении, которое в случае неправильного применения положений Конвенции может быть в последующем признано нарушением Конвенции Россией. Полагаем, что такой подход может соответствовать призыву: «Для того, чтобы оживить дух нашей юриспруденции, надо не пригибать ее до практики, а, напротив, поднять на высоту истинной теории... Поднимите ее дух, дайте уверенности в себе, выведите ее из сутолоки современного практицизма – и человечество услышит от нее не один раз авторитетное, веское слово»³²⁰.

Мы полагаем, что Верховный Суд РФ признал толкование ЕСПЧ *ergo omnes*, согласившись с теми представителями доктрины, которые указывали, что «действие *ergo omnes* решений Европейского Суда обращено не только к государству-ответчику, но и к иным государствам – участникам Конвенции, допускающим аналогичные нарушения Конвенции. Иные государства – участники Конвенции, самостоятельно обнаружившие аналогичные (одинаковые) нарушения Конвенции, в силу добросовестности исполнения принятых на себя международных обязательств могут и должны исправить законодательство, судебную и иную правоприменительную практику, не соответствующую Конвенции, творчески осмысливая и применяя конвенционально-правовые позиции Европейского Суда»³²¹. То есть суды не могут игнорировать правовые позиции ЕСПЧ, находящиеся в постановлениях, вынесенных против других стран.

³²⁰ Покровский И. А. Желательная постановка гражданского права в изучении и преподавании // Университетский вопрос в России. М., 2017. С. 641.

³²¹ Витрук Н. В. Исполнение решений Европейского Суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2011. № 11. С. 41–45; Липкина Н. Н. К вопросу об *erga omnes* эффекте правовых позиций Европейского Суда по правам человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1. С. 240–246; Лапаева В. В. Дело «Константин Маркин против России» в контексте проблемы национального суверенитета // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 77–90 и др.

В данном Постановлении также была снята проблема с ложным пониманием Конвенции как субсидиарного нормативного акта, который применим лишь тогда, когда нет норм российского права, регулирующих те или иные отношения, т. е. лишь при пробелах. В постановлении Пленума фактически были генерализированы правовые позиции ЕСПЧ разъяснением, что они учитываются при применении законодательства РФ, что, в частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого ЕСПЧ при применении Конвенции и Протоколов к ней. Более того, Верховный Суд РФ указал: «Во избежание нарушения прав и свобод человека, в том числе необоснованного их ограничения, правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении не только Конвенции и Протоколов к ней, но и иных международных договоров РФ (пп. «с» п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (далее – Венская конвенция))».

Важным было указание Пленума на то, что из положений Конвенции и Протоколов к ней в толковании ЕСПЧ следует, что под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются *любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод.*

Фактически Верховный Суд РФ обозначил, когда начинается конвенциональное охранительное правоотношение, тем самым обратив внимание судов на предмет исследования при рассмотрении споров о нарушении прав человека и основных свобод, а именно необходимость исследования того, были ли при ограничении прав и свобод человека соблюдены критерии: возможности ограничения только на федеральном законе; наличия социально значимой, законной цели для такого ограничения и являющейся необходимой в

демократическом обществе (пропорциональной преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Можно утверждать, что Верховный Суд РФ не только разъяснил судам основания для реализации конвенционального охранительного правоотношения, но и то как оно должно быть реализовано.

В соответствии с положениями ст. 46 Конвенции, истолкованными с учетом Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 19 января 2000 г. № R(2000)2 «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека» (далее – Рекомендация о пересмотре), основанием для пересмотра судебного акта ввиду новых обстоятельств является не всякое установленное ЕСПЧ нарушение Российской Федерацией положений Конвенции или Протоколов к ней.

Верховный Суд РФ разъяснил, что судебный акт подлежит пересмотру в том случае, если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта (например, если лицо продолжает находиться под стражей в нарушение положений Конвенции) и выплаченная заявителю справедливая компенсация, присужденная Европейским Судом во исполнение ст. 41 Конвенции, либо иные средства, не связанные с пересмотром, не обеспечивают восстановление нарушенных прав и свобод.

Безусловно, Постановление ЕСПЧ, которым установлено нарушение Конвенции неисполнением решения суда, не должно быть основанием для пересмотра по новым обстоятельствам. На наш взгляд, не может быть основанием для пересмотра такое постановление ЕСПЧ, которым полностью компенсирован материальный и нематериальный вред, т. е. конвенциональное охранительное правоотношение окончено.

В частности, можем привести в качестве примера ситуацию, когда вступившее в законную силу решение было отменено в порядке надзора по спору между физическими лицами по поводу приобретения квартиры. В последующем ЕСПЧ, установив нарушение ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, постановил выплатить заявителю сумму, представляющую собой рыночную стоимость квартиры, материальный ущерб, компенсировать моральный вред, а также судебные расходы и издержки (Постановление ЕСПЧ по делу *Эрмишев против Молдовы*, жалоба № 42288/02 от 8 августа 2006 г.). Европейский Суд так разрешил дело, чтобы не нарушить права другого участника гражданского дела в национальном суде и тем самым сохранить *res judicata*. Или же когда было заключено мировое соглашение. Конечно же, в такой ситуации пересмотр недопустим. В ряде случаев даже одностороннее заявление государства и выплата компенсации³²² могут прекращать конвенциональное охранительное соглашение, но не всегда. Так, в Постановлении ЕСПЧ от 30 октября 2014 г. по делу *Давыдов (Davudov) против Российской Федерации* (жалоба № 18967/07) было отражено, что власти Российской Федерации проинформировали ЕСПЧ о своем намерении разрешить вопрос, поднятый жалобой, представив одностороннее заявление, прося ЕСПЧ исключить жалобу из списка дел, подлежащих рассмотрению, на основании пп. «с» п. 1 ст. 37 Конвенции. Однако заявитель не согласился с односторонним заявлением и выступил против исключения его жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению ЕСПЧ. Он просил рассмотреть существо его жалобы с целью получения достаточного возмещения. Он подчеркнул, что целью его жалобы в ЕСПЧ было восстановление его прав, нарушенных отменой окончательного решения, которое было вынесено в его пользу, и восстановление ежемесячных выплат. Заявитель утверждал, что единственной возможностью добиться этого было рассмотрение его жалобы Европейским Судом по существу, поскольку Постановление ЕСПЧ может быть единственным правовым

³²² Султанов А. Р. Правовая определенность и справедливость, или Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав... // Закон. 2007. № 9. С. 157–164.

основанием для пересмотра его дела на внутригосударственном уровне в соответствии со ст. 392 ГПК РФ. Такой пересмотр приведет к отмене Постановления Президиума от 12 октября 2006 г. и восстановлению в силе решения районного суда от 7 ноября 2005 г. Заявитель далее утверждал, что ни одностороннее заявление властей Российской Федерации от 8 февраля 2012 г., ни решение ЕСПЧ об исключении его жалобы из списка дела не будут служить достаточным правовым основанием для пересмотра постановления Президиума от 12 октября 2006 г. Таким образом, одностороннее заявление властей Российской Федерации имело формальный характер и не привело бы к реальному восстановлению прав заявителя. Соответственно, заявитель просил ЕСПЧ отклонить одностороннее заявление властей Российской Федерации и рассмотреть его дело по существу. Европейский Суд согласился с доводами заявителя и отклонил ходатайство властей Российской Федерации об исключении жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, в соответствии со статьей 37 Конвенции и рассмотрел дело по существу. То есть если бы существовала процедура возобновления производства по делу, когда России очевидна неправильность судебного акта, то возможно было бы такие дела разрешать без вмешательства ЕСПЧ³²³.

Верховный Суд РФ разъяснил достаточность для пересмотра факта установления ЕСПЧ нарушения, из которого следует, что решение суда противоречит Конвенции по существу либо что допущенное нарушение Конвенции или Протоколов к ней, носящее процессуальный характер, ставит под сомнение результаты рассмотрения дела.

Такое толкование в полной мере отражает подходы ЕСПЧ. В качестве примера можем привести Постановление ЕСПЧ от 22 ноября 2016 г. по делу *Марьясова и другие (Maryasova and Others) против Российской Федерации*

³²³ Шурутина А. Д. Реализация Конвенции о защите прав человека и основных свобод в правовой системе Российской Федерации в контексте права на судебную защиту : дис. ... канд. юр. наук. М., 2017. С. 13.

(Жалобы № 1956/05, 12055/07, 25655/07, 32983/07, 35385/07, 44395/07, 10688/08, 7461/09, 29775/09, 5290/10, 19055/10, 33694/10, 37955/10, 57867/10, 65011/10, 6914/11, 6951/11, 27075/11, 33042/11, 40292/11, 42297/11, 46006/11, 52428/11 и 3537/12), в котором было дано следующее толкование: «Европейский Суд постановляет, что в случаях, когда нарушено право заявителя на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции, он должен быть поставлен в положение, в котором бы он находился, если бы требования этой статьи не были нарушены. Наиболее приемлемой формой возмещения ущерба, в принципе, является предоставление заявителю возможности требовать возобновления производства». В одном из дел Европейский Суд определил принципы, применимые для возобновления завершенного гражданского производства на основании Постановления Европейского Суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *Bochan v. Ukraine* (*Бочан против Украины*) № 2, жалоба № 22251/08³²⁴, § 57–58, ECHR 2015).

В связи с этим Европейский Суд напоминает, что в соответствии с п. 2 ч. 2 и п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ установление ЕСПЧ нарушения Конвенции и Протоколов к ней является основанием для возобновления производства по гражданскому делу, а также для пересмотра судебных постановлений в свете конвенционных принципов, разработанных Европейским Судом (см. Постановление ЕСПЧ по делу *Davydov v. Russia* (*Давыдов против Российской Федерации*) от 30 октября 2014 г., жалоба № 18967/07, § 10–15»³²⁵.

Верховный Суд РФ также разъяснил, что при рассмотрении судом вопроса о необходимости пересмотра судебного акта учитывается причинно-следственная связь между установленным ЕСПЧ нарушением Конвенции или Протоколов к ней и неблагоприятными последствиями, которые продолжает испытывать заявитель.

В Постановлении Пленума также было обращено внимание судов на то, что из положений ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О

³²⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 6

³²⁵ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 2.

ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», истолкованных с учетом ст. 46 Конвенции, следует, что при пересмотре судебного акта, в связи с принятием которого заявитель обратился в Европейский Суд, суду необходимо учитывать правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в соответствующем постановлении, и установленные Судом *нарушения* Конвенции или Протоколов к ней.

Надо отметить, что согласно п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ основанием для пересмотра по новым обстоятельствам является *установление ЕСПЧ нарушения* положений Конвенции при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд. То есть основанием является установление деликта – нарушения Конвенции и ничто другое.

На наш взгляд, это Постановление Верховного Суда РФ было крайне своевременным, поскольку оно фактически было принято, в период, когда в средствах массовой информации ставилась под сомнение обязательность постановлений ЕСПЧ. В частности, это было вызвано тем, что в канун принятия данного Постановления Конституционный Суд РФ принял к рассмотрению запрос президиума Ленинградского окружного военного суда о проверке конституционности п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 во взаимосвязи со ст. 11 ГПК РФ. В данном запросе ставился вопрос о конституционности указанных норм в той части, в которой они допускают пересмотр вступившего в законную силу принятого судом общей юрисдикции судебного постановления при наличии противоположных правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ относительно соответствия норм национального законодательства, примененных при рассмотрении конкретного дела, положениям Конвенции, препятствуя правильному разрешению упомянутого гражданского дела.

Впрочем, быть может, если бы Постановление Пленума Верховного Суда РФ было принято ранее, то запроса в Конституционный Суд РФ могло и не быть. Однако ход истории неумолим, и события, которые уже произошли, нельзя игнорировать. Поэтому мы посвятим рассмотрению данного запроса отдельный

параграф, в котором также продолжим анализ данного Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

3.2. Влияние рассмотрения в Конституционном Суде РФ запроса Президиума Ленинградского окружного военного суда о конституционности п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 во взаимосвязи со ст. 11 ГПК РФ на гражданский процесс

До появления запроса в Конституционном Суде РФ уже более двух лет шла дискуссия о коллизиях в правовых позициях Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ. Данная дискуссия разгорелась с вопроса о возможности исполнения Постановления ЕСПЧ по делу *Константин Маркин против РФ* от 7 октября 2010 г. На наш взгляд, причиной данного спора, скорее всего, явилось даже не наличие разных подходов, а резкая оценка Палатой ЕСПЧ подхода Конституционного Суда РФ³²⁶, как основанного на гендерных предрассудках. Впрочем, безусловно, повлияло также то, что ЕСПЧ в данном Постановлении счел возможным указать в порядке применения ст. 46 Конвенции, что государство-ответчик обязано внести изменения в законодательство с целью прекращения дискриминации мужского персонала вооруженных сил в отношении права на отпуск по уходу за ребенком.

³²⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей : Определение КС РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О.

Сам по себе данный факт несколько удивителен, поскольку Постановление даже не является «пилотным», не явилось следствием скопления аналогичных жалоб в ЕСПЧ и ничуть не похоже на решение системной проблемы.

Впрочем, когда спор разгорелся, то он уже был не о терминах, использованных ЕСПЧ, а вообще о возможности исполнения Постановления ЕСПЧ по делу *Маркина*. На состоявшемся 18–20 ноября 2010 г. XIII Международном форуме по конституционному правосудию В. Д. Зорькин в своем докладе выразил следующее мнение: «... Конституционный Суд РФ, принимая свое решение о конституционности закона в случаях, аналогичных германскому прецеденту³²⁷, – притом что между положениями Конституции РФ и Конвенцией нет противоречий, а противоречие возникло между толкованием Конституции (данным Конституционным Судом РФ) и толкованием Конвенции (предпринятым ЕСПЧ), – может не ориентироваться на интерпретацию Конвенции Европейским Судом, а принять решение в духе национальной Конституции, тем самым имплицитно подтверждая свою трактовку положений Европейской Конвенции (как составной части российской правовой системы), в духе национальной Конституции».

В последующем Большая палата ЕСПЧ³²⁸, куда было обжаловано Постановление по делу *Маркина*, смягчила доводы по данному делу.

В мае 2012 г. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин прокомментировал Постановление Большой палаты ЕСПЧ: «В своем решении ЕСПЧ (в отличие от ранее принятого постановления по этому делу) воздержался от оценок правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно конституционности норм российского законодательства, предусматривающих возможность предоставления отпуска по уходу за ребенком лишь военнослужащим-женщинам. Европейский Суд воздержался также от прямого

³²⁷ Здесь речь идет о нашумевшем деле *Гергелю против Германии*.

³²⁸ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 22 марта 2012 г. по делу *Константин Маркин (Konstantin Markin) против РФ* (жалоба № 30078/06).

нормоконтроля, оценивая главным образом последствия правоприменения в ситуации заявителя. А главное, ЕСПЧ, по сути, предложил компромисс, сделав акцент на том обстоятельстве, что в российском законодательстве ограничения для мужчин-военнослужащих установлены исключительно по признаку пола, а не по основанию характера осуществляемой ими деятельности (хотя, как сказано в Постановлении Большой палаты, К. Маркин, работавший оператором связи, вполне мог быть заменен без угрозы национальной безопасности страны). На наш взгляд, это следует рассматривать как готовность ЕСПЧ признать в качестве выполнения своего решения предоставление трехгодичного отпуска по уходу за ребенком всем военнослужащим, выполняющим свои обязанности на должностях вспомогательного состава. Если не превращать *дело Маркина* в камень преткновения (нам кажется, что это все-таки единичный случай в практике взаимодействия ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ), то можно пойти на этот предложенный компромисс, чтобы закрыть данную конституционно-правовую – и одновременно конвенциональную – проблему. Вряд ли надо добиваться большего, наращивая критику. По нашему мнению, на данном этапе Конституционный Суд РФ достаточно твердо выступил. Во всяком случае, если в будущем и потребуется проявить активность, то только по такому конкретному вопросу, где будут непосредственно затронуты конституционно защищаемые интересы России»³²⁹.

Однако дискуссия по *делу Маркина* на этом не закончилась. После того как гражданин Маркин обратился за пересмотром своего дела в суд, и дело дошло до Президиума Ленинградского окружного военного суда, последний обратился в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ во взаимосвязи со ст. 11 данного Кодекса.

³²⁹ Зорькин В. Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // доклад на II Международном юридическом форуме. СПб., 17 мая 2012 г.

Президиум Ленинградского окружного военного суда в запросе указал, что оспариваемые законоположения противоречат ст. 15 Конституции РФ в той мере, в какой они допускают пересмотр вступившего в законную силу судебного постановления при наличии противоположных правовых позиций Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ относительно соответствия примененных при рассмотрении конкретного дела норм национального законодательства положениям Конституции РФ и Конвенции, создавая тем самым препятствия для правильного разрешения дела.

На наш взгляд, такая постановка вопроса была ошибочной, поскольку, во-первых, одновременно п. 3 и п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ применены быть не могли, соответственно, коллизий в их применении не возникает, а во-вторых, в процедуре пересмотра по новым обстоятельствам вопрос применения материального права не стоит, что означает надуманность взаимосвязи ст. 11 ГПК РФ с вышеуказанными нормами³³⁰.

Тем не менее в июне 2013 г. Конституционный Суд РФ принял запрос к рассмотрению, и возможность того, что право на обращение в межгосударственные органы будет ограничена, стала реальной, хотя предметом обращения являлся вопрос, который, на первый взгляд, не был связан с правом на обращение в межгосударственные органы, а касался вопроса о соответствии Конституции РФ п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 во взаимосвязи со ст. 11 ГПК РФ в той части, в которой эти нормы допускают пересмотр вступившего в законную силу принятого судом общей юрисдикции судебного постановления при наличии противоположных правовых позиций Европейского Суда и Конституционного

³³⁰ Султанов А. Р. Продолжение дела «Маркин против России», или как Президиум Ленинградского окружного военного суда возбудил спор о конституционности п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 во взаимосвязи со ст. 11 ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 260–286; Султанов А. Р. К 15-летию юбилею действия для России Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней // Вестник гражданского процесса. 2013. № 4. С. 280–291.

Суда РФ относительно соответствия норм национального законодательства, примененных при рассмотрении конкретного дела, положениям Конвенции, пересмотра судебных решений на основании постановлений ЕСПЧ.

Однако право на обращение в межгосударственные органы напрямую связано с возможностью исполнения решений межгосударственных органов. Если исполнение решения межгосударственных органов в той или иной части ограничено, это также означает, что и право на обращение в межгосударственные органы ограничено, поскольку без механизма их реализации на национальном уровне такое право становится иллюзорным. Не можем не согласиться с позицией ЕСПЧ о том, что неисполнение судебного решения фактически аннулирует право на обращение в суд.

Надо также отметить, что право на обращение в межгосударственные органы для защиты своих прав в России является конституционным, оно было специально закреплено в Конституции РФ.

Вначале в проекте Конституции РФ от 21 февраля 1991 г.³³¹ упоминания права на обращение в межгосударственные органы не было, но уже 16 сентября 1991 в ст. 44 проекта³³² оно было предусмотрено. В результате бурного обсуждения на Конституционном совещании³³³ в 1993 г. положение о праве на обращение в межгосударственные органы было включено в окончательный текст Конституции РФ и в настоящее время данное право является конституционным (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ).

Причем в качестве одного из доводов для включения этого положения в текст Конституции РФ было указано то, что это было бы очень полезно в связи с предстоящим решением вопроса о вступлении России в Совет Европы, поскольку

³³¹ Из истории создания Конституции. Т. 2. М., 2008. С. 63–117.

³³² Там же. С. 289.

³³³ Конституционное совещание: Стенограммы, материалы, документы. Т. 3. М., 1996. С. 99–100, 194–195; Т. 5. С. 388; Т. 10. С. 334–339.

Конституция РФ будет передана на экспертизу в Совет Европы³³⁴, а также что пора уже перестать видеть какую-то аномалию в обращении граждан в международные органы.

Возможно, прав Л. Фуллер, писавший, что в конституциях, появившихся после Второй мировой войны, некоторые гарантии были закреплены из страха, что они не смогут пережить превратности обычного осуществления парламентской власти³³⁵.

Пережило бы право на обращение в межгосударственные органы, если бы оно не было закреплено в Конституции РФ, целого ряда проигрышей в международных инстанциях, нам неизвестно.

Итак, вольно или невольно, Президиум Ленинградского окружного военного суда поставил вопрос о возможности обращения в ЕСПЧ в случае, когда до этого была неудачная попытка обращения за защитой конституционных прав в Конституционный Суд РФ. Возможно, этот факт в полной мере не осознавался. Но игнорирование такого понимания и возможное ограничение права на исполнение решений межгосударственных органов могло привести к тому, что граждане и юридические лица, столкнувшиеся с несправедливостью, которая может быть истолкована как нарушение конституционных и конвенционных прав и свобод, будут обращаться не в Конституционный Суд РФ, а сразу же в ЕСПЧ.

Кстати, в этом случае исчезнут коллизии правовых позиций. Но это означало также, что рассмотрение в Конституционном Суде РФ *дела Маркина* могло привести к тому, что Конституционный Суд РФ не усилит свои позиции в деле защиты прав и свобод граждан, а исключит себя из таковых органов, поскольку его будут просто обходить, а обязать обращаться в Конституционный Суд РФ до обращения в ЕСПЧ и рассчитывать на признание ЕСПЧ такой обязанности эффективным средством защиты весьма утопично. К тому же

³³⁴ Конституционное совещание: Стенограммы, материалы, документы. Т. 3. М., 1996. С. 99–100.

³³⁵ Фуллер Л. Позитивизм и верность праву // Правоведение. 2005. № 11. С. 135.

позиция Конституционного Суда РФ всегда была направлена на то, чтобы граждане России могли получить должную правовую защиту в России и без обращения в ЕСПЧ. По крайней мере, такая позиция неоднократно декларировалась.

Соответственно, благие намерения по защите «конституционного строя» как обычно могли оказаться всего лишь тем, чем устелена дорога отнюдь не в рай.

Мы бы очень не хотели терять такой способ защиты, как возможность обращения в Конституционный Суд РФ с жалобой на неконституционность законов. На наш взгляд, этот способ защиты в ряде случаев может быть даже более эффективен, нежели обращение в ЕСПЧ. Если же судить об эффективности по скорости рассмотрения заявлений, то на сегодняшний день при всей неспешности конституционного судопроизводства, ЕСПЧ не в состоянии конкурировать с ним по скорости рассмотрения обращений. Как известно, ЕСПЧ «пал жертвой» своей популярности и в настоящее время пытается справиться с большим количеством жалоб о нарушении Конвенции. Но тем не менее, если будет стоять выбор между обращением в Конституционный Суд РФ и ЕСПЧ, многие предпочтут обращение в ЕСПЧ. Имея собственный опыт обращения в обе высокие судебные инстанции, можем согласиться с таким выбором. Тем более что ЕСПЧ, в отличие от Конституционного Суда РФ, все же суд не только права, но и факта.

Все это мотивировало нас к тому, чтобы обратить пристальное внимание на продолжение *дела Маркина* в Конституционном Суде РФ.

Полагаем уместным здесь сконцентрироваться на фактических обстоятельствах развития данного дела, придерживаясь практического подхода, воздерживаясь от описывания и цитирования многочисленных публикаций, посвященных данному делу.

Решением Пушкинского гарнизонного военного суда от 14 марта 2006 г. было отказано в удовлетворении заявления К. А. Маркина о признании незаконным отказа командира войсковой части № 41480 предоставить ему отпуск

по уходу за сыном, Константином Маркиным, 30 сентября 2005 года рождения, до достижения им возраста трех лет³³⁶.

Принимая данное решение, суд первой инстанции сослался на отсутствие законодательно установленного права военнослужащих-мужчин использовать отпуск по уходу за ребенком указанной продолжительности и недоказанность фактического осуществления Маркиным ухода за ребенком после расторжения брака.

Кассационным определением Ленинградского окружного военного суда от 27 апреля 2006 г. решение гарнизонного военного суда было оставлено без изменения и вступило в законную силу.

21 мая 2006 г. К. А. Маркин обратился в ЕСПЧ, была зарегистрирована его жалоба № 30078/06.

В неизвестную дату им была подана жалоба в Конституционный Суд РФ. Определением Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона „О государственных пособиях гражданам, имеющим детей“, статей 10 и 11 Федерального закона „О статусе военнослужащих“, статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» ему было отказано в принятии к рассмотрению его жалоб, поскольку они не отвечают требованиям ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд РФ признается допустимой.

³³⁶ По мнению В.В. Ершова, требование Маркина могло быть удовлетворено в первой инстанции, для этого суд должен был применить Конвенцию МОТ № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящихся с семейными обязанностями». См. подробнее: *Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2017. С. 188–189.

Постановлением от 7 октября 2010 г. по делу *Konstantin Markin v. Russia* (*Константин Маркин против России*, жалоба № 30078/06) ЕСПЧ шестью голосами против одного постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования ст. 14 в сочетании с положениями ст. 8 Конвенции. Европейский Суд счел, что признание нарушения само по себе является достаточно справедливой компенсацией.

В своем Постановлении ЕСПЧ критично оценил Определение Конституционного Суда РФ: «Отсутствуют экспертные оценки, статистические исследования числа военнослужащих-мужчин, которые могут претендовать на получение трехлетнего отпуска по уходу за ребенком и которые хотели бы его получить. Таким образом, Конституционный суд РФ основал свое решение на чистом допущении».

Считаем необходимым повторить, что ЕСПЧ в данном деле также счел возможным указать в порядке применения ст. 46 Конвенции, что государство-ответчик обязано внести изменения в законодательство с целью прекращения дискриминации мужского персонала вооруженных сил в отношении права на отпуск по уходу за ребенком.

Конфликт разразился на состоявшемся 18–20 ноября 2010 г. XIII Международном форуме по конституционному правосудию, на котором В. Д. Зорькиным была дана критическая оценка данного Постановления ЕСПЧ. Были и другие критические выступления судей и сотрудников Конституционного Суда РФ. В частности, заместитель председателя Конституционного Суда РФ С. П. Маврин в своем выступлении привел большое количество фактических обстоятельств, обосновывающих справедливость подхода Конституционного Суда РФ (к слову, ранее не упомянутых в Определении Конституционного Суда РФ), акцентировал незначительную сумму, присужденную ЕСПЧ Маркину, сделав на этом предположение, что ЕСПЧ, «возможно сам того не желая, косвенным образом дал понять, что в данном случае государство-ответчик не заслуживает серьезной ответственности то ли в силу незначительности, то ли сомнительности самого правонарушения». Оценивая рекомендуемые ЕСПЧ меры

по изменению законодательства³³⁷, заместитель председателя Конституционного Суда РФ указал, что «отечественный законодатель не в состоянии, не нарушая Конституцию своей страны, имплементировать в ее правовую систему меры, вытекающие из решения ЕСПЧ по делу *Маркина*. Следовательно, с точки зрения обеспечения благополучия России, решение ЕСПЧ в данной части обладает для России признаками неисполнимости»³³⁸.

Можно согласиться с тем, что *«судьи должны говорить в своих судебных актах, а не в комментариях к ним»*. Такой подход порожден, прежде всего, тем, что в выступлениях упомянутых лиц с критикой указанного Постановления ЕСПЧ появились новые данные о том, почему Маркину было отказано в рассмотрении его жалобы в Конституционном Суде РФ, причем данные и мотивы, которые не были изложены в Определении Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О. Соответственно, нельзя критиковать за то, что кто-то не догадался о существовании фактов и мотивов, положенных в основание судебного акта, но не изложенных в нем.

На наш взгляд, вся эта риторика по поводу дела *Маркина* вызвана именно тем, что при вынесении Определения от 15 января 2009 г. № 187-О-О Конституционный Суд РФ был излишне лаконичен, что, возможно, было вызвано просто деликатностью или плохой работой Представителя РФ при ЕСПЧ в период рассмотрения вопроса о приемлемости³³⁹.

³³⁷ Как мы уже отмечали выше, эти рекомендации, данные вне процедуры рассмотрения «пилотного» дела, в отсутствие повторения таких дел, были крайне необычны для практики ЕСПЧ.

³³⁸ Летом 2013 г. Минобороны России разработало законопроект, предусматривающий право мужчин, проходящих военную службу по контракту, на отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет. Этот документ был размещен на федеральном портале проектов правовых актов. URL: http://regulation.gov.ru/project/3966.html?point=view_project&stage=3&stage_id=2297 (дата обращения: 30.08.2013). К сожалению, в канун разбирательства в Конституционном Суде РФ его движение остановилось, а после проект был отозван.

³³⁹ Об этом подробнее чуть позже.

Российские власти, не согласившись с Постановлением ЕСПЧ, подали жалобу в Большую палату ЕСПЧ.

21 февраля 2011 г. Комитет пяти судей Большой палаты решил удовлетворить ходатайство властей Российской Федерации о передаче дела на рассмотрение Большой палаты (ст. 43 Конвенции и правило 73 Регламента Суда).

В апреле 2011 г. заместитель Председателя Конституционного Суда РФ С. П. Маврин в своем интервью счел необходимым снова объяснить позицию Конституционного Суда РФ по делу Маркина: «Рассматривая дело Маркина в Конституционном Суде, мы пришли к выводу, что наш заявитель жертвой не являлся. По той простой причине, что он получил свыше 200 тыс. р. как фактическую плату за свой отпуск и сам отпуск в натуре. Если бы в его положении была женщина-военнослужащая, она получила бы не более 18 тыс. р. То есть Маркин оказался реально в льготном положении. Почему это положение побудило его обратиться в ЕСПЧ, мне трудно сказать, но на статус жертвы в данных обстоятельствах он претендовать не мог. В связи с этим оснований для рассмотрения Европейским судом его индивидуальной жалобы в рамках конкретного нормоконтроля не было. Тем не менее ЕСПЧ эту жалобу рассмотрел, практически вопреки своему статусу в рамках абстрактного нормоконтроля, и ничего не сказал о нарушениях прав Маркина, так как их просто не было. Тогда Европейский Суд перешел к рассмотрению вопроса о дискриминации целой категории таких военнослужащих, как заявитель, признав существование этой дискриминации... В самом Европейском Суде *дело Маркина* еще будет пересматриваться в Большой палате. Насколько мне известно, слушание по нему состоится в начале июня». Все это сопровождалось бурной дискуссией и в средствах массовой информации, и в юридических изданиях³⁴⁰.

³⁴⁰ Зайков Д. Е. Отпуск по уходу за ребенком для военнослужащих мужского пола: быть или не быть? // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 5. С. 7–12; Зорькин В. Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия на современном этапе: новые перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5. С. 45–53; Лапаева В. В. Проблема

Первое слушание в Большой Палате ЕСПЧ состоялось 8 июня 2011 г.

16 июня 2011 г. по инициативе исполняющего обязанности председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ А. П. Торшина был внесен в Государственную Думу проект Федерального конституционного закона № 564346-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на уточнение порядка обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности нормативных актов и порядка обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, а также проект закона № 564315-5 «О внесении изменений в статью 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»³⁴¹, имеющий целью уточнение

соотношения юридической силы Конституции РФ и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (по материалам дела «К. Маркин против России»). URL: <http://igpran.ru/articles/2957/>; *Она же.* Дело «Константин Маркин против России» в контексте проблемы национального суверенитета // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 77–90; *Коротеев К. Н.* Конфликт, которого нет: Комментарий к решению Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу «Константин Маркин против России» // Там же. № 4. С. 122–130; *Курдюков Г. И., Александров С. В.* Международный и конституционно-правовой аспекты юридической природы постановлений Европейского суда по правам человека // Юридический мир. 2012. № 6. С. 46–50; *Филатова М. А.* Страсбургский суд: есть ли путь между «суверенизмом» и «активизмом»? // Судья. 2011. № 10. С. 58–61; *Фоков А. П.* Международные и национальные права в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: история, современность и проблемы взаимоотношений с Европейским судом по правам человека // Российский судья. 2011. № 1. С. 2–6.

³⁴¹ В пояснительной записке автор законопроекта отрицал наличие в ГПК РФ норм, предусматривающих пересмотр в связи с постановлениями ЕСПЧ, хотя такое положение содержалось в ГПК РФ, оно лишь должно было вступить в силу с 1 января 2012 г. Мы так и не смогли найти объяснения этому, попытка оправдать это тем, что, возможно, А. П. Торшин не присутствовал при обсуждении изменений в ГПК РФ на заседании Совета Федерации РФ в декабре 2010 г., не увенчалась успехом – он в день обсуждения присутствовал на заседании Совета Федерации и принимал поздравления с днем рождения...

порядка пересмотра судами общей юрисдикции и арбитражными судами судебных актов по новым обстоятельствам.

В пояснительных записках к проектам было указано, что они направлены «на правовое решение вопроса о соотношении истолкования нормы национального законодательства, данного Конституционным Судом РФ, и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сформулированного ЕСПЧ, при котором та же норма становится несовместимой с Конвенцией. Законопроект призван снять возможные противоречия в оценках норм российского законодательства ЕСПЧ и Конституционным Судом. Указанная противоречивость может порождаться тем, что положения Конвенции обладают приоритетом по отношению к российским законам, но уступают по юридической силе положениям Конституции РФ»³⁴².

1 февраля 2012 г. состоялось закрытое слушание в Большой палате ЕСПЧ. Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу *Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации* (жалоба № 30078/06) было опубликовано 22 марта 2012 г. Как следует из данного Постановления, вопрос о злоупотреблении правом обращения в ЕСПЧ был впервые затронут властями Российской Федерации в их письменных объяснениях в Большой палате. Эти объяснения (в частности, о фиктивном разводе) были отклонены по тому основанию, что они могли быть поданы только до принятия Палатой решения о приемлемости жалобы (принцип эстоппель). Российские власти представили доводы о злоупотреблении правом на подачу жалобы с описанием событий 2005–2006 гг. лишь при рассмотрении жалобы на Постановление ЕСПЧ³⁴³.

³⁴² Данный законопроект «провисел» четыре года, прежде чем было принято решение снять его с рассмотрения (см. подробнее: *Корченкова Н.* Идею Александра Торшина усваивали четыре года // *Коммерсант.* 2016. 18 января. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2895725> (дата обращения: 18.01.2016)).

³⁴³ Первоначально российские власти также оспаривали приемлемость жалобы, но указывали лишь на то, что заявитель утратил статус жертвы в связи с тем, что национальные

Если бы эти доводы были поданы своевременно и Определение Конституционного Суда РФ было более мотивированно, то, возможно, и не было бы никакой коллизии между правовыми позициями судов.

Большая палата в данном Постановлении не только провела большой сравнительно-правовой анализ законодательства европейских государств и международных норм, но и проанализировала фактические обстоятельства и не стала указывать, какие меры государство-ответчик обязано принять в качестве общих мер, хотя также пришла к выводу, что имело место нарушение ст. 14 Конвенции во взаимосвязи со ст. 8 Конвенции. Большая палата ЕСПЧ сочла также необходимым обязать выплатить моральный вред в размере 3000 евро, как бы «согласившись» с критикой судьи Конституционного Суда РФ С. П. Маврина.

10 июля 2012 г. на сайте Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда появился пресс-релиз с сообщением о том, что в суд с заявлением «о пересмотре по новым обстоятельствам в порядке ст. 392 ГПК РФ решения Пушкинского гарнизонного военного суда от 14 марта 2006 года по гражданскому делу №3-2006 по жалобе Маркина К.А. об обжаловании действий командования войсковой части, связанных с отказом в предоставлении ему отпуска по уходу за ребенком, обратился заявитель Маркин К.А. В своем заявлении, в качестве основания для пересмотра судебного решения в соответствии с п. 2 ч. 2 и п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, он ссылается на вынесенное Большой палатой Европейского Суда по правам человека 22 марта 2012 года постановление по делу № 30078 (*Konstantin Markin v. Russia*) по жалобе Маркина К.А. и указывает, что указанным постановлением

власти приняли решение о предоставлении ему отпуска по уходу за ребенком и оказании ему финансовой помощи. Европейский Суд отклонил довод государства-ответчика о потере статуса жертвы, указав, что, во-первых, прямого признания нарушения Конвенции не было, и, во-вторых, что решение не может рассматриваться как признание по существу, поскольку оно содержало ссылку на сложное семейное и финансовое положение заявителя, а не на предусмотренное законодательством право или признание нарушения его права на равное обращение.

было признано, что в результате отказа в предоставлении Маркину К.А. отпуска по уходу за ребенком в отношении него были нарушены положения статей 8 и 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Заявление Маркина К.А. о пересмотре решения военного суда было принято к производству Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда (в связи с упразднением Пушкинского ГВС), истребованы материалы гражданского дела, в котором имеются копии судебных решений, принятых по делу судами общей юрисдикции. Учитывая ссылку заявителя на неполучение им официальной копии указанного постановления Большой палаты ЕСПЧ, а также отсутствие законодательно установленного порядка возможности получения российским судом надлежащей копии соответствующего судебного решения ЕСПЧ для применения в конкретном деле, Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд 18 июня 2012 года направил письменное обращение Уполномоченному Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителю Министра юстиции Российской Федерации Матюшкину Г.О. с просьбой о направлении в Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд надлежащим образом заверенной копии русского перевода официального текста вынесенного Большой палатой Европейского Суда по правам человека 22 марта 2012 года постановления по делу № 30078 (*Konstantin Markin v. Russia*) по жалобе Маркина К.А.»³⁴⁴.

Сам этот факт стал широко обсуждаться в средствах массовой информации, и судья Конституционного Суда РФ в отставке доктор юридических наук Т. Г. Морщакова высказала идею, что «у военного суда нет никаких препятствий, чтобы исполнить решение ЕСПЧ. Однако проблема состоит в том, что, встав на сторону ЕСПЧ, военный суд фактически не разделит позицию Конституционного Суда РФ». Другие эксперты высказали точку зрения, согласно которой «суду, принявшему *дело Маркина* к пересмотру, ничто не мешает уже сейчас обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом, как ему быть. Конституционный Суд РФ

³⁴⁴ URL: http://gvs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=39.

сам создал этот конфликт и пусть изворачивается, перекладывая свое недовольство в правовые термины»³⁴⁵.

Чуть позже заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ письмом от 27 июля 2012 г. № ОК-194/12 направил председателям окружных (флотских) военных судов для сведения и использования Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу *Маркина*, обратив внимание судов на следующее: «Европейский Суд указал, что исключение военнослужащих-мужчин из круга лиц, имеющих право на получение отпуска по уходу за ребенком, учитывая, что военнослужащие-женщины такое право имеют, не может считаться разумно или объективно обоснованным. В данной связи Европейский Суд отметил, что с учетом конкретных требований, предъявляемых военной службой, лишение любого служащего (мужчины или женщины) права на получение отпуска по уходу за ребенком может быть оправдано только в отношении тех, чьи должностные обязанности не могут выполняться другими лицами вследствие таких факторов, как, например, важность занимаемой ими должности, редкая техническая квалификация или участие в военных действиях (§ 148, 151)».

Рассмотрение заявления К. Маркина о пересмотре решения суда по новым обстоятельствам было отложено на 30 августа 2012 г. в связи с истребованием доказательств. Но надо отметить, что суд запросил не только перевод официального текста Постановления Большой палаты, но также обязал до рассмотрения заявления представить в суд надлежащим образом заверенные копии следующих документов:

– обобщенные сведения, оформленные в виде справки, о составе и размере денежных средств, выплаченных К. А. Маркину в период с 30 сентября 2005 г. по 14 декабря 2008 г.;

– выписки из приказов об установлении заявителю размеров (о лишении) месячного оклада в соответствии с занимаемой воинской должностью, месячного оклада в соответствии с присвоенным воинским званием, различных месячных и

³⁴⁵ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1987499> (дата обращения: 05.09.2013).

иных дополнительных выплат, входивших в состав денежного довольствия и иных выплат, в том числе компенсационных выплат в период нахождения К. А. Маркина в отпуске по уходу за ребенком, выплаченных заявителю в период с 30 сентября 2005 г. по 14 декабря 2008 г.;

– расчетно-платежные (платежные) ведомости и иные документы, подтверждающие выплату наличными деньгами и (или) безналичное перечисление на счет К. А. Маркина в период с 30 сентября 2005 г. по 14 декабря 2008 г. денежных средств.

Безусловно, такой запрос в стадии рассмотрения заявления о пересмотре решения суда по новым обстоятельствам более чем странен.

Общеизвестно, что производство по вновь открывшимся и новым обстоятельствам состоит из двух стадий, на первой стадии суд рассматривает наличие обстоятельств, в связи с которыми законодатель предусмотрел возможность пересмотра.

Когда суд рассматривает заявление о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам, он лишь устанавливает ранее неизвестные суду и заявителю обстоятельства и определяет степень их влияния на правильность вынесенного решения³⁴⁶. В п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» разъяснено, что «в соответствии со статьей 396 ГПК РФ суд рассматривает указанные заявление, представление в судебном заседании, исследует доказательства, представленные в подтверждение наличия вновь открывшихся или новых обстоятельств по делу, заслушивает объяснения участвующих в деле лиц, совершает иные необходимые

³⁴⁶ Алиев Т. Т. Производство по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском судопроизводстве. М., 2007. С. 38.

процессуальные действия, которые должны быть отражены в протоколе судебного заседания»³⁴⁷.

То есть данная часть рассмотрения – чисто техническая, в которой рассматривается сугубо процессуальный вопрос о наличии вновь открывшихся обстоятельств, с которыми законодатель связывает возможность пересмотра, и то, что они могли оказать существенное влияние на результат рассмотрения дела. В этой стадии суд вправе лишь отменить судебное решение либо отказать, но не рассматривает дело по существу и не исследует новые доказательства, не разрешает вопрос о применимом материальном праве.

Очевидно, что суд, как уже говорилось, должен выяснить наличие новых обстоятельств, с которыми законодатель связывает возможность пересмотра судебного решения. Безусловно, не всякое новое обстоятельство является основанием для пересмотра, хотя мы и полагаем, что этот перечень все же не является конечным. Как мы уже отмечали выше, в настоящее время граждане России могут также направлять, помимо ЕСПЧ³⁴⁸, свои индивидуальные жалобы в Комитет по правам человека³⁴⁹ в соответствии со ст. 14 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации³⁵⁰ – в Комитет по

³⁴⁷ Надо отметить, что Верховный Суд РФ весьма краток в данных разъяснениях. Так, в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 15 декабря 2007 г. № 12 «О некоторых вопросах пересмотра судебных актов по гражданским делам по вновь открывшимся обстоятельствам» даны подробные указания о том, что должно содержаться в определении суда по результатам рассмотрения заявления. Из данного постановления видно, что является предметом исследования и предметом доказывания в данной процедуре.

³⁴⁸ На основании Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» и ст. 34 Конвенции.

³⁴⁹ На основании Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах.

³⁵⁰ Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.) // Ведомости ВС СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

ликвидации расовой дискриминации³⁵¹ и на основании Факультативного протокола³⁵² к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации³⁵³ в отношении женщин – в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и т.п.

В Определении от 28 июня 2012 г. № 1248-О Конституционный Суд РФ разъяснил, что положения УПК РФ не исключают возможности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств на основании соображений Комитета по правам человека, принятых по результатам изучения индивидуальных сообщений и содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства.

Позднее в Определении от 9 июня 2015 г. № 1276-О Конституционный Суд РФ вновь вернулся к вопросу о возможности пересмотра судебного решения на основании обращений в межгосударственные органы и разъяснил, что в системе действующего правового регулирования положения ст. 413 УПК РФ не исключают возобновления ввиду новых обстоятельств производства по уголовному делу в отношении лица, ссылающегося на мнение Рабочей группы по

³⁵¹ См.: О признании компетенции Комитета по ликвидации расовой дискриминации в соответствии со статьей 14 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации : Постановление Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. № 2306-1 // Ведомости ВС СССР. 1991. № 29. Ст. 844.

³⁵² Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принят Генеральной Ассамблеей ООН 6 октября 1999 г.), подписан от имени Российской Федерации в г. Нью-Йорке 8 мая 2001 г. Ратифицирован Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 52-ФЗ «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

³⁵³ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.). СССР подписал Конвенцию 17 июля 1980 г., ратифицировал Указом Президиума ВС СССР от 19 декабря 1980 г. № 3565-X с оговоркой, сделанной при подписании. Ратификационная грамота СССР депонирована Генеральному секретарю ООН 23 января 1981 г. Вступила в силу для СССР 3 сентября 1981 г. (Ведомости ВС СССР. 1982. № 25. Ст. 464).

произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека, принятое по результатам изучения индивидуального сообщения, если она обратилась к Российской Федерации с просьбой (призывом) принять меры по исправлению положения этого лица, чье задержание Рабочая группа признала произвольным и нарушающим положения Международного пакта о гражданских и политических правах.

Возможность возобновления производства или пересмотра судебных актов в гражданском процессе по результатам рассмотрения обращений граждан в другие межгосударственные органы на основании вышеуказанных международных договоров и конвенций еще не была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, но было бы лучше, если бы на это обратил внимание законодатель.

В то же время полагаем необходимым отметить, что большую работу по имплементации результатов работы этих органов делает Верховный Суд РФ. Уже длительное время на сайте Верховного Суда РФ и в «Бюллетене Верховного Суда РФ» стали публиковаться правовые позиции Комитета ООН по правам человека, Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитета ООН по правам инвалидов³⁵⁴, Комитета ООН против пыток³⁵⁵ и практика их реализации.

В 2017 г. Верховный Суд РФ признал в качестве нового обстоятельства, влекущего пересмотр вступившего в законную силу постановления, Мнение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, дав расширительное толкование положениям ст. 392 ГПК РФ: «Мнение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятое по письменному сообщению гражданина Российской Федерации и содержащее рекомендации для Российской Федерации об устранении нарушений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обязательно для исполнения

³⁵⁴ URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=8853 (дата обращения: 15.10.2013).

³⁵⁵ URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=8854 (дата обращения: 15.10.2013).

Российской Федерацией и может являться новым обстоятельством применительно к п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ для пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления в целях соблюдения прав и законных интересов гражданина, по сообщению которого вынесено Мнение Комитета³⁵⁶.

Возвращаясь к процедуре пересмотра по новым обстоятельствам *по делу Маркина*, отметим, что суд, установив, например, наличие такого основания, как признание Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ закона, примененного в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Конституционный Суд РФ, уже связан данным постановлением Конституционного Суда РФ, поскольку Конституционный Суд РФ осуществляет по жалобам граждан конкретный нормоконтроль лишь в случае применения оспариваемых норм в деле с участием заявителя. Конституционный Суд РФ, признавая неконституционными нормы, противоречащие Конституции РФ, тем самым осуществляет действие, направленное на восстановление нарушенных конституционных прав. Поскольку в силу ч. 1 ст. 15 Конституции РФ ни один правовой акт не должен противоречить Конституции РФ, судебное решение, основанное на применении неконституционной нормы, будет существенным нарушением.

То есть суду не нужно при пересмотре судебного решения по новым обстоятельствам устанавливать существенность такого нового обстоятельства, как признание Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ закона, примененного в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Конституционный Суд РФ. Решение, основанное на применении неконституционной нормы, безусловно, не может быть законным, поскольку в России не допускается принятие правовых актов, противоречащих Конституции РФ. При этом суд не исследует никаких других новых обстоятельств – ни фактических обстоятельств, ни вопроса о том, обращался ли

³⁵⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2017 г. № 46-КГ17-24.

гражданин в ЕСПЧ, и т. д. Безусловно, с момента вынесения судебного решения могли произойти различные новые события, но суд не выясняет их в этой процедуре, он исследует их при новом рассмотрении дела уже после отмены решения по новым обстоятельствам.

В процедуре пересмотра по новым обстоятельствам, где новым обстоятельством заявлено «установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека», суд связан тем, что ЕСПЧ установил деликт – нарушение Конвенции. Надо отметить, что законодатель очень узко определил возможность пересмотра, указав лишь на случай, когда деликт – нарушение Конвенции – связан с принятием решения, что исключает возможность возбуждения процедуры пересмотра, когда деликт установлен фактом неисполнения судебного решения (если, конечно, это не процесс, связанный с процедурой исполнения судебного решения).

В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» было дано следующее разъяснение: «в соответствии с пунктом 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ, с учетом Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (2000) 2 «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека» основанием для пересмотра судебного постановления является такое постановление Европейского Суда по правам человека, в котором установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и (или) Протоколов к ней, повлиявшее на правильность разрешения дела заявителя».

Ранее Верховный Суд РФ разъяснял в п. 11 Постановления Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных

принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», что «Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. *В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов.* Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер».

Разъяснение, безусловно, важное, но практика показывает его очевидную недостаточность, поскольку зачастую попытка исполнить решение ЕСПЧ разбивалась о невозможность пересмотра судебного решения.

Однако проблемы, связанные с исполнением постановлений ЕСПЧ, существовали не только в нашей стране. Иногда попытки исполнить постановление ЕСПЧ заканчивались обращением в ЕСПЧ с новыми жалобами. Постановление Большой палаты Европейского Суда от 30 июня 2009 г. по делу *Verein gegen Tierfabriken Schweiz (VgT) v. Switzerland* (no. 2) (*Швейцарское*

движение против животноводческих ферм против Швейцарии (№ 2)», жалоба № 32772/02) как раз касалось рассмотрения повторной жалобы в ЕСПЧ. В Постановлении были выработаны важные правовые позиции, которые уместно здесь привести: «...возобновление судопроизводства, которое нарушило Конвенцию, не является самоцелью; это просто средство, хотя и основное, которое можно использовать с конкретной целью, а именно с целью полного и надлежащего исполнения судебных решений». Восстановление первоначального правового положения является правилом и заключается в том, чтобы по мере возможности у заявителя были те же условия, как если бы соблюдались требования Конвенции³⁵⁷.

Эти правовые позиции должны учитываться национальными судами с тем, чтобы действительно восстанавливать нарушенные права, а не создавать видимость исполнения постановлений ЕСПЧ.

Верховный Суд РФ вновь вернулся к вопросам пересмотра судебных актов в связи с постановлениями ЕСПЧ в 2013 г. в Постановлении Пленума от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» более подробно разъяснив необходимость пересмотра судебных решений с целью восстановления нарушенных прав и свобод.

Выше мы частично анализировали это Постановление, поэтому здесь ограничимся лишь его рассмотрением для целей данного параграфа. Не можем не отметить, что в данном Постановлении возможность пересмотра по новым

³⁵⁷ Султанов А. Р. Как дело о цензурном запрете помогло появлению важнейших правовых позиций Большой палаты Европейского Суда по правам человека // Журнал конституционализма и прав человека. 2013. № 1. С. 53–63; Султанов А. Р. Уроки Постановления Большой палаты Европейского Суда по правам человека по делу «*Verein gegen tierfabriken schweiz (Объединение против промышленного разведения животных) (VgT) против Швейцарии (№ 2)»* (жалоба № 32772/02) от 30.06.2009 // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1. С. 99–125.

обстоятельствам и предмет доказывания в процедуре пересмотра по новым обстоятельствам существенно изменены по сравнению с тем, как это было урегулировано законодателем в ГПК РФ.

Верховный Суд РФ вышел за рамки толкования норм и фактически их создал, установив новую процедуру под видом толкования процедуры, установленной законодателем. Не оценивая этого факта с точки зрения наличия компетенции и не принимая во внимание того, что заявление о пересмотре *дела Маркина* было рассмотрено до принятия данного Постановления, которое не обладало ретроспективным действием, полагаем все же необходимым осуществить дополнительный анализ некоторых его моментов, как если бы оно было применимо к *делу Маркина*.

Верховный Суд РФ в данном Постановлении разъяснил, что в соответствии с положениями ст. 46 Конвенции, истолкованными с учетом Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 19 января 2000 г. № R(2000)2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями ЕСПЧ, основанием для пересмотра судебного акта ввиду новых обстоятельств является не всякое установленное Европейским Судом нарушение Российской Федерацией положений Конвенции или Протоколов к ней. Верховный Суд РФ дал судам ориентиры, когда обязательно должна быть возбуждена процедура пересмотра. Можно утверждать, что тем самым Верховный Суд РФ указал на предмет исследования в стадии заявления о пересмотре судебного решения по новым обстоятельствам.

В частности, Верховный Суд РФ разъяснил, что судебный акт подлежит пересмотру в том случае, если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта и выплаченная заявителю справедливая компенсация, присужденная Европейским Судом во исполнение ст. 41 Конвенции, либо иные средства, не связанные с пересмотром, не обеспечивают восстановление нарушенных прав и свобод, что, на наш взгляд, обязывает суды выяснять во-первых, не является ли нарушение конвенционных прав и свобод

длящимся, а во-вторых, какие меры были приняты ЕСПЧ для компенсации вреда, причиненного нарушением данных прав и свобод. Здесь мы полагаем возможным дать небольшой комментарий: здесь, по всей видимости, речь идет о выяснении того, была ли присуждена ЕСПЧ компенсация материального вреда, и если была, то в каком размере. Как мы указывали ранее, в ряде случаев ЕСПЧ, понимая, что возобновление производства может создать проблемы с правовой определенностью для других лиц, принимает решение о компенсации всего причиненного материального вреда (см., например, Постановление ЕСПЧ по делу *Эрмишев против Молдовы* от 8 августа 2006 г.)³⁵⁸. Безусловно, если вред был компенсирован полностью в постановлении ЕСПЧ, то оснований для пересмотра нет. Можно утверждать, что в данном случае конвенциональное охранительное отношение прекращается в момент выплаты компенсации материального вреда.

Но в том случае, если в решении суда содержится недостоверная информация, в связи с чем продолжают иметь место какие-либо негативные последствия, полагаем, что компенсация материального вреда не является препятствием для пересмотра, поскольку сама по себе компенсация и признание нарушения со стороны государства не лишают преюдициальной силы ранее принятое судебное решение, которое формально остается обязательным для всех государственных органов. Иной подход означал бы возможность спора о преюдициальной силе судебного акта ЕСПЧ или российского суда. При отсутствии в ГПК РФ каких-либо положений о преюдициальности постановлений ЕСПЧ такой спор мог бы быть разрешен сугубо формально, не в пользу соблюдения международных обязательств России в области защиты прав и свобод человека.

Фраза о необходимости выяснения «иных средств, не связанных с пересмотром» и возможном обеспечении с помощью этих средств

³⁵⁸ Султанов А. Р. К 15-летию юбилею действия для России Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколов к ней // Вестник гражданского процесса. 2013. № 4. С. 294.

восстановления нарушенных прав и свобод, на наш взгляд, означает необходимость учитывать, в случае предоставления государством доказательства того, что *после* постановления ЕСПЧ государством были приняты меры для восстановления нарушенных прав и свобод во внесудебном порядке. Так, если был спор об отказе в регистрации или перерегистрации организации и ЕСПЧ установил нарушение ст. 11 Конвенции, то осуществление государственной регистрации было бы вполне приемлемым исполнением Постановления ЕСПЧ, как, например, в случае исполнения Постановления ЕСПЧ от 5 октября 2006 г. по делу *Московское отделение Армии Спасения (Moscow Branch Of The Salvation Army) против Российской Федерации* (жалоба № 72881/01). Однако мы не уверены в том, что такое исполнение препятствовало бы пересмотру по новым обстоятельствам, поскольку в судебных решениях, вынесенных до постановления ЕСПЧ, было упомянуто, что Армия Спасения является «квазивоенизированной» религиозной организацией. Такое утверждение, безусловно, могло бы создавать проблемы с защитой своего доброго имени в случае, если бы «доброжелатели» продолжали распространять несоответствующие действительности утверждения о военизированном характере Армии Спасения.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ впервые предусмотрена необходимость установления новых фактов, ставших известными после вынесения постановления ЕСПЧ – именно после его вынесения, поскольку оценка российским судом фактов, которые имели место до постановления ЕСПЧ в процедуре пересмотра, может быть расценена как попытка спорить с постановлением ЕСПЧ и не будет его исполнением.

Верховный Суд РФ также обратил внимание на то, что дело должно быть пересмотрено, когда одновременно установленное ЕСПЧ нарушение позволяет прийти хотя бы к одному из следующих выводов: «о том, что решение суда противоречит Конвенции по существу (например, постановление об административном выдворении лица за пределы Российской Федерации принято, как установлено Европейским Судом, в нарушение статьи 8 Конвенции); о том,

что допущенное нарушение Конвенции или Протоколов к ней, носящее процессуальный характер, ставит под сомнение результаты рассмотрения дела (например, отказ суда в удовлетворении ходатайства о вызове в судебное заседание свидетеля, показания которого могли иметь решающее значение для дела (статья 6 Конвенции))».

Вышеизложенные нарушения, конечно же, не могут быть компенсированы выплатой денежных средств или совершением каких-либо иных действий, кроме как пересмотром судебного акта.

Верховный Суд РФ указал также, что при рассмотрении судом вопроса о необходимости пересмотра судебного акта должна быть установлена причинно-следственная связь между установленным Европейским Судом нарушением Конвенции или Протоколов к ней и неблагоприятными последствиями, которые продолжает испытывать заявитель.

Таким образом, Верховный Суд РФ акцентировал внимание на предмете исследования при пересмотре по новым обстоятельствам. Если коротко суммировать их, это обязанность суда установить причинно-следственную связь между установленным ЕСПЧ деликтом и судебным решением; невозможность восстановления постановлением ЕСПЧ нарушенных прав в полном объеме; отсутствие действий государственных органов, восстановивших нарушенные права и свободы после вынесения постановления ЕСПЧ, если они могут быть восстановлены без отмены судебного акта, а также установление того, не противоречит ли решение суда Конвенции по существу и нет ли допущенных нарушений Конвенции или Протоколов к ней, носящих процессуальный характер, ставящих под сомнение результаты рассмотрения дела.

Данный краткий анализ представлений Верховного Суда РФ о том, что подлежит исследованию при рассмотрении заявления о пересмотре решения суда по новым обстоятельствам, может быть использован нами для анализа судебных актов, вынесенных при рассмотрении вопроса о пересмотре судебных актов по *делу Маркина*. Такой анализ нужен, прежде всего, потому, что, по нашему мнению, ошибки, которые были совершены судами общей юрисдикции,

встречаются гораздо чаще, нежели дела, содержащие в себе коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ³⁵⁹.

Итак, из запроса Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда было видно, что суд интересовали не вопросы, связанные с исследованием процессуальных оснований для пересмотра решения суда по новым обстоятельствам, а скорее вопросы, которые суд исследует при рассмотрении дела по существу. Не удивительно, что определением от 30 августа 2012 г. Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда³⁶⁰ было отказано в пересмотре судебного решения по новым обстоятельствам.

Надо отдать должное суду – он сумел уйти от оценки коллизии между правовыми позициями, выраженными в Определении Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О и решении Большой палаты ЕСПЧ, указав, что разрешение данной коллизии не входит в компетенцию гарнизонного военного суда *при решении вопроса о необходимости пересмотра* судебного решения по делу *Маркина* по новым обстоятельствам, в связи с чем оно не является предметом рассмотрения и оценки по данному делу.

Более того, суд пришел к выводу, что в данном деле имеется предусмотренное ч. 4 ст. 392 ГПК РФ основание для рассмотрения по существу заявления Маркина об отмене решения Пушкинского гарнизонного военного суда от 14 марта 2006 г. по гражданскому делу по иску К. А. Маркина к командиру войсковой части № 41480 по новым обстоятельствам.

Такой вывод предполагал отмену судебного решения и новое рассмотрение дела. Но этого не произошло. Из текста определения видно, что суд в своем желании отказать вышел далеко за пределы исследования процедуры пересмотра по новым обстоятельствам и фактически отказал в возобновлении производства

³⁵⁹ См. подробнее: Белов С. А. Национальный механизм исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека (на примере России) // Закон. 2019. № 6. С. 90.

³⁶⁰ URL: http://files.sudrf.ru/630/user/Opred_Markin.doc.

на основании доводов, которые могли быть сделаны лишь в процедуре уже нового рассмотрения дела. А именно, суд стал оценивать фактические обстоятельства, имеющие значение для вынесения суждения по существу спора, такие как невозможность предоставления отпуска по уходу за ребенком до трехлетнего возраста, поскольку заявитель уволился, а ребенок вырос и т. д. Безусловно, эти вопросы подлежали разрешению при рассмотрении по существу жалобы Маркина.

Нам остается только гадать, получил бы конфликт дальнейшее развитие, если бы суд возобновил производство, ведь действительно к тому времени сам Маркин уволился с военной службы, ребенок достиг возраста, превышающего три года и его требования уже были невыполнимы. По крайней мере, А. И. Ковлер полагал, что эти факты могли быть основанием для того, чтобы поставить точку³⁶¹.

Но надо отметить, что суд первой инстанции также предрешил и вопрос о законности действий командира войсковой части. Это было сделано следующим образом: «Что касается доводов Маркина о необходимости пересмотра судебного решения для констатации судебным решением военного суда незаконности действий командования по отказу в предоставлении ему отпуска, военный суд полагает, что они являются недостаточными для отмены судебного решения и не подлежат удовлетворению, поскольку указанное решение Большой палаты ЕСПЧ в отношении Маркина о признании допущенного в отношении него властями России нарушения Конвенции, с учетом места решений ЕСПЧ в правовой системе Российской Федерации, не требует дополнительного подтверждения судебным решением российского суда общей юрисдикции в рамках пересмотра дела по новым обстоятельствам». Таким «искусным» способом суд вместо того, чтобы признать преюдициальность постановления ЕСПЧ, пришел к выводу, что обязательность постановления ЕСПЧ избавляет его от необходимости оценивать

³⁶¹ Ковлер А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека. М., 2019. С.252.

незаконность действий командира войсковой части... И ввиду их очевидности нет оснований для отмены решения суда, которыми они были признаны законными (мы позволили себе здесь довести мысль суда до логического конца).

По всей видимости, должна быть какая-то ценность в незаконном решении, если его так упорно защищал суд. Мы полагаем, что в данном случае нельзя было ссылаться на принцип правовой определенности, поскольку оставление в законной силе судебного решения, содержащего в себе нарушение фундаментальных прав и свобод человека, было бы закреплением «неправовой определенности», что противоречит предназначению правового государства и его публичному порядку³⁶². Полагаем, что здесь судом была допущена явная ошибка и не единственная.

Суд первой инстанции также сделал ошибочный вывод о том, что поскольку «в удовлетворении заявленного в ЕСПЧ требования Маркина о возмещении материального ущерба в сумме 59 855 руб. 12 коп., состоящего из надбавок, которые он получил бы, если бы не подвергся дисциплинарным взысканиям за отсутствие на рабочем месте во время отпуска по уходу за ребенком, постановлением Большой палаты ЕСПЧ (пп. 165, 167) было отказано», то это с учетом выплат морального вреда может свидетельствовать об отсутствии необходимости пересмотра в связи с полным исполнением постановления ЕСПЧ. Безусловно, этот подход ошибочен, поскольку ЕСПЧ отказал в возмещении материального вреда всего лишь в связи с непредоставлением доказательств, а не потому, что самого вреда не было. Соответственно, здесь отказ в возмещении материального вреда не создавал для российского суда преюдицию. К тому же право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, защищается ст. 53 Конституцией РФ, и суд это просто проигнорировал.

³⁶² Султанов А. Р. Находится ли защита прав и свобод человека в коллизии с правовой определенностью? // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2. С. 60–64.

Вот если бы ЕСПЧ принял решение о возмещении материального вреда, то в данной части можно было бы утверждать о наличии преюдиции. Однако в любом случае *восстановление первоначального правового положения является правилом, цель которого заключается в создании по мере возможности у заявителя тех прежних условий, как если бы соблюдались требования Конвенции только тогда можно говорить об окончании конвенционального охранительного правоотношения.*

Если посмотреть на данное решение через призму вышеприведенного Постановления Пленума Верховного Суда РФ, то становится ясно, что суд должен был увидеть причинно-следственную связь между установленным ЕСПЧ деликтом и судебным решением, что было сделано. Следующее, что суд должен был проверить, – это невозможность восстановления нарушенных прав в полном объеме Постановлением ЕСПЧ и отсутствие действий государственных органов, восстановивших нарушенные права и свободы после вынесения Постановления ЕСПЧ. Здесь суд явно промахнулся и, установив невозможность восстановления в части материального вреда, счел это обстоятельством, доказывающим полное исполнение Постановления ЕСПЧ. Что касается оценки действий государственных органов, направленных на восстановление нарушенных прав, то суд признал таковыми действия, осуществленные до вынесения Постановления ЕСПЧ и бывшие предметом его оценки. Здесь суд фактически стал спорить с оценкой ЕСПЧ, этой ошибки он мог бы избежать, если бы стал исследовать именно действия, направленные на исполнение Постановления ЕСПЧ, которых, впрочем, не было. Европейский Суд также должен был оценить, не противоречит ли решение суда Конвенции по существу; осуществление такой оценки, безусловно, привело бы суд к пониманию того, что действия командира части противоречили Конвенции, как и решение суда. Даже рассмотрение вынесенного решения даже через призму Постановления Пленума Верховного Суда РФ, фактически изменившего процедуру пересмотра, показывает ошибочность данного решения.

Нас не удивило, что Ленинградский окружной военный суд отменил определение суда первой инстанции. В определении от 15 ноября 2012 г. № 644-АГ он указал, что «ссылки в определении гарнизонного военного суда на то, что отсутствие в постановлении Европейского Суда по правам человека указания на необходимость совершения Российской Федерацией каких-либо иных действий по восстановлению прав Маркина, кроме выплаты ему денежной компенсации морального вреда, как на основание к отказу в пересмотре судебного постановления, ошибочны... Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 года по делу *Константин Маркин против Российской Федерации* являлось новым обстоятельством, обязывающим суд первой инстанции в силу пункта 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ пересмотреть решение Пушкинского гарнизонного военного суда от 14 марта 2006 года. Выводы суда первой инстанции, касающиеся возможности восстановления нарушенных прав заявителя, подлежат оценке при новом рассмотрении дела и не могли быть предметом оценки суда в порядке главы 42 ГПК РФ. Механизм преодоления противоречий в позициях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по одному и тому же вопросу нормами международного и внутреннего права действительно не урегулирован. В то же время наличие такого пробела в данном случае не могло служить поводом к отказу в пересмотре судебного постановления по новым обстоятельствам». Здесь мы полагаем возможным обратить внимание на то, что суд второй инстанции согласился с судом первой инстанции в том, что коллизии между правовыми позициями Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ не входят в предмет исследования при пересмотре по новым обстоятельствам.

Заявление К. А. Маркина о пересмотре по новым обстоятельствам решения Пушкинского гарнизонного военного суда от 14 марта 2006 г. было удовлетворено, и данное решение было отменено, а дело было передано для

рассмотрения по правилам ГПК РФ в Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд³⁶³.

Запрос о проверке конституционности п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 во взаимосвязи со ст. 11 ГПК РФ Президиума Ленинградского окружного военного суда нас более чем удивил – прежде всего тем, что четыре судьи Президиума продемонстрировали незнание процедуры пересмотра по новым обстоятельствам, а также того, что входит в предмет исследования при рассмотрении заявления о пересмотре по новым обстоятельствам.

В частности, Президиум Ленинградского окружного военного суда в своем запросе указал нормы, которые не подлежали применению – п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ: «признание Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации закона, примененного в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Конституционный Суд Российской Федерации». В данной норме говорится всего лишь о правовых последствиях признания Конституционным Судом РФ закона не соответствующим Конституции. Данная норма применяется лишь по заявлению о пересмотре лица, обращающегося в суд с заявлением и указывающего данную норму в качестве основания для пересмотра. Во всех остальных случаях данная норма применению не подлежит, тем более не подлежит применению ст. 11 ГПК РФ, в которой речь идет все же о применении материального права.

Возможно, Президиум принял позицию командира воинской части и согласился, что Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы в конституционном судопроизводстве должно быть правопрепятствующим юридическим фактом для пересмотра по новым обстоятельствам в гражданском судопроизводстве, когда в качестве пересмотра указаны иные новые обстоятельства. Однако это не следует ни из ГПК РФ, ни из

³⁶³ URL: http://leningradskyovs.spb.sudrf.ru/modules.php?nc=1&name=sud_delo&op=doc&number=14758911&delo_id=5.

ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

По всей видимости, Президиум Ленинградского окружного военного суда также не учел, что при рассмотрении вопроса о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам рассматривается лишь процессуальный вопрос, а не разрешается материально-правовой спор, который все же разрешается уже после отмены решения при новом рассмотрении дела по существу, когда, собственно говоря, и мог возникнуть вопрос о коллизиях правовых позиций.

Отчасти об ошибочном представлении Президиума Ленинградского окружного военного суда свидетельствует его ссылка в запросе на ст. 11 ГПК РФ. Общеизвестно, что ст. 11 ГПК посвящена источникам норм материального права, применяемого при рассмотрении гражданских дел, а не при разрешении процессуального вопроса о пересмотре по новым обстоятельствам. Даже когда в ГПК РФ отсутствовали нормы, предусматривавшие возможность пересмотра судебного решения в связи с Постановлением ЕСПЧ, лица, пытавшиеся добиться такого пересмотра, ссылались на положения ст. 1 ГПК РФ, а не ст. 11 ГПК РФ, которая в данной ситуации была неприменима.

Таким образом, в запросе, направленном в Конституционный Суд РФ, ставился вопрос о конституционности норм, которые не подлежали применению при рассмотрении заявления Маркина. Соответственно, оснований для обращения в Конституционный Суд РФ на основании ст. 125 Конституции РФ у Президиума не было.

Нам могут возразить и указать, что в ст. 102 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» закреплено, что «запрос суда допустим, если закон подлежит, по мнению суда, применению в рассматриваемом им конкретном деле». Действительно, из данной нормы можно предположить, что мнение суда о применимости нормы в рассматриваемом им конкретном деле связывает Конституционный Суд РФ. Однако если наше мнение ошибочно и нужно придерживаться другого толкования нормы, то такой подход к толкованию нормы создавал бы возможность судов под видом оспаривания норм, подлежащих применению в деле, обращаться фактически в порядке абстрактного

нормоконтроля.

Отметим, что Конституционный Суд РФ придерживается аналогичного подхода. В частности, при рассмотрении запроса Высшего Арбитражного Суда РФ Конституционный Суд РФ сделал вывод, что ряд оспариваемых норм, указанных в запросе Президиума ВАС РФ, не подлежал применению, и сузил предмет рассмотрения, указав, что «в данном случае ... фактически означала бы его проверку в порядке абстрактного нормоконтроля на основании статьи 125 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Соответственно, производство по настоящему делу в этой части в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит прекращению»³⁶⁴.

Коль скоро нормы, на которые сослался Президиум Ленинградского окружного военного суда в своем запросе, не подлежали применению в процессе рассмотрения заявления о пересмотре по новым обстоятельствам, то запрос являлся попыткой поставить перед Конституционным Судом РФ вопрос в порядке абстрактного нормоконтроля, что находится за пределами компетенции данного суда, – такой запрос может направить лишь Пленум Верховного Суда РФ. Конечно же, такой запрос не подлежал принятию к рассмотрению Конституционным Судом РФ, но раз он уже принят, то производство по нему должно быть прекращено³⁶⁵.

Анализируя запрос Президиума Ленинградского окружного военного суда,

³⁶⁴ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П.

³⁶⁵ *Ковлер А. И.* Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. М., 2015. С. 19–64.

мы обнаружили, что в тексте запроса несколько искажено содержание судебных актов первой и второй инстанции.

Так, в запросе было указано: суд первой инстанции счел, что разрешение противоречий в позициях Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, к тому же имевших место на фоне изменения ЕСПЧ своей практики по указанному вопросу на примере ранее вынесенного постановления от 27 марта 1998 г. по делу *Петрович против Австрии*³⁶⁶, не входит в его компетенцию. Однако суд первой инстанции все же указал, что этот вопрос не входит в его компетенцию *при решении вопроса о необходимости пересмотра судебного решения по делу Маркина по новым обстоятельствам, в связи с чем не является предметом рассмотрения и оценки по данному делу*. То есть суд первой инстанции исходил из того, что разрешение противоречий в применении материального права не входит в круг исследования при рассмотрении заявления о пересмотре по новым обстоятельствам. Президиум Ленинградского окружного военного суда же попытался это преподнести как неспособность суда правильно разрешить дело из-за противоречий, разрешение которых не относится к его компетенции.

Президиум в своем запросе искажил не только определение суда первой инстанции, но и определение суда второй инстанции. Суд и первой, и второй инстанций лишь отклонял довод командира воинской части, Президиум же в своем запросе изложил это в другом ключе: «...суд апелляционной инстанции также констатировал наличие законодательного пробела в урегулировании противоречий в позициях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по одному и тому же вопросу при рассмотрении конкретного гражданского дела по правилам, установленным ст. 396 ГПК РФ. В то же время в отличие от суда первой инстанции судебная коллегия окружного военного суда не посчитала наличие такого законодательного пробела достаточным основанием

³⁶⁶ Однако из Постановления ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. по делу *Hulea v. Romania* (Хуля против Румынии, жалоба № 33411/05) следует, что в ЕСПЧ сложилась единообразная судебная практика на основе Постановления Большой палаты по делу *Маркина*.

для отказа Маркину в пересмотре его дела по новым обстоятельствам».

Однако суды первой и второй инстанций были единодушны в вопросе о том, что наличие правовых коллизий между правовыми позициями Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ не влияет на разрешение вопроса о пересмотре по новым обстоятельствам.

То есть ошибочное суждение о том, что применение норм материального права, что входит в компетенцию суда при рассмотрении процессуального вопроса о пересмотре по новым обстоятельствам, было суждением только Президиума Ленинградского окружного военного суда, а не суда первой инстанции. На наш взгляд, вышеуказанного анализа было бы вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод о необходимости прекращения дела по запросу Президиума в Конституционном Суде РФ.

Однако есть несколько моментов в запросе Президиума Ленинградского окружного военного суда, которые мы все же хотели бы прокомментировать. В частности, Президиум указывает, что «в системе гражданского процессуального права Российской Федерации постановления Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека равнозначны при решении вопроса о пересмотре вступивших в законную силу решений по гражданским делам по новым обстоятельствам, о чем свидетельствует содержание пунктов 3 и 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ».

Полагаем, что здесь Президиум все же ошибался, поскольку если следовать данной логике, то и правовые позиции Верховного Суда РФ также являются равнозначными правовым позициям вышеуказанных судов исходя из того, что в п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ правовые позиции Верховного Суда РФ обозначены в качестве новых обстоятельств, являющихся основанием для пересмотра судебных решений.

На самом деле такое сравнение ошибочно. Несмотря на, безусловно, имеющееся сходство значения правовых позиций Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, предмет их исследования все же разный. Когда мы пытаемся сравнивать разные вещи, находящиеся в разных плоскостях, то можно легко совершить

ошибку.

Безусловно, и Конституционный Суд РФ, и ЕСПЧ служат для защиты от несправедливости. Но позволим себе снова процитировать Ф. Бэкона: есть три источника несправедливости: явное насилие, злостное улавливание в сети под предлогом закона и жестокость самого закона³⁶⁷.

У каждого из судов свое предназначение. Так, Конституционный Суд РФ устраняет лишь несправедливость, выраженную принятием неконституционных законов, всякая другая несправедливость, указанная в жалобе в Конституционный Суд РФ не будет рассмотрена, поскольку устранение иной несправедливости, кроме той, которая вызвана неконституционностью законов, находится за пределами компетенции суда.

Европейский Суд защищает от несправедливости, вызванной нарушением прав и свобод человека, защищаемых Конвенцией. И он защищает от всех трех источников несправедливости, указанных Ф. Бэконом.

«Сито», через которое ЕСПЧ «просеивает» жалобы, предназначено для того, чтобы не упустить из виду несправедливость всякого рода. При этом тот факт, что несправедливость была совершена на основании конституционного закона, не исключает возможности дальнейшего внимательного рассмотрения жалобы. Действительно, ЕСПЧ, установив, что было вмешательство в защищаемые Конвенцией права и свободы, проверяет вначале, было ли вмешательство осуществлено на основании закона, а затем – соответствует ли примененный закон требованию «качество закона».

Толкование выражения «предусмотрено законом» было тщательно проанализировано в судебной практике ЕСПЧ и сформулировано следующим образом (см. п. 95 Постановления Большой палаты ЕСПЧ по делу *S. and Marper v. the United Kingdom* (*С. и Марпер против Соединенного Королевства*, жалобы № 30562/04 и 30566/04): ЕСПЧ напоминает, что в соответствии с его прочно

³⁶⁷ Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон. URL: http://www.ruslib.com/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_Piece40.26.

установившейся практикой формулировка «предусмотрено законом» предписывает, что оспариваемая мера должна в определенной степени быть основана на национальном законодательстве и соответствовать принципу верховенства права. Именно это ясно указано в преамбуле Конвенции и является неотъемлемой составляющей цели и задач ее ст. 8. Таким образом, закон должен быть в надлежащей мере доступен и предсказуем, т. е. сформулирован достаточно точно, чтобы гражданин мог – при необходимости с надлежащей помощью – соотносить с ним свое поведение. Чтобы удовлетворять этим требованиям, национальное право должно предусматривать надлежащую правовую защиту от произвола и, соответственно, устанавливать с достаточной ясностью пределы полномочий, предоставленных компетентным органам власти, и порядок их реализации (см. п. 66–68 Постановления ЕСПЧ от 2 августа 1984 г. по делу *Malone v. the United Kingdom* (Малоун против Соединенного Королевства. Серия А. № 82, п. 55 Постановления Большой палаты ЕСПЧ по делу *Rotaru v. Romania* (Ротару против Румынии, жалоба № 28341/95, ЕСПЧ 2000-V) и п. 56 вышеуказанного Постановления Большой палаты ЕСПЧ по делу *Amann (v. Switzerland)* (Аманн (против Швейцарии)).

Но даже вывод о том, что вмешательство в права и свободы было предусмотрено законом, не является основанием для прекращения дальнейшего анализа, т. е. не является ключевым. Более того, в ряде случаев ЕСПЧ может счесть, что анализ на предмет того, было ли вмешательство «предусмотрено законом», и не нужен, когда установит нарушение других критериев, таких как:

– «являлось ли вмешательство необходимым в демократическом обществе или нет»;

– преследовало ли вмешательство в права заявителей «законную цель»;

– соразмерность между установленными ограничениями и законной целью.

Например, в Постановлении от 6 июня 2013 г. по делу *Авилкина и другие против Российской Федерации* (жалоба № 1585/09) ЕСПЧ фактически вынес суждение о том, что имело место нарушение ст. 8 Конвенции на основании того,

что отсутствовала необходимость вмешательства в демократическом обществе, не оценивая по критерию «предусмотрено законом»³⁶⁸.

Надо отметить, что в Постановлении Большой палаты ЕСПЧ одним из ключевых моментов, на котором Суд счел необходимым акцентировать внимание, было то, «что заявитель, служивший в должности оперативного дежурного группы боевого управления, мог быть заменен другими военнослужащими любого пола. Знаменательно, что подобные должности в войсковой части заявителя часто занимали военнослужащие-женщины и что его самого заменяли при исполнении его обязанностей военнослужащие-женщины. В то же время военнослужащие-женщины имели безусловное право на трехлетний отпуск по уходу за ребенком. Заявитель в противоположность этому не имел такого права только потому, что был мужчиной и, таким образом, подвергался дискриминации по признаку пола».

Здесь ключевыми были фактические обстоятельства, которые не были оценены в Определении Конституционного Суда РФ, поскольку Конституционный Суд РФ все же суд права, а не факта.

Соответственно, пытаясь противопоставить правовые позиции Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ в своем запросе, Президиум просто очень сильно «не договаривал» и искажал реальные правоотношения, создавая проблему «законодательного пробела в регулировании противоречий между правовыми позициями ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ» и затем оспаривая этот пробел в Конституционном Суде РФ.

Запрос Президиума в данном случае был не просто запросом в порядке абстрактного нормоконтроля, а скорее просьбой о восполнении пробела, не имеющего значения для разрешения вопроса о пересмотре по новым обстоятельствам.

³⁶⁸ Султанов А. Р. Комментарий к постановлению Европейского Суда по правам человека по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации» // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 25–30.

Настаивая на наличии непреодолимых противоречий, всегда можно попасть в неудобную ситуацию, когда кто-то просто покажет, что существует взаимоприемлемое решение. Конечно же, всем хочется быть правыми, но быть правым «во чтобы то ни стало» – это подход очень неправового человека. Человек, у которого достаточно правоты, может признать свою неправоту и согласиться с тем, что может существовать взаимоприемлемое решение.

Тем не менее запрос был принят Конституционным Судом РФ к рассмотрению и 6 декабря 2013 г. Суд вынес Постановление № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда».

Надо отметить, что подход Конституционного Суда РФ был весьма взвешенным. В данном Постановлении он признал, что п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ во взаимосвязи с ч. 1 и 4 его ст. 11 не могут рассматриваться как не позволяющие суду общей юрисдикции начать производство по пересмотру по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного постановления по гражданскому делу, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, в случае, когда до вынесения ЕСПЧ окончательного постановления, констатирующего нарушение Конвенции при рассмотрении данного дела, жалоба того же заявителя в Конституционный Суд РФ на нарушение его конституционных прав законоположениями, примененными в этом деле судом общей юрисдикции, была признана не отвечающей критерию допустимости.

Одновременно в Постановлении было отмечено, что «тот факт, что ранее КС РФ признал жалобу гражданина не отвечающей критерию допустимости в связи с отсутствием нарушения его конституционных прав законоположениями, примененными в его конкретном деле, *не может служить препятствием для принятия им к рассмотрению запроса суда общей юрисдикции*, который по заявлению того же гражданина осуществляет в порядке п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ пересмотр вступившего в законную силу судебного постановления, основанного

на этих законоположениях, которым ЕСПЧ была дана оценка как влекущим нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом если в ходе конституционного судопроизводства рассматриваемые законоположения будут признаны не противоречащими Конституции РФ, КС РФ – имея в виду, что *для суда общей юрисдикции в любом случае исключается отказ от пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления как процессуальной стадии, обусловленной, в частности, вынесением постановления ЕСПЧ, – в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления ЕСПЧ».*

Таким образом, можно утверждать, что в данном деле фактически рассматривался не вопрос о соответствии оспариваемых норм ГПК РФ Конституции РФ, а запрос в порядке абстрактного нормоконтроля³⁶⁹ о компетенции суда обратиться в Конституционный Суд РФ и о компетенции Конституционного Суда РФ принять к своему рассмотрению запрос о проверке конституционности нормы, который ранее был отклонен как не соответствующий критерию допустимости.

Основной вывод Конституционного Суда РФ – это новое прочтение ст. 101 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». В резолютивной части Постановления было указано: «В случае, если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ без признания не соответствующими Конституции РФ законоположений, относительно которых ранее КС РФ констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле, он правомочен приостановить производство и обратиться в КС РФ с запросом о проверке конституционности этих законоположений».

Безусловно, в данной части Постановления идет толкование неоспоренных положений ГПК РФ. Тем более, что в ГПК РФ, как ни удивительно, вообще нет

³⁶⁹ Что было за пределами компетенции Президиума Ленинградского окружного военного суда.

положений об обращении в КС РФ, а есть лишь нормы о приостановлении производства по делу при направлении запроса в КС РФ (ст. 215 ГПК РФ).

В рамках исполнения данного Постановления был принят Федеральный конституционный закон от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“», которым, в частности, ст. 101 была дополнена следующим текстом: «Суд при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека³⁷⁰ решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона».

Таким образом, данное Постановление не повлияло на процедуру пересмотра судебного решения по новым обстоятельствам, предусмотренную ГПК РФ, при установлении ЕСПЧ нарушения положений Конвенции при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, а лишь расширило компетенцию судов по обращению в Конституционный Суд РФ и компетенцию Конституционного Суда РФ по рассмотрению запросов судов. Как отмечают судьи Конституционного Суда РФ – в данном деле Конституционный Суд не имел ввиду, прямо и ли косвенно, отказ постановлением Страсбургского суда в обязательности³⁷¹.

³⁷⁰ Полагаем необходимым акцентировать внимание на этом моменте – законодатель не стал ограничиваться решениями ЕСПЧ, а указал: «решения межгосударственных органов по защите прав и свобод человека». Такой подход более соответствует ч. 3 ст. 46 Конституции РФ.

³⁷¹ *Арановский К. В., Князев С. Д.* Исполнение актов ЕСПЧ в позициях конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами // Закон. 2019. № 6. С. 43.

Данное Постановление фактически создало возможность для устранения из правового поля нормы, которая уже была предметом обжалования в Конституционный Суд РФ, но о конституционности которой не выносилось постановление, а было отказано в рассмотрении жалобы, в том числе в случае, когда Конституционный Суд РФ счел, что нет неопределенности в соответствии Конституции оспоренной нормы. Хотя такая возможность была создана только для случаев, когда жалоба заявителя удовлетворена межгосударственным органом; раньше такая возможность отсутствовала, поскольку Конституционный Суд РФ отклонял повторные жалобы как недопустимые.

Председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным данное Постановление было в последующем охарактеризовано как решение, позволившее найти соответствующий Конституции процедурный механизм имплементации решений ЕСПЧ в российскую судебную практику в ситуации конфликта толкований между Европейским Судом и Конституционным Судом РФ³⁷².

³⁷² Зорькин В.Д. Проблемы реализации конвенции о правах человека. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72> (дата обращения: 23.10.2015).

3.3. Влияние рассмотрения в Конституционном Суде РФ запроса группы депутатов «О проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» на гражданский процесс

11 июня 2015 г. группа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ (всего 93 депутата) направила запрос о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации».

Если коротко описать суть запроса, то его можно свести к утверждению того, что оспоренные нормы, по мнению депутатов, обязывают суды и иные государственные органы безусловно выполнять решения ЕСПЧ даже вопреки российскому Основному Закону, и в результате правоприменитель поставлен в безвыходную ситуацию, поскольку такая коллизия может оказаться неразрешимой, что, по мнению депутатов, является основанием для признания оспариваемых норм не соответствующими Конституции РФ (ч. 1, 2 и 4 ст. 15).

Рассмотрим прежде всего вопрос о возможности оспаривания и постановки перед Конституционным Судом РФ вопроса о конституционности ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

Итак, группа Депутатов Государственной Думы РФ оспаривала соответствие Конституции РФ ст. 1 указанного Федерального закона, как если бы ранее уже не было попыток депутатов Государственной Думы РФ оспаривать ратификационные законы.

В своем Определении от 2 июля 2013 г. № 1055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года» Конституционный Суд РФ разъяснил, что «проверка Конституционным Судом Российской Федерации конституционности федерального закона о ратификации международного договора... по общему правилу, может быть осуществлена лишь до момента вступления данного международного договора в силу... Иное не только противоречило бы общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda* и ставило под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя международных обязательств, в том числе вытекающих из Венской конвенции о праве международных договоров, но и противоречило бы статье 125 (пункт «г» части 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующим ее положениям подпункта «г» пункта 1 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми Конституционный Суд Российской Федерации уполномочен разрешать дела о соответствии Конституции Российской Федерации лишь не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации».

Полагаем, что в рассматриваемом случае данная правовая позиция также подлежала применению. Тем более что на самом деле группа депутатов, оспаривая конституционность федерального закона, фактически оспаривала само содержание международного договора.

Это следует из того, что текст запроса был сформулирован следующим образом: «статья 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите

прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30.03.1998 № 54-ФЗ, в которой подтверждается признание Российской Федерацией *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикции Европейского Суда, должна быть признана несоответствующей Конституции Российской Федерации в той части, в которой указанная норма позволяет признавать и исполнять на территории Российской Федерации судебные акты ЕСПЧ, вступающие в противоречие с нормами Конституции Российской Федерации и решениями Конституционного Суда Российской Федерации».

Так вот, фраза о признании *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикции ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней является ни чем иным, как воспроизведением ст. 46 Конвенции в редакции, существовавшей до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции, в которой говорилось, что «Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может в любое время заявить, что она признает *ipso facto* и без специального соглашения обязательную юрисдикцию Суда в отношении вопросов, относящихся к толкованию и применению настоящей Конвенции».

Соответственно, в данном случае, безусловно, была скрытая попытка оспорить часть международного договора, причем в уже недействующей редакции. Не можем не напомнить, что в настоящее время Конвенция действует в редакции Протокола № 14, который был ратифицирован Федеральным законом от 4 февраля 2010 г. № 5-ФЗ «О ратификации Протокола № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящего изменения в контрольный механизм Конвенции, от 13 мая 2004 года». В новой редакции ст. 46 Конвенции содержится следующее правило: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами».

Более того, запрос группы депутатов основан на ошибочном предположении, что обязательность постановлений ЕСПЧ следует только из ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Однако такой подход основан на

игнорировании Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в ч. 3 ст. 6 которого закреплено, что «обязательность на территории Российской Федерации постановлений... международных судов... определяется международными договорами Российской Федерации». Эта норма не могла быть оспорена группой депутатов, но фактически она ставилась под сомнение, что, на наш взгляд, являлось основанием для отказа в рассмотрении запроса депутатов.

В качестве обоснования для запроса депутаты приводили Постановления ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. и от 31 июля 2014 г. по делу *ОАО «НК „ЮКОС“» против России*, а также от 4 июля 2013 г. по делу *Анчугов и Гладков против РФ*, полагая, что данные постановления ЕСПЧ противоречат постановлениям Конституционного Суда РФ и даже самой Конституции РФ.

Соответственно, группа депутатов утверждала, что российские суды и иные государственные органы должны безусловно исполнять решения ЕСПЧ, даже вопреки Конституции РФ, и что отсутствует какой-либо механизм разрешения правовой коллизии.

Жаль, что группа депутатов забыла, что Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» были внесены изменения в ст. 101 ФКЗ и тем самым были расширены основания для обращения судов с запросами в Конституционный Суд РФ: «Суд при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона».

Кроме того, утверждая, что отсутствует механизм решения коллизии, авторы запроса забыли о механизме, предложенном в Постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда». В данном Постановлении предусмотрено не только обращение в Конституционный Суд РФ на стадии исполнения постановления ЕСПЧ, но также и то, что в ситуации, когда в ходе конституционного судопроизводства рассматриваемые законоположения будут признаны не противоречащими Конституции РФ, Конституционный Суд РФ – имея в виду, что для суда общей юрисдикции в любом случае исключается отказ от пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления как процессуальной стадии, обусловленной, в частности, вынесением постановления ЕСПЧ, – в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления Европейского Суда.

Но даже при наличии такого механизма группа депутатов настаивала на признании неконституционными ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, что могло быть расценено не только как постановка вопроса, уже разрешенного Конституционным Судом РФ, но и как попытка пересмотра уже вынесенного постановления Конституционного Суда РФ.

Причем часть оспоренных в запросе депутатов норм процессуальных кодексов регулировала лишь вопросы о применении норм материального права, притом что приоритет норм международного права закреплен непосредственно в материально-правовых законах (например, ст. 7 ГК РФ).

Более того, оспоренные процессуальные нормы воспроизводили положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о том, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Соответственно, попытку их оспаривания можно было рассматривать как скрытую попытку

критики положений Конституции РФ, попытку ревизии основ конституционного строя Российской Федерации в непредусмотренной Конституцией РФ процедуре³⁷³.

Кроме того, необходимо отметить, что попытка связать указанные нормы (о приоритетном применении норм международного права) с нормами о пересмотре по новым и вновь открывшимся обстоятельствам ошибочна, поскольку, как мы уже отмечали, нормы материального права не применяются при разрешении вопроса о пересмотре по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Общеизвестно, что производство по вновь открывшимся и новым обстоятельствам состоит из двух стадий, где на первой стадии суд рассматривает заявление о пересмотре по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, проверяя наличие обстоятельств, с которыми законодатель предусмотрел возможность пересмотра.

Мы уже писали об этом выше, но полагаем уместным повторить, что когда суд рассматривает заявление о пересмотре по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, *он лишь устанавливает ранее неизвестные суду и заявителю обстоятельства и определяет степень их влияния на правильность вынесенного решения*. В п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» разъяснено, что «в соответствии со статьей 396 ГПК РФ суд рассматривает указанное заявление, представление в судебном заседании, исследует доказательства, представленные в подтверждение наличия вновь открывшихся или новых обстоятельств по делу, заслушивает объяснения участвующих в деле лиц, совершает иные необходимые процессуальные

³⁷³ Положения ст. 15 Конституции РФ входят в число основ конституционного строя Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией (ст. 16 Конституции РФ).

действия, которые должны быть отражены в протоколе судебного заседания». То есть данная часть – чисто техническая, в ходе которой рассматривается сугубо процессуальный вопрос о наличии вновь отрывшихся или новых обстоятельств, о доказанности наличия этих обстоятельств, с которыми законодатель связывает возможность пересмотра и то, что они могли оказать существенное влияние на результат рассмотрения дела.

На этой стадии, как уже говорилось, суд вправе лишь отменить судебное решение либо отказать в рассмотрении, но он не рассматривает дело по существу и не исследует новые доказательства, не разрешает вопрос о применимом материальном праве.

Следующая стадия – это новое рассмотрение дела, которое в случае отмены судебного постановления осуществляется судом по правилам судопроизводства в суде первой инстанции, где и разрешается вопрос о применимом материальном праве, в том числе и возможность обращения в Конституционный Суд РФ при наличии сомнений в конституционности норм.

Эти азбучные истины могли и должны были быть учтены при обращении в Конституционный Суд РФ.

Однако это еще не главная ошибка авторов запроса. Они настаивали на признании неконституционными норм процессуальных кодексов, ссылаясь в качестве примера на Постановления ЕСПЧ по делу *ОАО «НК „ЮКОС“» против России* и по делу *Анчугов и Гладков против РФ*, притом что проблемы исполнения данных постановлений никоим образом не связаны с применением процессуальных норм. Специально ознакомившись с карточкой по делу, которое легло в основу обращения в ЕСПЧ, мы не увидели, что кто-то обращался с заявлением о пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в Арбитражный суд города Москвы по делу «ЮКОСа». Более того, полагаем, что это дело и не могло быть пересмотрено – сложившаяся судебная практика такова, что если сторона спора ликвидирована, то производство по жалобе или заявлению о пересмотре прекращается со ссылкой на ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Насколько

правильна такая практика³⁷⁴, не так важно для данного дела, поскольку, собственно говоря, обращения о пересмотре не было.

Кроме того, как правильно отметил представитель МИД России, выступавший в Конституционном Суде РФ, Постановление ЕСПЧ 2011 г. по жалобе «ЮКОСа» Россией не было обжаловано, поскольку российские власти признали его справедливым.

На наш взгляд, вопрос о размере компенсации, присужденной ЕСПЧ по делу «ЮКОСа», не мог являться основанием для оспаривания процессуальных норм, тем более что данный вопрос прежде всего тесно связан с оценкой фактических обстоятельств, а не вопроса о применимом праве.

Что касается второго дела, то внимательное ознакомление с текстом Постановления ЕСПЧ по делу *Анчугов и Гладков против РФ* привело нас к выводу, что к моменту вынесения Постановления оба заявителя уже были на свободе, и поэтому их попытка пересмотра судебного акта не была бы успешной – ведь в настоящее время их права не нарушены и они могли участвовать в выборах. Можно утверждать, что их освобождение одновременно стало правопрепятствующим юридическим фактом в требовании ранее вынесенных судебных актов, поскольку их право на голосование было восстановлено в момент их освобождения. Напомним, что Верховный Суд РФ разъяснил, что судебный акт подлежит пересмотру в том случае, если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта.

Хотя в судах общей юрисдикции поиск информации более сложен, мы попробовали найти информацию об их попытках пересмотра судебных актов, но не нашли таковых. Таким образом, для постановки вопроса о конституционности процессуальных норм о пересмотре судебных актов не было оснований.

³⁷⁴ См.: По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. А. Татарникова : Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 2015 г. № 25-П.

Толкование конституционных норм о запрете голосования могло быть лишь при наличии соответствующего повода, запроса или жалобы, однако такой запрос в Конституционный Суд РФ не поступал.

Действительно, в деле Анчугова и Гладкова Европейский Суд, следуя устоявшейся судебной практике (*Херст против Соединенного Королевства* (№ 2)), признал, что закрепленный российским законодательством неизбирательный запрет участвовать в парламентских выборах в качестве избирателей для всех осужденных, приговоренных к лишению свободы, нарушает ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции. Но нельзя признать, что такой неизбирательный запрет предусмотрен Конституцией РФ. Часть 3 ст. 32 Конституции РФ предусматривает, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Однако указание на приговор суда в российской конституционной норме вполне может означать, что запрет участвовать в выборах в качестве избирателя может быть индивидуальным наказанием, налагаемым судом, вынесшим приговор. Поскольку Европейский Суд не требует предоставления права голоса всем заключенным (*Скоппола против Италии* (№ 3)), законодатель вправе предусмотреть категоризацию и (или) индивидуализацию наказания в виде лишения права голоса (вынесение такого наказания за совершение определенных видов преступлений с учетом конкретных обстоятельств каждого дела)³⁷⁵.

Запрет на голосование для всех заключенных – это автоматическое признание асоциальности личности на весь период заключения, основанное на идее о том, что в заключении личность не социализируется. К сожалению, нередко можно встретить картину, когда попавший по глупости в места заключения выходит оттуда «обученным» преступником, который не видит себя в

³⁷⁵ Инициативное заключение Межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр „Мемориал“» по делу о проверке конституционности ряда положений федеральных законов, принятых в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

обществе, где деньги зарабатываются добросовестным трудом. Однако существуют программы, которые направлены на социализацию преступников и имеют целью вернуть в общество равноправного члена. Если такие программы будут реализовываться в России, то возможность принимать участие в голосовании могла бы быть для некоторых граждан возможностью почувствовать себя членом общества и мотивировала бы их на дальнейшее исправление.

Кроме того, сам Конституционный Суд РФ не единожды указывал, что установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего его лица, и применение мер ответственности без учета характеризующих личность виновного обстоятельств противоречили бы закрепленным в Конституции РФ запрету дискриминации и принципам справедливости и гуманизма³⁷⁶. Соответственно, вышеизложенный подход «Правозащитного центра „Мемориал“», быть может, и разумен? Однако эти рассуждения могли иметь отношение к делу, будь запрос направлен на оспаривание норм избирательного законодательства.

Таким образом, на наш взгляд, группой депутатов не было приведено достаточных фактов и доводов о неопределенности оспариваемых норм процессуальных кодексов.

Что касается п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, то его появление в ГПК РФ – это следствие исполнения Постановления Конституционного Суда РФ от 26 февраля

³⁷⁶ По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года „Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов“ в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П.

2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой». В данном Постановлении Конституционный Суд РФ указал: «... федеральный законодатель обязан – в целях единообразного и надлежащего правового регулирования, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом Российской Федерации, в том числе в настоящем Постановлении, – внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, с тем чтобы гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека»³⁷⁷.

Впрочем, еще даже до ратификации Конвенции Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова» разъяснял, что из ст. 46 (ч. 3) Конституции РФ, признающей за каждым право обращаться в соответствии с международными договорами России в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, следует, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации, и это,

³⁷⁷ Султанов А. Р. Новая веха в исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека: значение и правовые последствия Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4. С. 142–154.

следовательно, открывает дорогу для полномочий последних по повторному рассмотрению дела в целях изменения ранее состоявшихся по нему решений, в том числе принятых высшей внутригосударственной судебной инстанцией.

Таким образом, можно сделать вывод, что обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о неконституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ *не соответствовало критериям допустимости, а также что неопределенность оспариваемых норм отсутствовала*. Это, на наш взгляд, являлось основанием для прекращения производства по запросу группы депутатов, хотя, быть может, прав Полномочный представитель Президента РФ М. В. Кротов, который, не поддерживая запрос депутатов, утверждал, что необходимо признать оспариваемые нормы соответствующими Конституции РФ.

Что касается конституционности положений п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» об обязанности Президента РФ и Правительства РФ и других государственных органов принимать меры, направленные на обеспечение выполнения международных договоров Российской Федерации, то данные нормы лишь наделяют компетенцией, а обязательность международных договоров закреплена в ст. 5 данного Закона, согласно которой:

«1. Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью ее правовой системы.

2. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

3. Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно...».

Не всегда исполнение постановлений ЕСПЧ бывает легким и простым. Но мы полагаем, что наличие у России определенных трудностей при исполнении некоторых постановлений ЕСПЧ не является основанием ни для запроса о конституционности оспоренных норм, ни для их признания неконституционными. Кроме того, не являлся ли такой запрос попыткой обойти положения ст. 55 Конвенции, которой предусмотрен отказ от иных средств урегулирования споров по поводу толкования или применения положений Конвенции, и не использовать иные средства урегулирования спора, чем предусмотренные настоящей Конвенцией?

Однако в июне 2015 г. Конституционный Суд РФ принял жалобу к рассмотрению и назначил слушание.

Надо отметить, что выбор заявителем норм для оспаривания был очень похож на попытку ревизии процедуры пересмотра судебных решений в связи с постановлениями ЕСПЧ во всех процессуальных кодексах.

Особую остроту делу придавало то, как оно было поименовано на сайте Конституционного Суда РФ, – «Дело о применимости решений ЕСПЧ на территории РФ», что вполне можно было расценить как «дело о пересмотре обязательств России, вытекающих из ст. 46³⁷⁸ и 55³⁷⁹ Конвенции».

³⁷⁸ В ст. 46 Конвенции в редакции Протокола № 14, который был ратифицирован Федеральным законом от 4 февраля 2010 г. № 5-ФЗ «О ратификации Протокола № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящего изменения в контрольный механизм Конвенции, от 13 мая 2004 года» закреплено, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами».

³⁷⁹ В ст. 55 Конвенции сформулирован отказ от иных средств урегулирования споров по поводу толкования или применения положений Конвенции, чем предусмотренные в ней.

Примеры проблем в исполнении постановлений ЕСПЧ, приведенные депутатами в запросе, на наш взгляд, всего лишь подтверждали неосновательность запроса, поскольку данные проблемы никоим образом не были связаны с процедурой пересмотра судебного решения по новым обстоятельствам. Разрешение проблем исполнения либо неисполнения указанных постановлений ЕСПЧ не было связано с применением оспариваемых процессуальных норм – по одному делу стоял вопрос о выплате большой суммы, а по другому – вопрос о принятии общих мер.

Нам могут возразить, что запрос был подан в порядке абстрактного нормоконтроля. На что мы можем только указать, что именно «нормоконтроля», а не «пробелоконтроля» непоименованного в запросе нормативного акта³⁸⁰. Если быть честными, то суть запроса крылась все же не в оспоренных процессуальных нормах, а в новой попытке расширения компетенции Конституционного Суда РФ и создания/легитимации нового механизма для разрешения вопроса о неисполнении постановлений ЕСПЧ.

Давно известно, что «международные суды не связаны принципами внутригосударственного права...»³⁸¹, в свое время А. Я. Вышинский рьяно выступал против права разрешения давать толкования международным судам³⁸². Являлось ли данное обращение в Конституционный Суд РФ попыткой вернуться риторике советского прошлого?

³⁸⁰ Как мы полагаем, был оспорен пробел в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», хотя, быть может, правы те, кто придерживается точки зрения, что в данном деле рассматривался пробел ст. 125 Конституции РФ. Эта крамольная мысль подпитывается тем, что депутатам Государственной Думы проще было бы выйти с законопроектом о внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», но внесению такого законопроекта мешало бы четко очерченная компетенция Конституционного Суда РФ в ст. 125 Конституции РФ.

³⁸¹ *Хадсон О. М.* Международные суды в прошлом и будущем. М., 1947. С. 149.

³⁸² *Вышинский А. Я.* Вопросы международного права и международной политики. М., 1949. С. 376–380, 466.

Надо отметить, что Конституционный Суд РФ «воспользовался подачей» и «отыскал» новую свою компетенцию³⁸³ по разрешению конфликтов между национальным и наднациональным правом, возникающих при исполнении постановлений ЕСПЧ, отыскав такую компетенцию в ч. 2 ст. 118, ст. 125 во взаимосвязи со ст. 15 и 79 Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ продекларировал: «в РФ разрешение подобного рода конфликтных ситуаций возложено – в силу Конституции РФ – на Конституционный Суд РФ, который лишь в редчайших случаях считает возможным использовать «право на возражение» ради внесения своего вклада (вслед за коллегами из Австрии, Великобритании, Германии и Италии) в формирование сбалансированной практики ЕСПЧ, но не ради самоизоляции от его решений, которые отражают консенсус, выработанный государствами – участниками Конвенции, а исходя из необходимости конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ним. В таком контексте Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года № 27-П, так же как и настоящее Постановление, следует рассматривать как стремление избежать серьезных осложнений в отношениях России не только с ЕСПЧ, но и с Советом Европы в ситуации, при которой постановление ЕСПЧ предполагает внесение в российское законодательство изменений, чреватых нарушением

³⁸³ Поскольку этой компетенции в данных статьях мы не увидели, процитируем обоснование Конституционного Суда РФ: «как следует из статей 118 (часть 2) и 125 Конституции РФ во взаимосвязи с ее статьями 15 (части 1 и 4) и 79, по своей юридической природе подлежит разрешению в порядке конституционного судопроизводства. По смыслу действующего правового регулирования это возможно посредством толкования соответствующих положений Конституции РФ, осуществляемого КС РФ по официальному запросу уполномоченных субъектов в целях устранения неопределенности в понимании этих положений применительно к возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 125, часть 5, Конституции РФ; глава XIV Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ»)).»

закрепленных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, причем гораздо более существенным, нежели то, против которого возражал ЕСПЧ. Если Конституция РФ не позволяет согласиться с отдельным постановлением ЕСПЧ, КС РФ обязан отразить это несогласие в своем решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности³⁸⁴ он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция РФ. Свидетельством такого – основанного на Конституции РФ – подхода КС РФ является последовательная имплементация им положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений ЕСПЧ в российскую правовую систему. Более того, КС РФ признает значимость его деятельности по выявлению недостатков национального правового регулирования и по предложению путей к их устранению. Вместе с тем наличие в практике ЕСПЧ проблем, связанных с отступлением от принципа субсидиарности, создает, по мнению Конституционного Суда РФ, риск возникновения ситуаций, при которых ориентация на достаточно абстрактные нормы Конвенции может привести к игнорированию воли конституционного законодателя в

³⁸⁴ Или «Предел уступчивости», так называлась статья председателя КС РФ В. Д. Зорькина, в которой он писал: *«когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции о правах человека и тем более прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений. Именно через призму Конституции должна решаться и проблема соотношения постановлений КС и ЕСПЧ. Если нам навязывают внешнее „дирижирование“ правовой ситуацией в стране, игнорируя историческую, культурную, социальную ситуацию, то таких „дирижеров“ надо поправлять. Иногда самым решительным образом».* См.: Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Рос. газ. Федеральный выпуск 2010. 29 октября. № 5325 (246). URL: <http://www.coe.mid.ru/doc/Zorkin.htm> (дата обращения: 01.10.2015)

межгосударственной правовой конструкции, не предполагающей передачи ей такого элемента государственного суверенитета».

Не удивительно, что оспоренные нормы были признаны соответствующими Конституции РФ.

Фактически Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» дал новое толкование ст. 101 и 105 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» и ст. 125 Конституции РФ.

В то же время положения резолютивной части данного Постановления очень похожи на нормы: «...Суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре в установленном процессуальным законодательством порядке дела в связи с принятием ЕСПЧ постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ, обращается с запросом в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности этого закона; во всяком случае суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого ЕСПЧ было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица,

обязан приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке их соответствия Конституции РФ;

государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, – придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, – правомочны обратиться в Конституционный Суд РФ для решения вопроса о возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения данной Конвенции; в случае если Конституционный Суд РФ придет к выводу, что постановление ЕСПЧ, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции РФ, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению; Президент РФ, Правительство РФ – поскольку на них возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, – придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, правомочны обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании соответствующих положений Конституции РФ в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

По все видимости, Конституционный Суд РФ понимал, что такое нормотворчество может быть воспринято как критикуемый им же судебный активизм и выход за пределы своей компетенции. Соответственно, Конституционный Суд РФ принял меры по легитимации «данных норм», указав, что «не исключается правомочие федерального законодателя – исходя из требований Конституции РФ и с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в настоящем Постановлении, – предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда РФ и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ, в том числе в части мер общего характера».

Очевидно, что в качестве исполнения данного Постановления Конституционного Суда РФ следовало ожидать внесения изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», но не в процессуальные кодексы. Так оно и произошло.

Нас больше всего, конечно же, интересует насколько изменилось отношение к постановлениям ЕСПЧ в гражданском процессе в результате вынесения данного Постановления Конституционного Суда РФ.

Если можно говорить о некой «перезагрузке» во взаимоотношениях Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, то о «перезагрузке» в гражданском процессе отношения к постановлениям ЕСПЧ, говорить, на наш взгляд, все же нельзя.

Хотя, безусловно, данное Постановление можно расценивать как «монополизацию» Конституционным Судом РФ разрешения вопроса о неконвенционности норм или, точнее говоря, о лишении права судов применять нормы Конвенции как нормы прямого действия в случае, когда нормы российских нормативных актов противоречат Конвенции.

Такой подход является логическим продолжением политики, направленной на развитие возможности прямого применения норм Конституции РФ судами только в случае, когда не стоит вопрос о конституционности норм.

Ранее в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» содержались разъяснения о том, что «Суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности: ... б) когда суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории РФ до вступления в силу Конституции РФ, противоречит ей; в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции; г) когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, противоречит Конституции РФ, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует».

В настоящее время эти разъяснения исключены при принятии Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 „О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия“». Теперь суды должны применять нормы Конституции РФ при неконституционности нормативных актов только через обращение в Конституционный Суд РФ. С точки зрения того, что неконституционная норма будет сразу же дисквалифицирована для всего правового поля, такой подход логичен. В то же время это серьезное поражение положений Конституции РФ о прямом действии Конституции РФ.

Причем изъятие вышеуказанных разъяснений не увеличило статистику обращений с запросами судов в Конституционный Суд РФ.

Суду всегда было гораздо легче принять судебный акт, проигнорировав доводы о неконституционности, о применении Конституции РФ, нежели подготовить запрос в Конституционный Суд РФ. Они легко уходили от

обязанности обращения в Конституционный Суд РФ, указывая, что суд *должен прийти к выводу* о несоответствии Конституции РФ закона, подлежащего применению им в указанном деле, и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности данного закона, а если суд не пришел к такому выводу, то обязанность обращения в Конституционный Суд РФ у него отсутствует. Конечно, мы можем указать, что защитой от необоснованного отказа здесь является мотивированность такого отказа. Так, наверное, и должно быть, но в нашей практике мы никогда не видели подробной мотивировки для отказа для обращения в Конституционный Суд РФ³⁸⁵, даже когда ходатайство о таком обращении заявлялось в Президиуме Верховного Суда РФ³⁸⁶.

Мы понимаем, что наличие неправильной правоприменительной практики, в частности, немотивированности юрисдикционных актов, должно вызывать ее критику. Некоторые ученые даже пишут, что «главное и явно виновное правонарушение судей – немотивированность судебных актов»³⁸⁷, другие отмечают, что немотивированность судебного акта является нарушением общепризнанных принципов справедливого правосудия и противоречит целям правосудия.

Однако разве мы не должны анализировать предпосылки для возникновения такой практики? Быть может, корни такой практики отчасти в «праве» судов игнорировать доводы сторон, в частности, основанные на Конституции РФ и

³⁸⁵ Султанов А. Р. Борьба за право обжалования судебного решения. М., 2014.

³⁸⁶ Султанов А. Р. Борьба за правовую определенность или поиск справедливости. М., 2015.

³⁸⁷ Поляков С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 44; *Он же*. Правонарушитель – орган судебной власти? // Российский судья. 2010. № 9. С. 26–30; Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // Закон. 2014. № 8. С. 114–118.

Европейской конвенции³⁸⁸. Разве, создавая возможность применения норм Конституции РФ и Конвенции только посредством обращения в Конституционный Суд РФ, мы не освобождаем суды от постоянного и квалифицированного их применения?

Возможно, существующий подход можно объяснить определенным недоверием к судам общей юрисдикции и арбитражным судам и сомнением в их способности правильно разрешать вопросы коллизии между нормативными актами. Но стоит ли тогда удивляться тому, что суды пытаются «обходить» проблемные вопросы, снимая с себя ответственность, и предлагают сторонам самим обращаться в Конституционный Суд РФ? Стоит ли удивляться количеству жалоб в межгосударственные органы, в частности в ЕСПЧ?

Мы полностью разделяем чаяния члена-корреспондента РАН профессора В. А. Мусина, что нынешний очень не простой этап взаимоотношений Европейского Суда с национальными судами, в конце концов, будет преодолен и завершится установлением оптимальной системы их взаимоотношений, которая окажется тем *эффективнее, чем тщательнее внутригосударственные суды будут учитывать правовые позиции ЕСПЧ*, а ЕСПЧ, в свою очередь, при формировании своих правовых позиций будет учитывать правовые позиции внутригосударственных судов, прежде всего по вопросам, относящимся к публичному порядку соответствующего государства³⁸⁹.

³⁸⁸ Султанов А. Р. Практика Европейского Суда по правам человека, повод учиться на чужих ошибках // Международное публичное и частное право. 2007. № 6. С. 17–19.

³⁸⁹ Мусин В. А. Судебная защита: соотношение внутригосударственного и межгосударственного правосудия. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceMysin.aspx> (дата обращения: 02.10.2015).

Мы всегда полагали, что и Конституционный Суд РФ и ЕСПЧ – это органы, стоящие на защите прав и свобод человека³⁹⁰, что налагает на них особую ответственность, в том числе за достижение взаимопонимания и предотвращение взаимных конфликтов. Тем более что и «конституционные, и конвенционные положения находятся не в иерархических отношениях, а в отношениях поддержания и защиты общих ценностей и принципов верховенства права, лежащих в основе как национальных конституций, так и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод»³⁹¹.

Весьма отраднo, что эта ответственность в полной мере осознается, свидетельством чему может быть то, что 22–23 октября 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция «Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Европейской конвенции о правах человека» под эгидой Конституционного Суда РФ и Совета Европы (Генеральной дирекции по правам человека и верховенству права Совета Европы)³⁹².

Конференция транслировалась в режиме онлайн в сети Интернет и можно было ознакомиться с позициями всех выступающих³⁹³, что несколько прояснило точку зрения судей Конституционного Суда РФ, стало более понятно, что о неисполнении постановлений ЕСПЧ межгосударственными органами может идти

³⁹⁰ Султанов А. Р. Учет постановлений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека в цивилистическом процессе // Пролог. 2013. № 2. С. 34–40.

³⁹¹ Боднарчук О. В. Комментарий к особому мнению к Постановлению Большой палаты ЕСПЧ по делу «Бака против Венгрии» от 23 июня 2016 г. Жалоба № 20261/12// Пауло Пинто де Альбукерке. Особое мнение в поисках истины. М., 2018. С. 13.

³⁹² URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3248> (дата обращения: 03.10.2015).

³⁹³ Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Европейской конвенции о правах человека : материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 22–23 октября 2015 г. Совет Европы, 2016. URL: <https://rm.coe.int/16806f1da1> (дата обращения: 15.10.2019).

речь лишь тогда, когда Конституция РФ предоставляет большую защиту прав и свобод граждан³⁹⁴.

В выступлении на данной конференции председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин подчеркнул: «...Считаю Конвенцию и ее развитие в последующих Протоколах огромным достижением в защите прав человека в Европе и огромной ценностью. Я убежден, что развитие отношений России с институтами Совета Европы в сфере имплементации Конвенции идет – несмотря на перечисленные мной проблемы – в целом успешно, эффективно и обнадеживающе»³⁹⁵. Прошедшая конференция, где состоялся весьма обстоятельный диалог, дает надежду, что имплементация постановлений ЕСПЧ или реализация толкований о том, как должно уважать и защищать неотъемлемые права человека³⁹⁶, будет осуществляться на новом уровне³⁹⁷.

Это отчасти позволяет предполагать, что изменения, внесенные Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“», будут применяться не для ухудшения положения граждан и жителей России и чинения им препятствий при

³⁹⁴ Стало понятно, что хотели, как лучше, только не получилось бы по Черномырдину – как всегда...

³⁹⁵ Зорькин В. Д. Проблемы реализации Конвенции о правах человека // Выступление на Международной конференции «Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Европейской Конвенции о правах человека» (СПб., 22 октября 2015 г.).

³⁹⁶ Лазарев В. В. «Отъемлемые» и «неотъемлемые» права и свободы человека и гражданина // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства. М., 2010. С. 64.

³⁹⁷ Султанов А. Р. Имплементация Постановлений ЕСПЧ и о некоторых последствиях Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Служение праву : сборник статей. Памяти профессора В. А. Туманова / под редакцией Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. М., 2017. С. 169–176.

исполнении выигранных ими решений, а лишь в том случае, «когда Конституция Российской Федерации лучше защищает права граждан!»³⁹⁸.

Конечно же, это всего лишь оправдание механизма по неисполнению окончательных постановлений ЕСПЧ, при этом, как справедливо отмечает А. И. Ковлер, «...решения конвенционального органа уже состоялись, Конституционный Суд РФ не обладает полномочиями по их изменению или отмене, и постановления ЕСПЧ с формальной точки зрения будут ждать своего исполнения»³⁹⁹. То есть этот механизм может привести к замораживанию конвенционального охранительного правоотношения, а не его прекращению. Общеизвестным принципом международного права является невозможность снять с себя международно-правовую ответственность путем ссылки на свое внутригосударственное право⁴⁰⁰.

Полагаем возможным не рассматривать здесь⁴⁰¹ в последующем вынесенные Постановления Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу

³⁹⁸ Колесников А. Перед Владимиром Путиным предстал суд. Как глава КС Валерий Зорькин выступил с оправдательной для него самой речью // Коммерсантъ. 2015. 14 декабря. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2877575> (дата обращения: 15.12.2015).

³⁹⁹ Ковлер А. И. Исполнение постановлений ЕСПЧ, меры общего характера // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе / под общ. ред. В. В. Лазарева М., 2019. С. 132.

⁴⁰⁰ Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 74; Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 29 и др.

⁴⁰¹ Хотя, безусловно, они подлежат внимательному анализу, равно как и особые мнения, приобщенные к ним, но их анализ выходит за рамки данной работы. Здесь можем лишь согласиться с подходом мэтра международного права С. В. Черниченко, который писал: «Нет предмета для научной дискуссии по вопросу о том, что Конституционный Суд обязан защищать национальные интересы России, если иностранный судебный орган принимает решение, явно не соответствующее международному праву. Но в рассматриваемых случаях Конституционный Суд, реагируя на постановление ЕСПЧ, явно не отличающееся юридической чистотой, сам пошел по некорректному пути с точки зрения международного права. Согласно ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. каждый действующий договор

о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу *Анчугов и Гладков против России* в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» и от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу *ОАО „Нефтяная компания „ЮКОС“ против России* в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации», которые не оказали влияния на гражданское процессуальное законодательство (ни в одном из этих дел не ставился пересмотр судебных актов), а стоял вопрос о принятии общих мер⁴⁰² и выплате денежных средств.

«обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» даже в том случае, если иное требуется согласно национальному (внутреннему) праву: государство – участник договора «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (ст. 27 этой же Конвенции). И поскольку конституция любого государства – это часть его национального (внутреннего) права, хотя и высшая в иерархии такого права, постольку цитированное правило (норма) Конвенции 1969 г. применяется и в отношении конституций. Ориентируя на нарушение Россией своих обязательств по международным договорам, Конституционный Суд в данном случае действовал против стратегических интересов России в поддержании международно-правовой стабильности и правопорядка». См.: *Черниченко С. В.* Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений // Московский журнал международного права. 2018. № 3. С. 6–17.

⁴⁰² Надо отметить, что летом 2019 г. российские власти уведомили Комитет министров Совета Европы, что считают выполненными все необходимые меры индивидуального и общего характера, а в сентябре 2019 Комитет министров Совета Европы признал исполненным Россией Постановление ЕСПЧ по делу *Анчугов и Гладков против России*. См.: *Корня А.* Совет Европы: Россия исполнила решение ЕСПЧ о праве голоса для заключенных // Ведомости. 2019. 27 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/09/27/812200-sovet-evropi-zaklyuchennih> (дата обращения: 28.09.2019)

После данного Постановления Конституционного Суда РФ Пленум Верховного Суда РФ при реализации законодательной инициативы активно ссылается на правовые позиции ЕСПЧ и положения Конвенции.

Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 52 в качестве обоснования для внесения законопроекта записано: «Согласно правовым позициям Европейского Суда по правам человека, выраженным, в частности, в постановлении от 3 февраля 2011 года по делу *Игорь Кабанов против Российской Федерации*, для того чтобы отвечать установленным статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод критериям независимости и беспристрастности, суд должен быть не только субъективно, но и объективно беспристрастен, т. е. обеспечивать достаточные гарантии, исключаящие по этому поводу всякое законное сомнение. От этого зависит доверие, которое суд в демократическом обществе должен вызывать у граждан, и в первую очередь у сторон судебного разбирательства. Между тем практика рассмотрения республиканскими, краевыми, областными и равными им судами, а также Верховным Судом Российской Федерации ходатайств об изменении территориальной подсудности уголовных дел свидетельствует о том, что для принятия решений в соответствии с требованиями Конвенции оснований, установленных в статье 35 УПК РФ, недостаточно. В связи с этим в ряде случаев судьи вынуждены обосновывать свои решения прямыми ссылками на положения Конвенции⁴⁰³.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 судам рекомендовано применять правовые подходы ЕСПЧ: при определении размера присуждаемой компенсации суду следует также принимать во внимание практику Европейского Суда по правам человека, размер сумм компенсаций

⁴⁰³ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам подсудности уголовных дел»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 52.

вреда, присуждаемых этим судом за аналогичные нарушения (часть 2 статьи 2 Закона о компенсации)⁴⁰⁴.

Даже в широко критиковавшемся Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 03 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации“» изменения в части исключения обязательности мотивирования судебных актов в качестве общего правила предлагались как полностью соответствующие толкованию пункта 1 части 6 Конвенции, данному ЕСПЧ, о праве каждого на составление мотивированного решения по делу как неотъемлемой части права на справедливое судебное разбирательство. Что, по мнению научной общественности, было не так, поскольку ЕСПЧ неоднократно выражал в своих постановлениях суждение о том, что немотивированность судебного акта является нарушением права на справедливое судопроизводство и создает препятствия для обжалования судебного акта.

К счастью, законодатель не поддержал такую инициативу Верховного Суда РФ, который вначале предложил расширить перечень дел по которым была бы обязательна мотивировка, а затем исключил из текста законопроекта общее правил по немотивированности судебных актов.

⁴⁰⁴ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Российская газета. 2016. 6 апреля. № 72 : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11.

3.4. Влияние Заключения Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“» на гражданский процесс

До внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 г., со ссылкой на ст. 3 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» Президент РФ обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о соответствии главам 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона о поправке к Конституции Российской Федерации, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 указанного Закона о поправке к Конституции Российской Федерации.

Сама по себе ситуация была необычной. Конституционный Суд РФ обычно все же рассматривал дела в состязательной процедуре, здесь же состязательного процесса не подразумевалось.

Некоторые судьи Конституционного Суда РФ это комментировали таким образом: «Юрисдикционное начало сохраняется в конституционно-судебном процессе даже тогда, когда нет спорящих сторон. При их отсутствии (например, при рассмотрении КС запроса Президента РФ о проверке проекта закона РФ о поправке к Конституции, который он сам внес в Думу) КС вводит в пространство конкретного дела конкурирующие идеи, доктрины с целью подтверждения или опровержения презумпции конституционности оцениваемого проекта. Это превращает рассматриваемое дело в то, что можно назвать спором без сторон. Окончательное решение КС по делу содержит обязательную индивидуальную

юридическую квалификацию (соответствует или не соответствует Конституции, соответствует в той мере, в какой, и др.). Другое дело, что данная квалификация дополнительно может иметь правотворческое значение. Названное производство в КС отдаленно напоминает производство по установлению фактов, имеющих юридическое значение»⁴⁰⁵.

Рассмотрение запроса состоялось в короткие сроки, без публичного слушания, и какие конкурирующие идеи, доктрины были предметом обсуждения, осталось неизвестным.

Для целей настоящего исследования нас интересовало мнение Конституционного Суд РФ касательно изменений в ст. 79 Конституции⁴⁰⁶, в которых предлагалось закрепить положения о том, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Надо отметить, что здесь речь шла о всех межгосударственных органах, что позволило нам с учетом исторических условий предположить, что такое регулирование направлено в большей степени на блокирование приведения в исполнение международных арбитражей, в частности, по *делу ЮКОСа*⁴⁰⁷.

Договор к Энергетической хартии «оказался „миной замедленного действия“ для российских властей в связи с претензиями акционеров компании

⁴⁰⁵ *Кокотов А. Н.* Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России // Закон. 2020. № 12. С. 29–39.

⁴⁰⁶ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 марта 2020 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 марта 2020 г. // Рос. газ. 2020. от 16 марта. № 55.

⁴⁰⁷ Отчасти о таком намерении свидетельствует позже принятая ст. 104.5 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

ЮКОСа... решения арбитража по *делу ЮКОСа* иллюстрируют потенциальную опасность международных механизмов урегулирования инвестиционных споров для принимающей инвестиции страны»⁴⁰⁸. Выводы арбитража являлись спорными по ряду вопросов: о признании истцов инвесторами, о признании владения акциями ЮКОСА инвестициями, о неприменении арбитражем доктрины «чистых рук» и т. д.

Как отмечают юристы-международники, «в практике инвестиционных трибуналов есть решения, о которых в инвестарбитражном сообществе не принято говорить. Они выделяются не новыми трактовками положений международных договоров, а обстоятельствами их вынесения, которые как нельзя лучше доказывают наличие структурных проблем инвестиционного арбитража»⁴⁰⁹. В условиях санкционных ограничений юридических лиц и граждан России был принят Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза», расширяющий подсудность российских арбитражных судов.

Однако, безусловно, данное регулирование могло быть направлено и против постановлений ЕСПЧ, тем более, что в производстве ЕСПЧ, в этот момент находилось несколько межгосударственных жалоб, поданных против России.

⁴⁰⁸ *Канашевский В. А.* Международное частное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Международные отношения, 2016. С. 299–304.

⁴⁰⁹ *Исполинов А. С.* Куда идет современный инвестиционный арбитраж? // Российский юридический журнал. 2015. № 3 // СПС «ГарантМаксимум».

Соответственно, было очень важно то, что напишет в своем заключении Конституционный Суд РФ.

К сожалению, подробной мотивировки в Заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента РФ», не было.

Однако в нем было обязательное конституционно-правовое толкование того, что «данный механизм предназначен *не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений* Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции РФ в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и многосторонние международные договоры России, в том числе предусматривающие соответствующие правомочия межгосударственных юрисдикций».

Такое толкование было ожидаемо, оно означало не отход от основ конституционного строя, предусматривающих приоритет прав и свобод человека, а было, скорее всего, направлением поиска государством баланса при разрешении конкретных правовых проблем.

По нашему мнению, законодатель был связан данным толкованием Конституционного Суда РФ, как содержащим конституционно-правовое толкование. Сам Конституционный Суд РФ ссылается на данное заключение в других делах, равно как продолжает ссылаться на практику ЕСПЧ. Так в недавно вынесенном Постановлении Конституционного Суда РФ были выражены важные правовые позиции: «Согласно Конституции РФ в России как в светском государстве никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от

государства и равны перед законом (ст. 14), при этом каждому гарантируется свобода совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28). По смыслу положения ст. 67.1 (ч. 2) Конституции РФ о вере в Бога, переданной народу России предками, во взаимосвязи с ее ст. 14 и 28 государство не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным, не ставит граждан – вопреки ст. 19 (часть 2) Конституции РФ – в неравное положение в зависимости от наличия и направленности веры и призвано при реализации своей политики учитывать ту исторически значимую роль, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности (**Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3**). В отличие от прав, которые конкретизируют свободу вероисповедания в ее индивидуальном аспекте, т.е. могут быть реализованы каждым непосредственно, права религиозных объединений по своей природе являются коллективными, поскольку осуществляются гражданином совместно с другими. Из взаимосвязанных ст. 13 (ч. 4), 14, 19 (ч. 1 и 2), 28 и 30 (часть 1) Конституции РФ, а также ст. 9 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод следует, что свобода вероисповедания предполагает свободу создания религиозных объединений и свободу их деятельности на основе принципа юридического равенства, в силу чего федеральный законодатель, реализуя полномочия, вытекающие из ст. 71 (п. «в», «о») и 76 (ч. 1) Конституции РФ, вправе урегулировать гражданско-правовое положение религиозных объединений, в том числе условия признания такого объединения юридическим лицом, порядок его учреждения, создания, государственной регистрации, определить содержание его правоспособности. В практике ЕСПЧ свобода исповедовать религию сообща с другими трактуется как косвенная гарантия свободы создания религиозных объединений, которые традиционно и повсеместно существуют в форме организованных структур и, следовательно, должны обладать необходимой правосубъектностью

(постановления от 26.10.2000 по делу „Хасан и Чауш против Болгарии“, от 13.12.2001 по делу „Бессарабская митрополия и другие против Молдавии“, от 5.10.2006 по делу „Московское отделение Армии Спасения против России“ и др.)»⁴¹⁰.

В другом Постановлении Конституционный Суд РФ обосновывая, что «Религиозная организация сама может определять, привлекать ли новых последователей соответствующего вероисповедания и действовать в этом направлении путем широкого опубликования своей деятельности или поступать более избирательно» обратил внимание на недопустимость чрезмерного вмешательства государства в сферу свободы совести, гарантированной каждому ст. 28 Конституции РФ и признаваемой ст. 9 Конвенции⁴¹¹.

Данный подход Конституционного Суда РФ был важен, очевидно, потому, что будут внесены изменения в целый ряд законов, и вскоре после внесения поправок в Конституцию РФ и в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» были приняты законы о внесении изменений в процессуальные кодексы, а также в ряд материальных законов⁴¹², в которых рассматривался вопрос о неприменении правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции РФ с указанием, что такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом.

⁴¹⁰ По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 2 ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2020 г. 47-П.

⁴¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 3 ноября 2020 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 5.26 КоАП РФ и п. 8 ст. 8 ФЗ „О свободе совести и о религиозных объединениях“ в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) „Слово жизни“ Долгопрудный».

⁴¹² Подписанные Президентом РФ 8 декабря 2020 г.

Причем Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в целый ряд материальных законов было включено положение о том, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом».

Что породило вопросы о том, как применять данные положения. По нашему мнению, толкование данных изменений как опровергающих обязательную силу постановлений ЕСПЧ является ошибочным.

Фактически законодатель, используя не очень удачную юридическую технику, установил презумпцию (хотя и опровержимую) соответствия решений межгосударственных органов, в том числе и ЕСПЧ, Конституции РФ, поскольку как ранее отмечал Конституционный Суд РФ «права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, – это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции РФ»⁴¹³.

Само по себе включение в большое количество материальных законов положений о том, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в РФ» и что «такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом», является ничем иным как прекращением спора о

⁴¹³ По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой : Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П.

том, являются ли данные решения источниками права, поскольку включение данных положений является признанием их таковыми до момента опровержения.

Эта формулировка фактически уравнила толкования, содержащиеся в постановлениях ЕСПЧ с нормами закона, в отношении них действует ровно такая же презумпция, что они считаются соответствующими Конституции РФ и могут быть признаны неконституционными только в порядке, установленном ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Причем законодатель наделил правом обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о возможности исполнения решения межгосударственного органа вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер по его исполнению, данное решение основано на положениях международного договора РФ в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с положениями Конституции РФ только Президента РФ, Правительство РФ, Верховный Суд РФ, федеральный орган исполнительной власти, наделенный компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации в межгосударственном органе (ст. 104.1, ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), но не суды, рассматривающие заявления о пересмотре по новым обстоятельствам в связи с принятием решений межгосударственных органов.

Суды, рассматривающие заявления о пересмотре по новым обстоятельствам в связи с принятием межгосударственным органом решения, в котором констатируется нарушение Российской Федерации обязательств, обеспечение исполнения которых относится к компетенции этого межгосударственного органа, при применении федерального конституционного закона, федерального закона, нормативного акта Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, конституции республики, устава, а также закона либо иного нормативного акта субъекта Российской Федерации, изданного по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов

государственной власти субъектов Российской Федерации, вправе лишь обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого нормативного акта, если придет к выводу о том, что вопрос о возможности применения соответствующего нормативного акта может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ (ч. 2 ст. 101 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»).

Полагаем, что данная норма направлена на устранение из правового поля нормативных актов, не соответствующих Конституции РФ, а не на постановку судами вопроса об исполнимости решения межгосударственного органа, в частности, Постановления ЕСПЧ.

Таким образом, утверждения о необязательности Конвенции и постановлений ЕСПЧ являются безосновательными.

Хотя, конечно же, само по себе установление процедуры для рассмотрения в Конституционном Суде РФ вопроса об исполнимости решений межгосударственных органов усиливает угрозу фрагментации международного права. Как отмечает А. И. Ковлер «...конфликты между Европейским Судом по правам человека и национальными конституционными судами, ревниво оберегающими конституционный суверенитет. Эти конфликты не только ослабляют европейскую систему защиты прав человека, но и дают негативный образ этой системы в остальном мире»⁴¹⁴.

Так как мы принимали Конституцию РФ, «сознавая себя частью мирового сообщества», то на нас лежит ответственность за сохранение такого уникального правозащитного инструмента, как Конвенция, защищающая 870 млн человек в 47 странах.

⁴¹⁴ Ковлер А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. М., 2019. 304 с.

Законодатель, внося изменения в процессуальные законы⁴¹⁵, включив положения относительно применения в качестве материальных и процессуальных норм, установил запрет на применение правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Оговорка о том, что такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом, связывает суды возможностью применения данного запрета только тогда, когда есть соответствующее Постановление Конституционного Суда РФ.

Обращаем внимание, что здесь идет речь об ограничении применения толкований межгосударственных органов, а не о неисполнении решений межгосударственных органов.

Можно предположить, что данная норма направлена против эволютивного толкования Конвенции⁴¹⁶, судебного активизма ЕСПЧ, в результате которого могут появиться новые обязательства, о которых страны – участники Конвенции и не предполагали в момент ее подписания.

Европейский Суд исходит из того, что Конвенция представляет собой «живой инструмент» (*living instrument*) и должна толковаться в свете современных условий: «Именно толкование Судом Конвенции, динамичное и современное, придает ей силу и делает ее чрезвычайно актуальной. Своей правоприменительной практикой Суд расширил права, изложенные в Конвенции, таким образом, что ее положения применимы сегодня к ситуациям, которые были совершенно непредсказуемы и невообразимы на момент ее принятия, включая

⁴¹⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части недопущения применения правил международных договоров Российской Федерации в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 428-ФЗ " : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 18 ноября 2020 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 декабря 2020 г.

⁴¹⁶ Ковлер А. И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 96.

вопросы, связанные с новыми технологиями, биоэтикой или окружающей средой. Конвенция также применима в отношении общественно значимых или неоднозначных вопросов, касающихся, например, терроризма или миграции»⁴¹⁷.

Такое толкование выводится, в частности из Преамбулы к Конвенции, где указано, что одним из средств достижения целей Совета Европы является «защита и развитие» прав человека и основных свобод. Таким образом, целью системы защиты прав человека, предусмотренной Конвенцией, является в том числе развитие стандартов прав человека, закрепленных в Конвенции.

Указанная идея о Конвенции как «живом инструменте» преобладает сегодня в демократических государствах (см. Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу *Tyrer v. United Kingdom (Тайпер против Соединенного Королевства)* от 25 апреля 1978 г., § 31, Series A, № 26, Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу *Kress v. France (Кресс против Франции)*, жалоба № 39594/98, § 70, ECHR 2001-VI, и Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу *Austin and Others v. United Kingdom (Остин и другие против Соединенного Королевства)*, жалобы № 39692/09, 40713/09 и 41008/09, § 53, ECHR 2012). Европейский Суд также подчеркнул, что любое толкование гарантированных прав и свобод должно быть совместимо с общим духом Конвенции, инструментом, направленным на поддержание и развитие идеалов и ценностей демократического общества (см. Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу *Svinarenko and Slyadnev v. Russia (Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации)*, жалобы № 32541/08 и 43441/08, § 118, ECHR 2014). Как следствие, концепции бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания значительно изменились с момента вступления в силу Конвенции в 1953 г. Эволюция к полной *de facto* и *de jure* отмене смертной казни в государствах – участниках Совета Европы иллюстрирует это продолжающееся развитие. Территории, занимаемые государствами – участниками Совета Европы, стали зоной, свободной от смертной казни, и Европейский Суд признал, что

⁴¹⁷ URL: https://echr.coe.int/Documents/Convention_Instrument_RUS.pdf.

подверженность заявителя реальной угрозе вынесения смертного приговора и казни может породить вопрос в соответствии со ст. 3 Конвенции (см. Постановление ЕСПЧ от 7 июля 1989 г. по делу *Soering v. United Kingdom* (*Сёринг против Соединенного Королевства*), § 102–104, Series A, № 161, Постановление Европейского Суда по делу *Al-Saadoon and Mufdhi v. United Kingdom* (*Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства*), жалоба № 61498/08, § 115–118 и 140–143, ECHR 2010, и Постановление Европейского Суда по делу *A.L. (X.W.) v. Russia* (*A.L. (X.W.) против Российской Федерации*) от 29 октября 2015 г., жалоба № 44095/14, § 63–66)⁴¹⁸.

Конвенцию от устаревания спас именно ЕСПЧ. Взятая им на вооружение доктрина толкования Конвенции как «живого инструмента» позволила сохранить за ней статус одного из наиболее эффективных соглашений в сфере защиты прав человека⁴¹⁹.

Действительно, в отсутствие использования данной доктрины Конвенция при защите прав и свобод человека могла бы быть «заморожена» в середине прошлого века, а нам всем хотелось бы, чтобы Конвенция защищала права и свободы человека «реальные и эффективные, а не теоретические и иллюзорные».

В качестве примера можем привести известное толкование ЕСПЧ, согласно которому «право доступа к правосудию является одним из неотъемлемых составляющих права, гарантированного статьей 6 п. 1»⁴²⁰: «было бы немислимо, чтобы статья 6 п. 1 содержала подробное описание предоставляемых сторонам

⁴¹⁸ Пункт 73 Постановления Большой Палаты ЕСПЧ от 24 января 2017 г. по делу *Хамтоху и Аксёнич* (*Khamtokhu and Aksenchik*) *против Российской Федерации* (Жалобы № 60367/08 и 961/11).

⁴¹⁹ *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 312 с. // СПС «ГарантМаксимум».

⁴²⁰ Постановление ЕСПЧ по делу *Голдер* (*Golder*) *против Соединенного Королевства* от 21 февраля 1975 г.

процессуальных гарантий в гражданских делах и не защищала бы в первую очередь того, что дает возможность практически пользоваться такими гарантиями – доступа к суду. Такие характеристики процесса, как справедливость, публичность, динамизм, лишаются смысла, если нет самого судебного разбирательства». ЕСПЧ пришел к выводу, что «право на суд», где право доступа, понимаемое как возможность инициировать судебное производство по гражданским делам, составляет лишь один из аспектов п. 1 ст.6 Конвенции.

В данном Постановлении содержалось утверждение, что «это не расширительное толкование, налагающее новые обязательства на Договаривающиеся Государства: этот вывод основан на терминологии первого предложения п. 1 статьи 6, прочитанного в контексте данной статьи, с учетом предмета и цели нормативного договора, каким является Конвенция (см. названное выше решение по делу Вемхофа, с. 23 п. 8), а также общих принципов права», но особые мнения к данному постановлению показывают, что некоторыми такое толкование было воспринято как законодательствование судей. Уже тогда были высказаны опасения, что неоправданно расширительное толкование, может привести к следующему результату: договаривающиеся государства окажутся связанными обязательствами, которые они на самом деле не собирались брать на себя (особое мнение судьи Джеральда Фицмориса).

Однако сейчас то, что гарантии справедливого судопроизводства включают в себя право на доступ к суду, является аксиомой для всех правопорядков стран-участниц Конвенции. Сбывается предсказание, высказанное еще в 70-х годах прошлого века о том, что ЕСПЧ своей прецедентной практикой создает «процессуальный кодекс Европы»⁴²¹.

⁴²¹ *Cappelletti M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe // Michigan Law Review. 1971. Vol. 69. No. 5. P. 847–886. Цит. по: Фокин Е. А., Хабирова Д. И. Европейские стандарты справедливого судебного разбирательства: современные вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. г. С. 108–126.*

Некоторые ученые отмечают, что «ЕСПЧ обязан придерживаться эволютивного подхода. Никакое иное решение просто невозможно»⁴²².

Другие не столь категоричны: «Применение ЕСПЧ таких особых подходов к толкованию, как „эволютивное толкование“ и „последующая практика применения“, безусловно, допустимо с точки зрения международного права и обусловлено особым характером Конвенции как международного договора о правах человека. Однако их применение должно осуществляться с должным уважением принципа правовой определенности и при должном балансе таких принципов, как принцип сдержанности ЕСПЧ, с одной стороны, и принцип обеспечения прав реальных и эффективных, а не теоретических и иллюзорных, с другой стороны, что представляется возможным только при условии, если Суд и государства-участники будут действовать согласованно в деле развития и совершенствования прав и свобод, гарантированных Конвенцией»⁴²³.

Другие рекомендуют найти золотую середину между правом легитимного субъекта на эволютивное толкование Конвенции и его самоограничением, между subsidiarностью системы и «полем усмотрения» государств⁴²⁴.

Здесь будет справедливо отметить, что доктрина «живого права» применяется не только к Конвенции, но к Конституции РФ. Как указывает Т. Я. Хабриева, «тезис о конституции как развивающейся правовой материи особого качества является почти общепризнанным».

⁴²² Энтин М. Л. Эволютивный подход в теории и практике ЕСПЧ // Вся Европа : интернет-журнал. 2011. № 2.

⁴²³ Липкина Н. Н. Толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека и верховенство права // Журнал российского права. 2015. № 4(220). С. 130–142.

⁴²⁴ Ковлер А. И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3(58). С. 92–100.

Как поясняет Председатель Конституционного Суда РФ, Конституционный Суд РФ применяя и истолковывая Конституцию, выявляет не только «букву», но «дух» тех или иных ее положений на каждом новом этапе развития и тем самым приспособливает ее к меняющимся отношениям в обществе («живое право», «живая» Конституция)⁴²⁵. Он отмечает, что «Заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой Конституции». Опора на эту доктрину дает возможность, не искажая сути правового смысла, заложенного в текст Конституции Российской Федерации, выявлять его актуальное значение в контексте современных социально-правовых реалий»⁴²⁶. По его мнению, поскольку в решениях суда существует развернутое интерпретационное существование нормы Конституции, то без них невозможно представить живую Конституцию⁴²⁷.

При этом, как справедливо отмечают ученые, Конституция РФ и Конвенция не просто основываются на одних и тех же идеях, но написаны одними и теми же фразами. Некоторые из ученых, полагают, что смысл этих фраз не развивается, а «искажается в результате применения так называемого эволютивного, расширительного толкования Европейского Суда по правам человека, который считает Конвенцию «живым» (*living*) инструментом, смысл которого может меняться со временем, независимо от того, что сказано в самом тексте нормы или что имели в виду ее создатели. Именно этот подход к толкованию, появившийся два десятка лет назад, и побудил Россию и другие страны Совета Европы

⁴²⁵ Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.

⁴²⁶ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Рос. газ. Федеральный выпуск № 7689 (226). 2018. 9 октября.

⁴²⁷ Зорькин В. Д. Конституционные основы развития цивилизации в современном глобальном мире // Журнал российского права. 2007. № 4(124). С. 3–8.

вырабатывать в национальных правовых системах механизмы защиты от произвольных решений международного суда»⁴²⁸.

Здесь мы не можем не привести правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых отражено видение Конституционного Суда РФ относительно доктрины эволютивного толкования ЕСПЧ, которые, на наш взгляд, адресованы в большей части ЕСПЧ, как предостерегающие от излишнего судебного активизма: «В силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, что обязывает государство исполнять основанные на данной Конвенции постановления Европейского Суда по правам человека, вынесенные по жалобам против России, в отношении участвующих в деле лиц. Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике придерживается подхода, направленного на неуклонное исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека, даже если они основаны на применении методов „эволютивного толкования“, „приоритета существа над формой“ и др., которые могут повлечь за собой отступление от ранее выработанных им же позиций. О признании Конституционным Судом Российской Федерации того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод является, по выражению Европейского Суда по правам человека, „живым инструментом“, призванным учитывать объективные изменения в сфере защиты прав и свобод, свидетельствует поиск вариантов исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу *Анчугов и Гладков против России* (Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П), а также фактический пересмотр Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций о невозможности предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к

⁴²⁸ *Гальперин М. Л.* Поправки к Конституции и вопросы толкования в национальном и международном правосудии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 181–189.

пожизненному лишению свободы (Постановление от 15 ноября 2016 года № 24-П).

Вместе с тем взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правоупорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правоупорядке. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации»⁴²⁹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ не только признает право ЕСПЧ на эволютивное толкование, но и выражает готовность к сотрудничеству при возникновении в результате такого толкования новых прав и свобод человека и, соответственно, обязательств стран-участников, в тоже время, Конституционный Суд РФ оставляет за собой в этой ситуации право определить границы компромисса. Как отметил судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев на Международной конференции «Конституционная идентичность и универсальные ценности: искусство соразмерности», прошедшей в Санкт-Петербурге 14 мая 2019 года: «составной частью судебной доктрины конституционной идентичности

⁴²⁹ По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО „Нефтяная компания „ЮКОС“ против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П.

России является реалистическое допущение возможности неуспеха в достижении компромисса между национальным российским и наднациональным европейским правопорядками»⁴³⁰.

Таким образом, мы наблюдаем, что старая проблема ограниченности позитивного права, которая наиболее видна в таких нормативных актах содержащих большой уровень абстракции и концентрированности нормы, как Конституция и Конвенция, проявилась в неожиданном аспекте.

Как отмечают ученые, что касается «различия права и закона: последний дает лишь рациональную схему абстрактного поведения, в то время как право возникает в результате экзистенциального переживания ситуации. Закон – суждение о возможном праве, основанное на абстракции прошлой правовой реальности; поэтому он не создает право, а лишь „оформляет“ его содержание»⁴³¹.

Все это напоминает дискуссию конца XIX – начала XX в. о «свободном праве», которая отчасти была отражена И. А. Покровским, которая содержала достаточно весомые аргументы: «Закон, даже самый обширный, даже представляющий весьма полную кодификацию, неизбежно имеет пробелы, так как несмотря на все свое старание он не может охватить всего бесконечного разнообразия житейских отношений... Несмотря на всякие учения о безусловном главенстве закона, в действительности судья никогда не был и никогда не может стать простым механическим применителем закона, логической машиной, автоматически выбрасывающей свои решения. Его деятельность всегда имеет творческий элемент, и игнорировать этот последний значит также создавать себе вредную фикцию, закрывать глаза перед неустранимой реальностью. Закон и суд не две враждебные силы, а два одинаково необходимых фактора юрисдикции. Оба они имеют одну и ту же цель – достижение материально справедливого; закон для достижения этой цели нуждается в живом дополнении и сотрудничестве в лице судьи. И нечего бояться этой творческой деятельности

⁴³⁰ URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2019Nu%C3%9FbergerEN.pdf>.

⁴³¹ Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М., 1988. С. 81.

судьи: судья в неменьшей степени, чем законодатель, сын своего народа и своего времени и в неменьшей степени носитель того же народного правосознания»⁴³².

Однако И. А. Покровский в этой же работе подчеркивает, что «не в замене „традиционной методы“ толкования закона методой „свободного права“ заключается задача будущего, а в оживлении и одухотворении законодательства, в усовершенствовании его аппарата, дабы оно могло лучше улавливать голос жизни и живее реагировать на него, возможно, что еще раз в юридической жизни народов прокатится волна „свободного права“ и судейского усмотрения, но рано или поздно будет понято, что всякое течение этого рода лишь отбрасывает нас от настоящей дороги, увлекая нас на ложный путь. Если теория свободного судейского правотворения включает в себе органическую и неустранимую опасность судейского произвола, если она самую неопределенность и неясность права возводит в принцип, она, очевидно, идет вразрез с интересами развивающейся человеческой личности. Эта последняя может мириться со многими ограничениями своей свободы, если они установлены законом и если они ясны, но она не может мириться с зависимостью от чьего бы то ни было произвола, хотя бы и самого доброжелательного».

Надо отметить, что в данном случае эволютивное толкование Конвенции, все же отличается от доктрины «свободного права», поскольку роль ЕСПЧ носит субсидиарный характер. Европейский Суд не видит своей роли в восполнении пробелов национального законодательства, но может высказаться о наличии пробелов и даже установить нарушение Конвенции данным фактом.

Однако восполнение пробелов – это дело законодателя, который иногда при восполнении пробела не учитывает дух Конвенции. Так в мае 2021 г. был внесен законопроект № 1166183-7, который был анонсирован как восполняющий правовой пробел в законодательстве, выявленный ЕСПЧ в постановлении от 10 июня 2010 г. по делу *Захаркин против Российской Федерации* и имеющим цель «привести действующее законодательство в соответствие с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свободах и современными

⁴³² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003. С. 96–97.

международными нормами, усиливающим правовую защищенность лиц, находящихся в местах лишения свободы, и расширит их возможности для отстаивания своих прав как в российских, так и в международных органах правосудия»⁴³³. Однако в данном законопроекте есть вещи, которые направлены не на развитие права, а на сужение уже достигнутых рубежей защиты, о чем отмечено в Правовой позиции Федеральной палаты адвокатов РФ о проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 11 мая 2021 г.⁴³⁴

Соответственно, роль самого гражданского общества в совершенствовании законодательства и развитии средств защиты прав и свобод человека должна быть главенствующей. Идея защиты прав и свобод человека, посредством ЕСПЧ, направлена, прежде всего, на то, чтобы побудить страны-участники надлежащим образом защищать права и свободы человека – «принести домой права человека», но ответственность за их соблюдение лежит на нас – гражданах России.

Однако это не исключает возможности доведения «стратегических дел» до высших инстанций с целью повышения стандартов защиты прав человека, когда законодатель не спешит обратить внимание на возникшую правовую проблему. В центре европейского правового мироздания находится Человек, его права и свободы, нравится это кому-то или нет...⁴³⁵

Таким образом, можно последние изменения в законодательство интерпретировать не как отказ от исполнения постановлений ЕСПЧ, а попытку зафиксировать в своем законодательстве права на поиск компромисса в случае возникновения новых обязательств России из эволютивного толкования Конвенции ЕСПЧ.

⁴³³ URL: <https://ria.ru/20210505/espch-1731199001.html>.

⁴³⁴ URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-legal-position-of-fpa/pravovaya-pozitsiya-federalnoy-palaty-advokatov-rf-11.06.21/?fbclid=IwAR3tKcoeNvwjXibp33DILVqKHBg7THSzDKMil_oKvdnN-V1kJRZ31liDyzM.

⁴³⁵ *Ковлер А. И.* «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // *Международное правосудие*. 2013. № 3(7). С. 52–63.

Соответственно, все правовые позиции ЕСПЧ подлежат учету при вынесении судебных решений, поскольку их игнорирование может обернуться новым установлением нарушения Конвенции. Граждане России по-прежнему вправе ссылаться в судах на правовые позиции ЕСПЧ с разумным ожиданием, что его доводы, основанные на решениях ЕСПЧ, не будут проигнорированы⁴³⁶.

⁴³⁶ *Султанов А. Р.* О применении судами постановлений Европейского Суда по правам человека // *Российский судья*. 2008. № 9. С. 42–46.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Влияние итоговых постановлений ЕСПЧ, в которых устанавливалось нарушение Россией положений Конвенции, на совершенствование процессуального законодательства очевидно, поскольку постановления ЕСПЧ не раз служили основанием для изменения законодательства.

Так, Россия, реагируя на пилотное⁴³⁷ Постановление ЕСПЧ по делу *Бурдов против Российской Федерации* от 15 января 2009 г. (жалоба № 33509/04) (№ 2) приняла Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», а также Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок“», создав внутригосударственное средство правовой защиты, которое впоследствии было признано ЕСПЧ эффективным средством от нарушений прав, связанных с несоблюдением разумных сроков исполнения судебного акта, предусматривающих обращение взыскания на

⁴³⁷ Резолюцией Комитета министров Совета Европы от 12 мая 2004 г. было предложено ЕСПЧ в случае повторяющихся нарушений устанавливать в своих постановлениях «наличие и источник структурной проблемы, а также предписывать государству меры общего характера». Европейский Суд начал применять механизм пилотных постановлений с 2004 г., а в 2011 г. он был включен в Регламент ЕСПЧ. См. подробнее: *Ковлер А. И.* Новые тенденции в практике Европейского суда по правам человека: «пилотные постановления» о «структурных проблемах» // *Права человека. Практика Европейского суда по правам человека.* 2006. № 5; *Терехов К. И.* Пилотные постановления, выносимые Европейским судом по правам человека: введение в системный анализ явления // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2011. № 4. С. 52–60.

средства бюджетов бюджетной системы РФ⁴³⁸, но не решающим проблему исполнения решений в натуре⁴³⁹.

В последующем было вынесено пилотное Постановление ЕСПЧ от 1 июля 2014 г. по делу *Герасимов и другие (Gerasimov and Others) против Российской Федерации* (Жалобы № 29920/05, 3553/06, 18876/10, 61186/10, 21176/11, 36112/11, 36426/11, 40841/11, 45381/11, 55929/11, 60822/11), обязывающее власти России создать эффективное средство правовой защиты при длительном неисполнении судебных решений, возлагающих на органы государственной власти обязательства в натуре⁴⁴⁰. 19 декабря 2016 г. подписан Федеральный закон № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок“»⁴⁴¹, действие которого распространяется на все случаи исполнения органами государственной власти и местного самоуправления

⁴³⁸ См. подробнее: *Мусаева А. Г.* Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Астратова С. В.* Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013; *Симонов И. Д.* Производство по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015 и др.

⁴³⁹ *Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф.* Особенности обращения в суд по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство (или права на исполнение судебного решения) в разумный срок // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 12. С. 3–8.

⁴⁴⁰ *Ковлер А. И.* Герасимов и другие против России – новое пилотное постановление Европейского суда // *Международное правосудие.* 2014. № 3.

⁴⁴¹ См. подробнее: *Белякова А. В.* Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

судебных актов⁴⁴². В настоящее время процедуре компенсации посвящена отдельная глава КАС РФ (Глава 26. Производство по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок).

Процессуальное законодательство пережило несколько этапов реформирования с целью приведения процедуры пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в соответствие требованиям ЕСПЧ о соблюдении принципа правовой определенности⁴⁴³, и в настоящее время у нас существует две кассационные инстанции⁴⁴⁴. Причем с 1 октября 2019 г. в судах общей юрисдикции появились окружные кассационные суды, с целью обеспечить более независимость судебных инстанций Россия пошла на судеоустройственную реформу, которая была названа «процессуальной революцией», поскольку Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 03 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации“» предлагались обширные изменения процессуального законодательства. В частности, предусматривалось установить в качестве общего правила исключение обязательности мотивирования судебных актов, как это

⁴⁴² *Ковлер А. И.* Денежные обязательства и обязательства в натуре государства в свете практики Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 43–53.

⁴⁴³ *Барышников П. С.* Влияние Совета Европы на гражданское процессуальное право России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 61–69.

⁴⁴⁴ *Сидоренко А. И.* Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского Суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016. 30 с.; *Султанов А. Р.* ЕСПЧ дал Верховному Суду РФ шанс, признав вторую кассацию в гражданском процессе // Закон. 2015. № 7. С. 127–133.

осуществляется в Республике Беларусь. В июне 2019 г. председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев обратил внимание на то, что: «подобный порядок хотели ввести в России, но соответствующий законопроект, внесенный Верховным Судом РФ *пока* [курсив наш – *А.Р.*] не принят, и по гражданским делам обжалуется незначительная часть судебных решений, а на описание тратятся огромные ресурсы и время»⁴⁴⁵.

Учитывая мнение, что «конец процессуальной революции не близок»⁴⁴⁶, следует постоянно критически оценивать законопроекты сокращающие правовые гарантии⁴⁴⁷, полагаем возможным рассматривать проблему мотивированности судебных актов через призму правовых позиций ЕСПЧ⁴⁴⁸. В качестве наглядного примера того, что требуется от юрисдикционных органов в правовом государстве достаточно ознакомиться с правовыми позициями ЕСПЧ, изложенными в Постановлении от 11 января 2007 г. по делу *Кузнецов и другие против России* (жалоба № 184/02): «83. Суд повторяет, что в соответствии с установленным прецедентным правом, которое отражает принцип надлежащего отправления правосудия, в решении судов и органов правосудия должны быть надлежащим образом указаны основания, по которым они были вынесены. Пункт 1 статьи 6 обязывает судебные инстанции указывать мотивировку постановленных ими решений, но этот пункт нельзя толковать как обязывающий предоставлять подробный ответ по каждому доводу. То, в какой мере должна исполняться

⁴⁴⁵ Судопроизводственное совещание. Судьи стран ШОС обменялись опытом рассмотрения дел // *Коммерсантъ*. 2019. 19 июля. № 104. С. 5.

⁴⁴⁶ *Смагина Е. С.* Завершена ли «процессуальная революция»? // *Вестник гражданского процесса*. 2019. № 4. С. 113–123.

⁴⁴⁷ *Алексеевская Е. И.* Правосудие в концепции устойчивого развития // *Вестник гражданского процесса*. 2019. № 4. С. 12–30.

⁴⁴⁸ *Султанов А. Р.* О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека // *Международное публичное и частное право*. 2008. № 2. С. 11–13; *Султанов А. Р.* Европейские правовые стандарты: уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012. С. 91–97.

данная обязанность излагать мотивировку, зависит от характера решения (см. п. 29 Постановления по делу *Руис Ториха против Испании* от 9 декабря 1994 г., Серия А, № 303-А). И хотя национальные суды пользуются ограниченным правом принятия решения в вопросе выбора доводов по конкретному делу и приобщения доказательств достоверности утверждений сторон, эти органы обязаны указать основания для своих действий, изложив мотивировку этих решений (см. п. 36 Постановления по делу *Суоминен против Финляндии* от 1 июля 2003 г. по жалобе № 37801/97). Еще одна роль мотивированного решения состоит в том, что оно доказывает сторонам, что их позиции были заслушаны. Кроме того, мотивированное решение дает возможность какой-либо стороне обжаловать его, а апелляционной инстанции – возможность его пересмотреть. Изложение мотивированного решения является единственной возможностью для общественности проследить отправление правосудия (см. п. 30 Постановления по делу *Хирвисаари против Финляндии* от 27 сентября 2001 г. по жалобе № 49684/99). Очевидно, что вынесение немотивированного судебного решения будет порождать конвенциональное охранительное правоотношение, поскольку будет нарушением права на справедливое судопроизводство.

Хотя в настоящее время в процессуальных кодексах (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ)⁴⁴⁹ создана процессуальная форма возобновления производства после вынесения постановления ЕСПЧ (пересмотр по новым обстоятельствам) и даны разъяснения Верховного Суда РФ о порядке применения данной процедуры, нам, безусловно, еще предстоит тщательно проработать ее развитие, поскольку она все же является следствием лишь приспособления уже существовавшей процедуры для другой процессуальной задачи – исполнения постановлений ЕСПЧ.

Соответственно, данная процессуальная форма не учитывает все возможные нюансы. Выше мы уже упоминали возможность расширения применения данной процедуры, в том числе для случаев, когда Россия, видя нарушение Конвенции,

⁴⁴⁹ В КоАП РФ она пока отсутствует, на что уже обращал внимание ЕСПЧ.

делает одностороннее заявление, либо когда заключается мировое соглашение. Кроме того, ЕСПЧ иногда устанавливает факт «длющегося нарушения Конвенции». Однако, хотя данное явление объективно существует и в судебной практике, и процессуальных законах России нет даже упоминания «длющегося правонарушения»⁴⁵⁰ со стороны государства. Соответственно, суды, сталкиваясь с длющимися нарушениями прав и свобод, гарантируемых Конвенцией, не выполняют своей обязанности по защите прав и свобод⁴⁵¹.

Здесь мы имеем проблему не только в том, что ныне действующее процессуальное законодательство не содержит эффективных процессуальных средств в случае установления ЕСПЧ длющегося нарушения Конвенции, которое может быть следствием не одного судебного процесса, а целого их ряда, а в том, что, сталкиваясь с «длющимся нарушением» со стороны государства, национальные суды фактически устраняются от рассмотрения данного вопроса, ссылаясь на пропуск сроков обращения в суд (ч. 4 ст. 198 АПК РФ или ст. 256 ГПК РФ).

Концепция «длющегося правонарушения», применяемая ЕСПЧ⁴⁵², должна, на наш взгляд, также учитываться судами при рассмотрении вопроса о возможности отказа в удовлетворении требований на основании пропуска сроков, установленных ч. 4 ст. 198 АПК РФ или ст. 256 ГПК РФ. В том случае, когда речь идет о длющемся продолжаемом правонарушении, суд не имеет права отказывать в принятии заявления на основании пропуска сроков для обращения. Срок для обращения в суд при наличии длющегося правонарушения должен исчисляться не

⁴⁵⁰ *Корнилина А. А.* Влияние Постановлений Европейского Суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 129.

⁴⁵¹ См. в частности: определение Московского городского суда от 22 сентября 2009 г. по делу № 33-24161.

⁴⁵² См. например: Постановление ЕСПЧ по делу *Панамихалопус и другие против Греции* от 24 июня 1993 г.

с момента начала правонарушения, а с момента его окончания. Принцип subsidiarity защиты прав и свобод человека предусматривает, что в первую очередь государство – участник Конвенции должно создать эффективные средства для защиты нарушенных прав и свобод (быть может, даже создать условия для их ненарушения). Такой подход, позволит защищать права и свободы непосредственно в российских судах, а не перекладывать рассмотрение данных проблем в ЕСПЧ, в надежде, что, быть может, жалоба в ЕСПЧ не будет подана...

Признав за своими гражданами право на обращение в межгосударственные органы за поиском справедливости в качестве конституционного права, государство обязано сделать так, чтобы данное право не осталось иллюзорным, а было эффективным.

Соответственно, разрешение проблемы исполнения постановлений ЕСПЧ не может сводиться только к установлению процедуры возобновления производства, поскольку само по себе возобновление производства еще не означает восстановления нарушенных конвенционных прав и свобод, так как просто возобновление конвенциональное охранительное правоотношение не прекращает.

Выше мы в качестве иллюстрации этого приводили постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 30 июня 2009 г. по делу *Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии против Швейцарии*⁴⁵³. В нем Страсбургский суд установил факт нарушения Конвенции в связи с неисполнением своего ранее вынесенного постановления. При этом что в Швейцарии предусмотрена процедура возобновления производства после вынесения постановления ЕСПЧ, такой пересмотр не был осуществлен, и

⁴⁵³ Постановление ЕСПЧ от 30 июня 2009 г. по делу *Verein Gegen Tierfabriken Schweiz (VGT) v. Switzerland (Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии (VGT) против Швейцарии)* // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 11/2009.

заявитель снова обратился в Страсбург. Большая Палата в данном деле сформулировала ряд важных правовых позиций:

«...возобновление производства на внутреннем уровне может являться одним из важных аспектов исполнения решений суда...

...возобновление разбирательства, которое нарушило Конвенцию, не является самоцелью, это просто средство – хотя и одно из основных средств, – которые могут быть использованы для указанных целей, а именно: полное и надлежащее выполнение постановлений Суда»⁴⁵⁴.

В настоящее время уже имеется Постановление ЕСПЧ по делу против России, в котором нашли отражение данные принципы. Так, после вынесения ЕСПЧ Постановления по делу *Лю и Лю против РФ* (жалоба № 42086/05) от 6 декабря 2007 г., заявители (Лю и Лю) обратились в суд центрального района Хабаровска с просьбой о пересмотре судебного решения от 4 ноября 2004 г., ссылаясь на Постановление ЕСПЧ, а 2 декабря 2008 г. Центральный районный суд г. Хабаровска удовлетворил их заявление, отменил решение от 4 ноября 2004 г. и приступил к рассмотрению дела заново. Но новое разбирательство, хотя и несколько отличалось от предыдущего, привело к тем же результатам, в связи, с чем заявители снова обратились в ЕСПЧ.

26 июля 2011 г. ЕСПЧ опубликовал Постановление по делу *Лю против России* (№ 2) (жалоба № 29157/09), в котором снова установил нарушение ст. 8 Конвенции.

Отсюда можно сделать следующий вывод: процессуальные последствия постановления ЕСПЧ должны проявляться не только в возможности возобновления производства, но и в обеспечении восстановления нарушенных прав и свобод пострадавшего лица и недопущении нового нарушения Конвенции.

⁴⁵⁴ Application no. 3272/02, *Verein Gegen Tierfabriken Schweiz (VGT) v. Switzerland*, Judgment of 30 June 2009, § 90.

Окончание процессуального правоотношения не означает прекращения охранительного правоотношения⁴⁵⁵. Конвенционное охранительное правоотношение завершается лишь тогда, когда «субъективное право реализовано и достигнута цель осуществления субъективного права либо нарушенное субъективное право было восстановлено»⁴⁵⁶.

Это следует из компетенции ЕСПЧ осуществлять надзор за соблюдением прав и свобод человека государствами-участниками.

Законодатель должен определять процессуальный эффект постановлений ЕСПЧ исходя из компетенции этого суда таким образом, чтобы национальные суды были связаны вынесенным в Страсбурге постановлением и не пытались настаивать на своем ошибочном толковании обязательств, вытекающих из участия России в Конвенции. Это тем более важно, поскольку на государстве лежит обязанность не только восстановить нарушенные права и свободы заявителя, но и предоставить полный отчет о принятых для этого мерах в Комитет Министров Совета Европы. Соответственно, возобновление производства по делу, которое не окончилось восстановлением нарушенных прав и свобод, может породить новое охранительное правоотношение, соответственно, новое разбирательство в Страсбурге и новое установление факта нарушения Конвенции. Ведь решение суда необходимо будет предоставить в качестве подтверждения исполнения или неисполнения постановления ЕСПЧ, а в соответствии с Протоколом №14, вступившим 01 июня 2010 г. в законную силу, у Комитета Министров Совета Европы появилась возможность направлять обращения в ЕСПЧ в случаях ненадлежащего исполнения постановлений последнего.

Что же касается случаев, когда основанием для нарушения прав и свобод человека явилась сложившаяся правоприменительная практика, то ответственность за изменение данной практики ложится в первую очередь на

⁴⁵⁵ Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009. С. 124.

⁴⁵⁶ Султанов А. Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского суда по правам человека. М. : Статут, 2013. 544 с.

высшие судебные инстанции. Но это не освобождает нижестоящие суды от вынесения судебных актов в соответствии с толкованиями Конвенции, содержащимися в постановлениях ЕСПЧ.

Лишь используя данный подход, можно действительно принести права человека домой и продолжить движение по реализации Всеобщей декларации прав человека, тогда вынесение постановления ЕСПЧ будет восприниматься не как проигрыш России, а как помощь в улучшении правового поля и защите прав и свобод жителей России.

Мы не оставляем надежды на принятие комплексного закона «Об исполнении решений межгосударственных органов, вынесенных по жалобам против РФ», что полностью соответствовало бы озвученной позиции Президента РФ: «...мы заинтересованы в том, чтобы таким образом усовершенствовать наше правосудие, чтобы оно было эффективным, и создать условия, когда у наших граждан не было бы необходимости прибегать к услугам международных судов или, во всяком случае, количество таких случаев было бы существенно меньше. Потому что наша задача – создать именно качественное правосудие, которое помогает нашим гражданам непосредственно в стране...».

Причем можно было бы воспользоваться наработками стран – участников Совета Европы. Крайне интересным является принятый в Соединенном Королевстве «Закон о правах человека» 1998 г.⁴⁵⁷, полное наименование которого «Акт для упрочения действенности прав и свобод, гарантированных Европейской конвенцией о правах человека; для изменения положений относительно занимающих определенные судебные должности лиц, становящихся судьями

⁴⁵⁷ См. подробнее об этом акте: *Иванова И. К.* Акт о правах человека: акт инкорпорации Конвенции о правах человека и основных свобод в правовую систему Соединенного Королевства // Труды института государства и права Российской академии наук. 2014. № 4. С. 119–128.

Европейского Суда по правам человека; и для связанных с этим целей» от 9 ноября 1998 года⁴⁵⁸.

Позже принятый Закон Украины от 23 февраля 2006 г. № 3477-IV «Об исполнении решений и применении практики Европейского Суда по правам человека» вообрал в себя все современные наработки Совета Европы, направленные на всестороннее решение вопросов исполнения государствами – членами Совета Европы постановлений ЕСПЧ⁴⁵⁹.

Данный закон принят с целью урегулировать отношения, возникающие в связи с обязанностью государства исполнить решения ЕСПЧ по делам против Украины; с необходимостью устранения причин нарушения Украиной Конвенции; с внедрением в украинское судопроизводство и административную практику европейских стандартов прав человека; с созданием предпосылок для уменьшения числа заявлений в ЕСПЧ против Украины. То есть данный закон носит комплексный характер и разрешает не только процессуальный эффект постановлений ЕСПЧ. Но надо отметить, что в нем предусмотрен даже принудительный механизм исполнения постановлений ЕСПЧ в части выплаты присужденной компенсации.

К сожалению, наше законодательство не предусматривает способов принудительного исполнения ЕСПЧ, а процессуальное законодательство не предоставляет средств защиты от неисполнения постановлений ЕСПЧ. Попытки приведения в исполнение постановлений ЕСПЧ в порядке, установленном для

⁴⁵⁸ Перевод части данного закона опубликован в книге Конституционный контроль в зарубежных странах / под ред. В. В. Маклакова. М., 2007. С. 165–176.

⁴⁵⁹ *Богаченко-Мишевский А.* Исполнение по-европейски, анализ Закона Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» // Юридическая практика. 2006. № 14. URL: <http://www.yurpractika.com/article.php?id=10005864> (дата обращения: 05.07.2010).

признания иностранных решений, не получили поддержки Верховного Суда РФ⁴⁶⁰.

К счастью, пока практически отсутствуют проблемы с исполнением постановлений ЕСПЧ в виде выплаты компенсаций РФ⁴⁶¹, но если бы возникла такая проблема, то разрешение ее ввиду отсутствия механизма принудительного исполнения было бы сложным и не процессуальным, лишь в виде обращений к должностным лицам и в Комитет Министров Совета Европы.

Конечно же, «сила есть более элемент неправды, чем права, которое в нормальном его существовании никогда не вызывают насильственного осуществления. Право перестает существовать с того момента, когда оно перестало быть побудительной причиной и мотивом людских действий, когда оно более не осознается»⁴⁶². Действительно нужно стремиться к тому, чтобы все государственные органы руководствовались желанием защитить права и свободы человека, работать над повышением уровня правосознания, однако должен существовать механизм защиты и принудительного осуществления этих прав и свобод.

Одним из инструментов, который может сподвигнуть правоприменителя не допускать нарушения Конвенции, является закрепления в законе об исполнении постановлений ЕСПЧ процедуры возмещения убытков, нанесенных государственному бюджету вследствие выплаты компенсации, присужденной ЕСПЧ за нарушение прав и свобод. Например, в законе Украины, где данная процедура установлена, обращение с иском о возмещении таких убытков закреплено не в качестве возможности, а в качестве обязанности. Более того, умышленное неисполнение должностным лицом постановления ЕСПЧ согласно ч. 3 ст. 382 УК Украины порождает уголовную ответственность. Предложение

⁴⁶⁰ Определение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2004 г. по делу № 41-Г04-27.

⁴⁶¹ За исключением *дела ЮКОСа*...

⁴⁶² *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1904 г.). М., 1996. С. 16.

судьи Конституционного Суда РФ в отставке профессора В. О. Лучина о необходимости принятия специальных мер ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда РФ, на наш взгляд, может быть распространено и на неисполнение постановлений ЕСПЧ, поскольку в силу специфики субъектов, которые должны исполнять решения Конституционного Суда РФ, обычные меры ответственности не могут быть использованы⁴⁶³.

Мы не идеализируем опыт Украины – безусловно, недостаточно существования процедуры, крайне важно правоприменение. В той же самой Украине, несмотря на обозначенные нормативные акты, проблемы с исполнением постановлений ЕСПЧ привели к тому, что ЕСПЧ вынужден был тщательно анализировать ситуацию, когда при рассмотрении заявления о возобновлении производства национальные суды Украины исказили смысл постановления ЕСПЧ, что было признано новым вмешательством в право на справедливое судопроизводство⁴⁶⁴. То есть при наличии справедливой процедуры, которая была признана ЕСПЧ приемлемой, само отправление правосудия было несправедливым. При этом исполнение первого постановления ЕСПЧ все еще осталось на контроле у Комитета Министров Совета Европы.

Полагаем, что Россия обладает достаточным потенциалом для создания механизма полного исполнения решений межгосударственных органов, а многонациональный народ, проживающий в России, заслуживает того, чтобы права и свободы каждого жителя были реально защищены, а не только провозглашены. Шаги по ратификации 14 Протокола подтверждают направленность России на ранее взятый курс по уважению и защите прав и свобод человека. Указ Президента РФ от 6 июля 2010 г. № 836 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 29 марта 1998 г. № 310 „Об Уполномоченном РФ при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции РФ“» и в

⁴⁶³ Лучин В. О. Конституция РФ проблемы реализации. М., 2002. С. 608.

⁴⁶⁴ См.: Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу *Bochan v. Ukraine* (Бочан против Украины) (№ 2), жалоба № 22251/08.

Положение, утвержденное этим Указом. Данный Указ также имеет прямое отношение к исполнению постановлений ЕСПЧ, порождает надежду на их полное исполнение: «...обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления при исполнении ими постановлений Суда и решений Комитета министров Совета Европы в связи с жалобами о нарушении Российской Федерацией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, *включая восстановление нарушенных прав заявителей*, выплату им присужденной Судом денежной компенсации и принятие мер общего характера, направленных на устранение и (или) предотвращение нарушений Российской Федерацией положений указанной Конвенции...».

Издание в мае 2011 г. Президентом России Указа «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»⁴⁶⁵ также направлено на исполнение постановлений ЕСПЧ. Данным Указом Президент РФ утвердил положение о мониторинге правоприменения в России и возложил на Министерство юстиции РФ осуществление мониторинга правоприменения в Российской Федерации в целях выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений ЕСПЧ, в связи с которыми необходимо принятие (издание), изменение или признание утратившими силу (отмена) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

*Полагаем, что Россия выигрывает, когда предпринимаются эффективные меры по восстановлению нарушенных прав и **предотвращению нарушений прав и свобод человека**. Только это делает Россию сильной державой, державой которой гордятся и на благо которой работают.*

Только сильная держава сможет быстро реагировать и устранять нарушения прав человека и в ответ получать поддержку и признание своих граждан.

⁴⁶⁵ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657.

Но независимо от тех усилий, которые прилагает государство, полагаем, что обязанность каждого, кто столкнулся с нарушением прав и свобод, заключается в том, чтобы предпринять усилия по их восстановлению, ведь *«борьба за право есть обязанность управомоченного по отношению к самому себе... Право есть непрерывная работа, притом не одной только государственной власти, но всего народа. Вся жизнь права, взятая в ее целом, являет перед нами такое же зрелище неустанного напряжения и труда со стороны всей нации, какое представляет деятельность последней в области экономического и духовного производства. Всякое отдельное лицо, которому приходит нужда отстаивать свое право, имеет свою долю участия в этой национальной работе, по мере своих сил способствует осуществлению на земле идеи права»*⁴⁶⁶.

Конечно же, прецеденты ЕСПЧ рождаются благодаря обращениям граждан в попытке защитить свои права или свободы, они рождаются в поисках справедливости. В то же время *правовые позиции ЕСПЧ, несмотря на их безусловную важность, все же только указывают на то, каким образом должны защищаться права и свободы, которые существуют у человека с момента рождения, а не являются данными государством и даже не созданными Конвенцией. Соответственно, европейские стандарты – это стандарты, прежде всего, показывающие, как должно защищать права и свободы человека.*

Как отмечали исследователи естественного права: *«главная правоведческая забота теории естественного права – выявление принципов и пределов господства закона и прослеживание того, какими путями здравые законы при всей их позитивности и изменчивости, происходят из неизменных принципов – принципов, которые получают силу своей разумности, а не от каких-либо полагающих начало актов или обстоятельств»*⁴⁶⁷. Так вот, постановления ЕСПЧ – являются кладезью образцов того, как надо применять эти принципы.

⁴⁶⁶ Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 2006. С. 36

⁴⁶⁷ Финнис Д. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 435.

Мы полностью разделяем подход и Верховного Суда РФ, и Конституционного Суда РФ об обязательности учета правовых позиций ЕСПЧ как *ergo omnes*, поскольку такой учет должен помочь посмотреть на дело глазами судей ЕСПЧ и понять, как применяются принципы, из которых сотканы европейские правовые стандарты. Тогда национальному судье будет значительно легче защитить или восстановить нарушенные прав и свободы, тем самым конвенциональное охранительное правоотношение будет прекращено в России.

Хотя прецеденты ЕСПЧ не в полной мере сравнимы с прецедентами стран общего права, полагаем уместным процитировать Б. Кардозо, который писал, что правила и начала прецедентного права никогда не рассматривались как истина в последней инстанции, но всегда были рабочими гипотезами, постоянно перепроверяемыми в этих огромных лабораториях права – судах. Каждое новое дело – эксперимент; и если ранее принятое правило, представляющееся применимым, дает результат, который кажется несправедливым, правило пересматривается⁴⁶⁸.

Европейский Суд в какой-то мере можно назвать центральной лабораторией защиты основных свобод и прав человека в Европе, которая приступает к своей работе, когда «национальные лаборатории» не сработали и конвенциональное охранительное правоотношение продолжилось в ЕСПЧ.

Не удивительно, что наиболее частыми обращениями в ЕСПЧ являются обращения о нарушении ст. 6 и 13 Конвенции. В то же время европейские правовые стандарты должной процедуры содержатся не только в делах, где стоит вопрос о применении данных статей, вопросы процессуальных гарантий разрешаются также и при нарушении материальных норм Конвенции, поскольку конвенциональное охранительное правоотношение предполагает, что рассмотрение вопросов об ограничении прав и свобод должно обеспечиваться надлежащей правовой процедурой, которая в себя включает гарантии возможности участвовать в процессе доказывания.

⁴⁶⁸ Кардозо Б. Н. Природа судебной деятельности. М., 2017. С. 17.

Соответственно, практика ЕСПЧ крайне важна для понимания того, как защищать основные права и свободы. Тем более что эта практика связывает сам ЕСПЧ, который будет, безусловно, ее учитывать. Надо отметить, что практика ЕСПЧ может иметь разный характер – устоявшаяся практика (по повторяющимся делам), определяющие практику постановления (*leading cases*), пилотные постановления (направленные на решение структурных и системных проблем, в основном требующих внесения изменений в законодательство с целью обеспечения правовых гарантий защиты прав и свобод), недавно появившиеся «полупилотные» постановления⁴⁶⁹ (например, Постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2016 г. по делу *Карелин (Karelin) против Российской Федерации* (жалоба № 926/08)). В то же время не нужно забывать, что «если судья в какой-то мере должен создать норму, которую он прилагает в конкретном случае, он все же не обладает свободой выбора, которой пользуется законодатель, и не может преподать эту норму для всеобщего ее применения в иных ситуациях, чем та, к которой относится его решение. Поэтому следует проводить ясное различие между функцией суда по отысканию права и правоустанавливающей функцией законодателя»⁴⁷⁰.

Главная задача российского правоприменителя, по нашему мнению, как ни удивительно, заключается не в непосредственном применении правовых позиций ЕСПЧ, а в том, чтобы научиться применять принципы, из которых проистекают европейские правовые стандарты, на основе которых и формулируются правовые позиции ЕСПЧ, с тем чтобы основные свободы и права человека не нарушались, а

⁴⁶⁹ Тренина Д.В. Проблемы исполнения Россией постановлений Европейского Суда в делах о выдаче и высылке // *Международное правосудие*. 2014. № 3. С. 63–78; Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // *Адвокат*. 2017. № 1. С. 26–34; Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека = *Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights* / Т. К. Андреева, Е. Е. Баглаева, Г. Е. Беседин [и др.] М. : Развитие правовых систем, 2019. Вып. 5: Россия и Европейская конвенция по правам человека: 20 лет вместе. 576 с.

⁴⁷⁰ Хадсон О. М. *Международные суды в прошлом и будущем*. М., 1947. С. 324.

уж если они нарушены, то чтобы они получили должную защиту или были восстановлены на национальном уровне, чтобы конвенциональное охранительное правоотношение не было длительным, не длилось годами и десятилетиями – «отложенное правосудие есть отсутствие правосудия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативно правовые акты

1.1. Международные правовые акты

1. ООН. Конвенции. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1982. – № 25 (2151). – Ст. 464. – Текст : непосредственный.

2. ООН. Конвенции. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1969. – 25. – Ст. 219. – Текст : непосредственный.

3. ООН. Протоколы. Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : [принят Генеральной Ассамблеей ООН 6 октября 1999 года : ратифицирован Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 52-ФЗ «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»]. – Текст : непосредственный.

4. Совет Европы. Конвенции. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. 1950 г. : Совет Европы. Конвенции. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. 1950 г. : [текст Конвенции в редакции Протокол N 15 (Страсбург, 24 июня 2013 г.), по состоянию на 1 февраля 2022 г.] цит. по СПС «Гарант Максимум»– Текст : непосредственный.

1.2. Правовые акты Российской Федерации

5. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237. – Текст : непосредственный.

Кодифицированные

6. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ : [принят Государственной Думой 14 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012. – Текст : непосредственный.

7. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532. – Текст : непосредственный.

8. Российская Федерация. Законы. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ : [принят Государственной Думой 20 февраля 2015 года : одобрен Советом Федерации 25 февраля 2015 года] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

9. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ : [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

10. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : [принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

Некодифицированные

11. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 330-ФЗ : [принят Государственной Думой 14 ноября 2007 года : одобрен Советом Федерации 23 ноября 2007 года] // Российская газета. – 2007. – 8 декабря. – № 276. – Текст : непосредственный.

12. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : Федеральный закон № 120-ФЗ : [принят Государственной Думой 7 июля 2000 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – 14 августа. – № 33. – Ст. 3346. – Текст : непосредственный.

13. Президент Российской Федерации. Указы. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 21. – Ст. 2930. – Текст : непосредственный.

14. Президент Российской Федерации. Указы. Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 (с изменениями от 22 декабря 1999 г., 28 июня 2005 г., 20 марта, 7 мая 2007 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1540. – Текст : непосредственный.

15. Верховный Совет СССР. Постановления. О присоединении СССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах : постановление Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. № 2304-I // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

16. Верховный Совет СССР. Постановления. О признании компетенции Комитета по ликвидации расовой дискриминации в соответствии со статьей 14 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации :

постановление Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. № 2306-I // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1991. – № 29. – Ст. 844. – Текст : непосредственный.

2. Материалы правоприменительной практики

1. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 30078/06 «Константин Маркин (*Konstantin Markin*) против РФ» : [Постановление Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

2. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 22251/08 «Бочан против Украины» (*Bochan v. Ukraine*) № 2 : [Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 05 февраля 2015 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

3. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 33509/04 «Бурдов против России» (*Burdov v. Russia*) : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 года] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2009. – № 5. – Текст : непосредственный.

4. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 18357/91 «Хорнсби (*Hornsby*) против Греции» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 марта 1997 года] // Европейские правовые стандарты в Постановлениях Конституционного Суда РФ. – М., 2003. – С. 640–662. – Текст : непосредственный.

5. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба №14307/88 «Коккинакис против Греции» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 мая 1993 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

6. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба №18748/91 «Мануссакиса и другие против Греции» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 сентября 1996 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

7. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 47143/06 Роман Захаров (*Roman Zakharov*) против Российской Федерации : [Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2015 г.] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

8. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 54891/00 Жигалев (*Zhigalev*) против Российской Федерации» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 июля 2006 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

9. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 23241/04 «Арма против Франции (*Arma v. France*)» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 марта 2007 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

10. ЕСПЧ. Постановления. «Папамихалопус и другие против Греции» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июня 1993 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

11. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 35014/97 «Хуттен-Чапска против Польши» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 июня 2006 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

12. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 8320/04 «Рябикин (*Ryabikin*) против России» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 июня 2008 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

13. ЕСПЧ. Постановления. Жалобы № 76836/01, 32782/03. «Кимля и другие против России» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 01 октября 2009 года] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2010. – № 2 // СПС «ГарантМаксимум». – Текст : электронный.

14. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 22251/08 «Бочан (*Bochan*) против Украины (№ 2)» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 05 февраля 2015 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

15. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 39806/05 «Палади против Молдавии» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июля 2007 г.] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

16. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 24668/03 «Олаэчеа Кауас против Испании» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 августа 2006 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

17. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 33771/02 «Дриза против Албании» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 ноября 2007 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

18. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 50278/99 «Аульми против Франции» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 января 2006 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

19. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 36378/02 «Шамаев и 12 других против Грузии и России» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 апреля 2005 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

20. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 33411/05 «Хуля против Румынии» (*Hulea v. Romania*) : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 октября 2012 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

21. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 16330/02 «Гюльмиез против Турции» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 мая 2008 года] //

Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

22. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 33509/04 «Бурдов против РФ» (№ 2) : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

23. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 46347/99 «Ксенидес-Арестис против Турции» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 декабря 2005 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

24. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 70142/01 «Дунаев (*Dunayev*) против Российской Федерации» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

25. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 44009/05 «Штукатуров против России» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 2008 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

26. ЕСПЧ. Постановления. Жалобы № 46827/99, 46951/99 «Маматкулов и Аскарлов против Турции» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 февраля 2005 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

27. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 74258/01 «Объединение „Урбарска обец тренчанскс бискупице“ против Словакии» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 ноября 2007 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

28. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 1828/06 «Компания G.I.E.M. С.р.л. и другие (*G.I.E.M. S.r.l. and Others*) против Италии» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 июня 2018 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

29. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 58973/00 «Ракевич (*Rakevich*) против Российской Федерации» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2003 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

30. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 36813/97 «Скордино против Италии» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 марта 2006 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

31. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 3272/02 «Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии (*VGT*) против Швейцарии» (*Verein Gegen Tierfabriken Schweiz (VGT) v. Switzerland*) : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2009 года] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2009. – № 11. – Текст : непосредственный.

32. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 22251/08 «Бочан против Украины (№ 2)» (*Bochan v. Ukraine*) (№ 2) : [Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2015 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

33. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 5029/71 «Класс (*Klass*) и другие против Федеративной Республики Германии» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 сентября 1978 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL : <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

34. ЕСПЧ. Постановления. Жалобы № 5095/71, 5920/72 и 5926/72 «Кьелдсен (*Kjeldsen*), Буск Мадсен (*Busk Madsen*) и Педерсен (*Pedersen*) против Дании» : [Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 декабря 1976 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

35. ЕСПЧ. Постановления. «Хаушильд против Дании» : [Постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 24 мая 1989 года] //

Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

36. ЕСПЧ. Постановления. «Пиерсак против Бельгии» : [Постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 15 июля 1980 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

37. ЕСПЧ. Постановления. «Ферантелли и Сантангелло против Италии» : [Постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 07 августа 1996 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

38. ЕСПЧ. Постановления. Жалоба № 14502/04 «Нелюбин против РФ» : [Постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 2 ноября 2006 года] // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>. – Текст : электронный.

39. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. А. Татарникова : [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 2015 года № 25-П] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

40. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области : [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 года 19-П] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

41. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К. А. Инешина, Н. С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим» : [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2006 года № 1-П] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

42. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижекамскнефтехим» : [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 11-П] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

43. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» : [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2008 года № 6-П] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

44. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» : [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от

26 мая 2011 года № 10-П] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

45. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики)», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» : [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 года № 10-П] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

46. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан : [Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года № 2-П] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

47. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности положений статьи 21.1 и пункта 7 статьи 22 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой гражданина А. В. Федичкина : [Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 года № 26-П] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

48. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29

Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева : [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2014 года № 10-П] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru>. – Текст : электронный.

49. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. Постановления. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в АПК РФ» : [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04 марта 2010 года № 10] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

50. Верховный Суд Российской Федерации. Постановления. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5] // Российская газета. – 2003. – 2 декабря. – 244. – Текст : непосредственный.

51. Верховный Суд Российской Федерации. Постановления. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам подсудности уголовных дел» : [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 52] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru>. – Текст : электронный.

52. Верховный Суд Российской Федерации. Постановления. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3] // Российская газета. – 2005. – 15 марта. – № 50. – Текст : непосредственный.

53. Верховный Суд Российской Федерации. Постановления. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 года № 11] // Российская газета. – 2016. –6 апреля. – № 72. – Текст : непосредственный.

54. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курамшина Рустама Рахимджановича на нарушение его конституционных прав статьей 387 и частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2006 года № 135-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

55. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. По жалобе гражданки Петровой Ираиды Валерьяновны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 1999 года № 4-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

56. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Кравченко Леонида Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 320 ГПК РСФСР : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2000 года № 86-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

57. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жидова Семена Павловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2006 года № 135-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

Федерации от 19 июня 2007 года № 454-О-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

58. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Новожиловой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2007 года № 461-О-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

59. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дейнеко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 52-О-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

60. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. По жалобе гражданки Севастьяновой Алевтины Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2004 года № 211-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

61. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. По ходатайству гражданки А. А. Филатовой о разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 года № 3-П : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2008 года № 737-О-Р] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

62. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лукашонка Виктора Николаевича, Лукашонок Татьяны Анатольевны, Хиневича Александра Юрьевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 3.1 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности : [Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 года № 463-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

63. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. По запросу Московского областного суда о проверке конституционности статей 387 и 390 Гражданского процессуального кодекса РФ : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2007 года № 423-О-П] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

64. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. По ходатайству Высшего Арбитражного Суда РФ об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 года по жалобе гражданки И. В. Петровой на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2004 года № 78-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

65. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фурсова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 года № 455-О-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

66. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Лесной Лидии Николаевны, Стригуна Станислава Владимировича, Чичерина Виктора Петровича и общества с ограниченной ответственностью «Афина-Бизнес» на нарушение конституционных прав и свобод частью второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2007 года № 325-О-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

67. Конституционный Суд Российской Федерации. Определения. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей : [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 года № 187-О-О] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: ksrf.ru. – Текст : электронный.

68. Никулинский районный суд г. Москвы. Определения : [Определение от 11 марта 2008 года] // База данных судебных решений. URL: sudact.ru. – Текст : электронный.

69. Верховный Суд Российской Федерации. Определения : [Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2017 года № 46-КГ17-24] // База данных судебных решений. URL: sudact.ru. – Текст : электронный.

70. Советский районный суд города Волгограда. Определения : [Определение от 29 января 2007 года] // База данных судебных решений. URL: sudact.ru. – Текст : электронный.

71. Таганрогский городской суд Ростовской области. Определения : [Определение от 05 декабря 2006 года] // База данных судебных решений. URL: sudact.ru. – Текст : электронный.

3. Специальная литература

1. Абдрашитова, В. З. Прецедентный характер решений Европейского Суда по правам человека / В. З. Абдрашитова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2007. - № 9. – С. 28–36.

2. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. – М., 1955. – С. 91–92. – Текст : непосредственный.

3. Алексеевская, Е. И. Правосудие в концепции устойчивого развития / Е. И. Алексеевская. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 12–30.

4. Андреева, Т. К. Заседатели в арбитражном процессе / Т. К. Андреева. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 1997. – № 5. – С. 24–31.

5. Антонович, Е. К. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве / Е. К. Антонович, А. Л. Осипов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2017. – № 1. – С. 26–34.

6. Арановский, К. В. Исполнение актов ЕСПЧ в позициях конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами / К. В. Арановский, С. Д. Князев. – Текст : непосредственный // Закон. – 2019. – № 6. – С. 38–43.

7. Афанасьев, С. Ф. О пересмотре судебных актов по гражданским делам в связи с применением нормативных правовых актов с обратным эффектом / С. Ф. Афанасьев. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 2. – С. 3–10.

8. Афанасьев, С. Ф. Особенности обращения в суд по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство (или права на исполнение судебного решения) в разумный срок / С. Ф. Афанасьев, В. Ф. Борисова. – Текст :

непосредственный // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – № 12. – С. 3–8.

9. Барышников, П. С. Влияние Совета Европы на гражданское процессуальное право России // П. С. Барышников. – Текст : непосредственный // *Актуальные проблемы российского права.* – 2016. – № 2. – С. 61–69.

10. Белов, С. А. Национальный механизм исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека (на примере России) С. А. Белов. – Текст : непосредственный // *Закон.* – 2019. – № 6. – С. 90.

11. Бенуа-Ромер, Ф. Право Совет Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству / Ф. Бенуа-Ромер, Х. Клебес. – М., 2007. – С. 35. – Текст : непосредственный.

12. Блажеев, В. В. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций / В. В. Блажеев. – Текст : непосредственный // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2008. – № 11. – С. 45.

13. Богаченко-Мишевский, А. Исполнение по-европейски, анализ Закона Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского Суда по правам человека» / А. Богаченко-Мишевский. – Текст : непосредственный // *Юридическая практика.* – 2006. – № 14. URL: <http://www.yurpractika.com/article.php?id=10005864> (дата обращения: 05.07.2010).

14. Боднар, А. Эффективность Европейской Конвенции по правам человека в Польше / А. Боднар. – Текст : непосредственный // *Сравнительное конституционное обозрение.* – 2010. – № 4(76). С. 72–78.

15. Боднарчук, О. В. Комментарий к особому мнению к Постановлению Большой палаты ЕСПЧ по делу «Бака против Венгрии» от 23 июня 2016 г. Жалоба № 20261/12 / О. В. Боднарчук. – Текст : непосредственный // Пауло Пинто де Альбукерке Особое мнение в поисках истины. – М., 2018. – С. 13.

16. Бодрягина, О. Зигзаги процесса. Интервью с Л. М. Жарковой, судьей Конституционного Суда РФ, заслуженным юристом РФ / О. Бодрягина. – Текст : непосредственный // *ЭЖ-Юрист.* – 2010. – № 18. – С. 76–79.

17. Бондарь, Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ / Н. С. Бондарь. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 36–40.

18. Боннер, А. Т., Котов О.Ю. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека / А. Т. Боннер, О. Ю. Котов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2008. – № 4. – С. 199–211.

19. Боннер, А. Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью / А. Т. Боннер. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 5. – С. 11–31.

20. Бурков, А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России / А. Л. Бурков. – М., 2010. – 150 с. – Текст : непосредственный.

21. Бутнев, В. В. Механизм защиты субъективных прав / В. В. Бутнев. – Текст : непосредственный // LEX RUSSICA. – 2014. – № 3. – С. 274–283.

22. Бэкон, Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон / Ф. Бэкон. – URL: http://www.ruslib.com/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_Piece40.26. – Текст : электронный.

23. Вахитов, Р. С. Осуществление правосудия с участием арбитражных заседателей / Р. С. Вахитов. – Текст : непосредственный // Арбитражная практика. – 2005. – № 4. – С. 17–23.

24. Викут, М. А. К вопросу о реализации части 4 статьи 15 Конституции РФ в сфере российского гражданского судопроизводства (проблемы теории и практики применения) / М. А. Викут, С. Ф. Афанасьев. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 3. – С. 49–55.

25. Витрук, Н. В. Исполнение решений Европейского Суда по правам человека о признании нарушения Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод / Н. В. Витрук. – Текст : непосредственный // Российское правосудие. – 2011. – № 11. – С. 41–45.

26. Витрук, Н. В. О юридической силе решений Европейского Суда по правам человека, Н. В. Витрук. – Текст : непосредственный // *Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия : материалы Всероссийского совещания.* – М., 2004. С. 237–240.

27. Воронцова, И. В. Значение постановлений Европейского Суда по правам человека / И. В. Воронцова. – Текст : непосредственный // *Современное право.* – 2009. – № 8. – С. 117–120.

28. Воронцова, И. В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / И. В. Воронцова, Т. В. Соловьева ; под ред. О. В. Исаенковой. – М., 2010. – С. 6–10. – Текст : непосредственный.

29. Воронцова, И. В. Судебная практика и международные договоры как источники гражданского процессуального права : монография / И. В. Воронцова. – Йошкар-Ола, 2011. – 420 с. – Текст : непосредственный.

30. Вышинский, А. Я. Вопросы международного права и международной политики / А. Я. Вышинский. – М., 1949. – 466 с. – Текст : непосредственный.

31. Гаврилов, В. В. К вопросу о правосубъектности физических лиц в международном праве / В. В. Гаврилов. – Текст : непосредственный // *Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков : материалы межвузовской научной конференции, посвященной 40-летию юридического факультета ДВГУ.* – Владивосток, 1998. – С. 417–419.

32. Гаврилов, Е. В. Эволюционирующий характер практики Европейского Суда по правам человека о компенсации нематериального вреда юридическим лицам / Е. В. Гаврилов. – Текст : непосредственный // *Арбитражные споры.* – 2018. – № 2. – С. 99–117.

33. Гаджиев, Г. А. Категория «предназначение» в конституционном судопроизводстве / Г. А. Гаджиев. – Текст : непосредственный // *Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства.* – Казань, 2007. – С. 41–56.

34. Гаджиев, Х. И. Вопросы доказывания в практике Европейского Суда по правам человека / Х. И. Гаджиев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 78–95.

35. Глазкова, М. Е. Значение прецедентной практики Европейского Суда по правам человека для отправления правосудия по гражданским делам в Российской Федерации / М. Е. Глазкова. – Текст : непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2007. – № 1. – С. 156–160.

36. Гойденко, Е. Г. Отмена не вступивших в законную силу судебных решений в гражданском процессе / Е. Г. Гойденко. – Калуга, 2009. – С. 42. – Текст : непосредственный.

37. Гомьен, Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М., 1998. – 220 с. – Текст : непосредственный.

38. Горюнова, Е. Н. Диалектика юридических фактов в системе правовых норм / Е. Н. Горюнова. – Белгород. – 2002. – С. 79–114. – Текст : непосредственный.

39. Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. А. Г. Давтян. – М., 2008. – 460 с. – Текст : непосредственный.

40. Гукасян, Р. Е. Горизонты и ориентиры процессуальной науки / Р. Е. Гукасян // Гукасян, Р. Е. Избранные труды. – М., 2008. – 458 с. – Текст : непосредственный.

41. Демичев, А. А. Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России / А. А. Демичев, О. В. Исаенкова. – Текст : непосредственный // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 3. – С. 33–39.

42. Дженнис, М. Европейское право в области прав человека / М. Дженнис, Р. Кэй, Э. Брэдли. – М., 1997. – С. 30–34. – Текст : непосредственный.

43. Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. – М. : Норма, 2005. – С. 164–167. – Текст : непосредственный.

44. Ершов, В. В. Актуальные теоретические и практические вопросы Конституции России и Тырновской Конституции Болгарии / В. В. Ершов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2004. – № 6. – С. 15–20.

45. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений / В. В. Ершов. – М., 2017. – С. 609–619. – Текст : непосредственный.

46. Ершов, В. В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека / В. В. Ершов. – Текст : непосредственный // Российское правосудие. – 2007. – № 1. – С. 31–42.

47. Ершова, Е. А. Прецеденты толкования Европейского Суда по правам человека / Е. А. Ершова, В. В. Ершов. – Текст : непосредственный // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия : сборник статей / отв. ред. В. В. Ершов, Н. А. Тузов. – М. : Статут, 2008. – С. 592–602.

48. Жилин, Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы / Г. А. Жилин. – М., 2010. – Текст : непосредственный.

49. Жилин, Г. А. Применение норм международного права при определении порядка осуществления правосудия по гражданским делам / Г. А. Жилин. – Текст : непосредственный // Конституционно-право и международное право: взаимодействие и развитие в современную эпоху. – М., 2010. – С. 106–126.

50. Завадский, А. В. К учению о толковании и применении гражданских законов / А. В. Завадский. – М., 2008. – 202 с. – Текст : непосредственный.

51. Загайнова, С. К. Место судебной практики среди источников российского права: историографический анализ / С. К. Загайнова. – Текст : непосредственный // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2006. – № 4. – С. 237–245.

52. Зайков, Д. Е. Отпуск по уходу за ребенком для военнослужащих мужского пола: быть или не быть? / Д. Е. Зайков. – Текст : непосредственный // Право в Вооруженных Силах. – 2011. – № 5. – С. 7–12;

53. Зайцева, В. В. Процесс пошел, господа арбитражные заседатели! / В. В. Зайцева. – Текст : непосредственный // Бизнес-адвокат. – 2002. – № 13. – С. 2–8.

54. Зимненко, Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации : курс лекций. Общая часть / Б. Л. Зимненко. – М., 2010. – С. 223–247. – Текст : непосредственный.

55. Зимненко, Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации / Б. Л. Зимненко. – М., 2006. – 318 с. – Текст : непосредственный.

56. Зорькин, В. Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия на современном этапе: новые перспективы / В. Д. Зорькин. – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 45–53.

57. Зорькин, В. Д. На вершине судебной власти / В. Д. Зорькин. – Текст : непосредственный // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 41. – С. 45–53.

58. Зорькин, В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ / В. Д. Зорькин. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.

59. Зорькин, В. Д. Проблемы реализации конвенции о правах человека / В. Д. Зорькин. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72> (дата обращения: 23.10.2015). – Текст : электронный.

60. Зорькин, В. Д. Реализация Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правовом поле / В. Д. Зорькин. – Текст : непосредственный // Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М., 2008. – 489 с. Зорькин, В. Д. Сон права рождает произвол. Как понять, что является подлинным правом / В. Д. Зорькин. – Текст : непосредственный // Российская газета. Федеральный выпуск № 7288 (122). – URL: <https://rg.ru/2017/06/06/valerij-zorkin-son-prava-rozhdaet-proizvol.html> (дата обращения: 06.09.2019).

61. Зорькин, В. Д. Интеграция Европейского конституционного пространства / В. Д. Зорькин. – Текст : непосредственный // Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. – М., 2007. – 338 с.

62. Игнатенко, Г. В. Арбитражный процессуальный кодекс РФ в международно-правовом измерении: достижения и упущения / Г. В. Игнатенко,

И. В. Федоров. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 20–28.

63. Игнатенко, Г. В. Международно-правовые аспекты взаимодействия материальных и процессуальных норм в АПК и ГПК РФ / Г. В. Игнатенко, И. В. Федоров. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2003. – № 1. – С. 36–42.

64. Игнатенко, Г. В. Современные аспекты судебного правоприменения международных актов / Г. В. Игнатенко. – Текст : непосредственный // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации : сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2003. – С. 51–58.

65. Иеринг, Р. О существе юридического формализма вообще / Р. Иеринг. – Текст : непосредственный // Журнал Министерства юстиции. – 1860. – Т. 5. – Ч. 2. – 402 с.

66. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг. – СПб., 1905. – 150 с. – Текст : непосредственный.

67. Иеринг, Р. Борьба за право / Р. Иеринг. – СПб., 2006. – 36 с. – Текст : непосредственный.

68. Канашевский, В. А. Международные нормы и гражданское законодательство России / В. А. Канашевский. – М., 2004. – 250 с. – Текст : непосредственный.

69. Кардозо, Б. Н. Природа судебной деятельности / Б. Н. Кардозо. – М., 2017. – 170 с. – Текст : непосредственный.

70. Кархалев, Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение / Д. Н. Кархалев. – М., 2009. – 124 с. – Текст : непосредственный.

71. Квитко, Н. Суд – европейский, проблемы – российские / Н. Квитко. – Текст : непосредственный // Законность. – 2007. – № 1 ; СПС «КонсультантПлюс».

72. Кельзен, Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция) / Г. Кельзен. – Текст : непосредственный // Право и политика. – 2006. – № 8, 9 ; СПС «КонсультантПлюс».

73. Ковлер, А. И. Герасимов и другие против России – новое пилотное постановление Европейского Суда / А. И. Ковлер. – Текст : непосредственный // Международное правосудие. – 2014. – № 3. – С. 23–34.

74. Ковлер, А. И. Денежные обязательства и обязательства в натуре государства в свете практики Европейского Суда по правам человека / А. И. Ковлер. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2017. – №11. – С. 43–53.

75. Ковлер, А. И. Деятельность Европейского Суда по правам человека и правовая система Российской Федерации / А. И. Ковлер. – Текст : непосредственный // Международное право : учебник / Б. М. Ашавский, М. М. Бирюков, В. Д. Бордунов [и др.] ; отв. ред. С. А. Егоров. – М., 2015. – 848 с.

76. Ковлер, А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека / А. И. Ковлер. – М., 2019. – С. 252. – Текст : непосредственный.

77. Ковлер, А. И. Проблемы международного права в решениях Европейского Суда по правам человека (международная правосубъектность индивида и иммунитет государства) / А. И. Ковлер. – Текст : непосредственный // Российский ежегодник международного права. – М., 2002. – 302 с.

78. Ковлер, А. И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) / А. И. Ковлер. – Текст : непосредственный // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. – М., 2015. – С. 19–64.

79. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ / под ред. Г. А. Жилина. – М., 2004. – Текст : непосредственный.

80. Коркунов, Н. М. Лекции по международному праву / Н. М. Коркунов. – СПб., 1983–1884. – С. 4–5. – Текст : непосредственный.

81. Красиков, Д. В. Европейский Суд по правам человека / Д. В. Красиков. – Текст : непосредственный // Институты Международного правосудия / под ред. В. Л. Толстых. – М., 2014. – 309 с.

82. Курдюков, Г. И. Международный и конституционно-правовой аспекты юридической природы постановлений Европейского Суда по правам человека / Г. И. Курдюков, С. В. Александров. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2012. – № 6. – С. 46–50.

83. Курис, П. Международные правонарушения и ответственность государства / П. Курис. – Вильнюс, 1971. – С. 52. – Текст : непосредственный.

84. Лазарев, В. В. «Отъемлемые» и «неотъемлемые» права и свободы человека и гражданина / В. В. Лазаев. – Текст : непосредственный // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства. – М., 2010. – С. 64.

85. Лазарев, В. В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство / В. В. Лазарев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 5–16.

86. Лазарев, В. В. Место решений Европейского Суда по правам человека в национальной правовой системе / В. В. Лазарев, Е. Н. Мурашова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2007. – № 9. – С. 24.

87. Лапаева, В. В. Дело «Константин Маркин против России» в контексте проблемы национального суверенитета / В. В. Лапаева. – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 2. – С. 77–90.

88. Лапаева, В. В. Проблема соотношения юридической силы Конституции РФ и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (по материалам дела «К. Маркин против России») / В. В. Лапаева. – URL: <http://igpran.ru/articles/2957/>. – Текст : электронный.

89. Левин, Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве / Д. Б. Левин. – М., 1966. – 74 с. – Текст : непосредственный.

90. Лесницкая, Л. Ф. Некоторые проблемы пересмотра судебных постановлений в суде общей юрисдикции / Л. Ф. Лесницкая. – Текст : непосредственный // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. – М., 2008. – 195 с.

91. Липкина, Н. Н. К вопросу об *erga omnes* эффекте правовых позиций Европейского Суда по правам человека / Н. Н. Липкина. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 1. – С. 240–246.

92. Лучин, В. О. Конституция РФ проблемы реализации / В. О. Лучин. – М., 2002. – 608 с. – Текст : непосредственный.

93. Любченко, М. Я. Постановления Европейского Суда по правам человека – источник гражданского процессуального права России? / М. Я. Любченко. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 2. – С. 2–7.

94. Малинин, М. И. Теория гражданского процесса / М. И. Малинин. – Текст : непосредственный // Труды по гражданскому процессу. – М., 2014. – 407 с.

95. Малинин, М. И. Убеждение судьи в гражданском процессе / М. И. Малинин. – Одесса, 1873. – 52 с. – Текст : непосредственный.

96. Манукян, В. И. Европейский Суд по правам человека / В. И. Манукян. – Киев, 2006. – С. 34.

97. Марченко, М. Н. Юридическая природа и характер решений Европейского Суда по правам человека / М. Н. Марченко. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 19–26.

98. Матвеев, Д. Ю. Обеспечение реализации в РФ постановлений Европейского Суда по правам человека / Д. Ю. Матвеев. – Текст : непосредственный // Юрист-международник. – 2004. – № 4 ; СПС «КонсультантПлюс».

99. Международное право : учебник / Б. М. Ашавский, М. М. Бирюков, В. Д. Бордунов [и др.] ; отв. ред. С. А. Егоров. – М. : Статут, 2015. – 848 с. – Текст : непосредственный.

100. Международное право. Общая часть : учебник / Г. Я. Бакирова, П. Н. Бирюков, Р. М. Валеев [и др.] ; отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. – М. : Статут, 2011. – 543 с. – Текст : непосредственный.
101. Мингазов, Л. Х. Эффективность норм международного права / Л. Х. Мингазов. – Казань, 1990. – 154 с. – Текст : непосредственный.
102. Михеенкова, М. А. Некоторые аспекты влияния Европейского Суда по правам человека на развитие российского доказательственного права / М. А. Михеенкова. – Текст : непосредственный // Судья. – 2017. – № 2. – С. 39–44.
103. Мкртумян А. Правовые средства пересмотра судебных актов (практика и проблемы) / А. Мкртумян. – Текст : непосредственный // Эффективность правосудия : сборник материалов 3-й международной конференции судей. –Тбилиси. – 2005. – С. 48–49.
104. Монтень, М. Опыты. В трех книгах. Книга третья / М. Монтень. – М., 1981. – 269 с. – Текст : непосредственный.
105. Мусин, В. А. О реформировании надзорного производства в судах общей юрисдикции / В. А. Мусин. – Текст : непосредственный // Тенденции развития гражданского процессуального права России. – СПб., 2008. – С. 48.
106. Мусин, В. А. Судебная защита: соотношение внутригосударственного и межгосударственного правосудия / В. А. Мусин. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceMysin.aspx> (дата обращения: 02.10.2015). – Текст : электронный.
107. Нахова, Е. А. Принцип свободной оценки доказательств в системе принципов доказательственного права в гражданском судопроизводстве / Е. А. Нахова. – Текст : непосредственный // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 1. – С. 85–92.
108. Нешатаева, Т. Н. Решения Европейского Суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательства и правоприменительную практику / Т. Н. Нешатаева. – М., 2014. – С. 39–40. – Текст : непосредственный.
109. Никулинская, Н. Ф. Европейские стандарты осуществления недобровольной госпитализации в психиатрический стационар и российское

законодательство / Н. Ф. Никулинская. – Текст : непосредственный // Юридическая психология. – 2007. – № 2. – С. 89–97.

110. Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции. – Киев, 2004. – 359 с. – Текст : непосредственный.

111. Обращение в Европейский Суд по правам человека / под ред. Ф. Лич. – М., 2006. – 162 с. – Текст : непосредственный.

112. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс / Г. Л. Осокина. – М., 2007. – 737 с. – Текст : непосредственный.

113. Осторожно, экстремизм! Анализ законодательства о противодействии экстремистской деятельности и практики его применения / А. М. Верховский, М. А. Ледовских, А. Р. Султанов ; под ред. М. А. Ледовских. – Воронеж: ООО фирма «Элист», 2013. – 122 с. – Текст : непосредственный.

114. Отношения Конституционного Суда РФ и других национальных органов с европейскими судебными инстанциями, а также их взаимодействие : национальный доклад Конституционного Суда РФ на XII конференции Европейских Конституционных Судов. – Брюссель. 2002. – URL: <https://www.confconstco.org/reports/rep-xii/Rusland-RU.pdf> (доступ: 31.10.2019). – Текст: электронный.

115. Пацация, М. Ш. Европейский Суд по правам человека и пересмотр судебных актов по арбитражным делам / М. Ш. Пацация // Законодательство и экономика. – 2006. – № 3 ; СПС «КонсультантПлюс».

116. Переводы на русский язык некоторых решений и заключений Комитета по правам человека. – URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrcommittee/Rdecs&views.html> (дата обращения: 01.07.2010).

117. Перчаткина, С. А. Некоторые аспекты влияния конституционного правосудия на соотношение международного и конституционного права (на примере Австрии и Германии) / С. А. Перчаткина. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 20. – С. 36–39.

118. Перчаткина, С. А. Роль органов конституционного правосудия в выполнении международных обязательств / С. А. Перчаткина. – Текст : непосредственный // Законность. – 2009. – № 12. – С. 25–29.

119. Покровский, И. А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права / И. А. Покровский. – СПб., 1909. – 53 с. – Текст : непосредственный.

120. Покровский, И. А. Желательная постановка гражданского права в изучении и преподавании / И. А. Покровский. – Текст : непосредственный // Университетский вопрос в России. – М., 2017. – 641 с.

121. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М. : Статут, 2003. – С. 87–88. – Текст : непосредственный.

122. Поляков, С. Б. Правонарушитель – орган судебной власти? / С. Б. Поляков. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2010. – № 9. – С. 26–30.

123. Поляков, С. Б. Правонарушитель – орган судебной власти? / С. Б. Покровский. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2010. – № 9. – С. 26–30.

124. Рабцевич, О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование / О. И. Рабцевич. – М., 2005. – 91 с. – Текст : непосредственный.

125. Рехтина, И. В. Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека: проблемы теории и практики / И. В. Рехтина. – Текст : электронный // Российская юстиция. – 2007. – № 11 ; СПС «КонсультантПлюс».

126. Рехтина, И. В. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве / И. В. Рехтина. – М., 2018. – С. 113. – Текст : непосредственный.

127. Рехтина, И. В. Постановления Европейского Суда по правам человека как фактор, обуславливающий динамику гражданского процессуального законодательства России / И. В. Рехтина. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2011. – № 4. – С. 81–85.

128. Рехтина, И. В. Постановления Европейского Суда по правам человека: проблемы применения и исполнения / И. В. Рехтина. – Текст : электронный // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 6 ; СПС «КонсультантПлюс».

129. Саидов, А. Х. Общепризнанные права человека : учебное пособие / А. Х. Саидов ; под. ред. проф. И. И. Лукашук. – М., 2004. – 458 с. – Текст : непосредственный.

130. Самович, Ю. В. Международная судебная защита прав человека / Ю. В. Самович. – Казань, 2006. – 315 с. – Текст : непосредственный.

131. Свирич, Ю. А., Леус Е.В. К вопросу об источниках гражданского процессуального права / Ю. А. Свирич, Е. В. Леус. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2015. – № 3. – С. 73–78.

132. Смагина, Е. С. Завершена ли «процессуальная революция»? / Е. С. Смагина. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 113–123.

133. Снежко, О. А. Дефекты российского правосудия в решениях Европейского Суда по правам человека / О. А. Снежко. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 19. С. 5–10.

134. Соловьева, Т. В. Роль национальных судов в процессе реализации постановлений Европейского Суда по правам человека / Т. В. Соловьева. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2012. – № 7. – С. 63–65.

135. Сотрудничество между конституционными судами в Европе – рамочные условия и перспективы в настоящее время : национальный доклад Конституционного Суда РФ XVI Конгрессу Конференции Европейских Конституционных Судов. – Вена, 2014. – URL: <https://www.confconstco.org/reports/rep-xvi/KF-Russie-RU.pdf> (доступ: 31.10.2019). – Текст : электронный.

136. Степаненко, Р. Ф. Процессуальность права в аксиологическом измерении: общетеоретические и методологические проблемы / Р. Ф. Степаненко.

– Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 3. – С. 34–44.

137. Султанов, А. Р. ЕСПЧ и защита от нарушений свободы совести в России / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Законодательство и экономика. – 2015. – № 8. – С. 7–13.

138. Султанов, А. Р. Новая веха в исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека: значение и правовые последствия постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 №4-П / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 4. – С. 142–154.

139. Султанов, А. Р. Формализм гражданского процесса и стандарты справедливого правосудия / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2012 – № 3. – С. 73–93.

140. Султанов, А. Р. *Amicus curiae* – друг суда и российское судопроизводство / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 6. – С. 16–20.

141. Султанов, А. Р. А напоследок я скажу / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 4. – С. 296–303.

142. Султанов, А. Р. Аксиомы и принципы справедливого правосудия, их практическое применение / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражная практика. – № 7. – 2008. – С. 73–79.

143. Султанов, А. Р. Арбитражное флеш-правосудие? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 60–77.

144. Султанов, А. Р. Безусловное безобразие, или является ли полное копирование текста возражений допустимым в качестве судебного решения? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 5. – С. 264–282.

145. Султанов, А. Р. Борьба за право на обжалование судебного решения / А. Р. Султанов. – М. : Статут. 2014. – 526 с. – Текст : непосредственный.

146. Султанов, А. Р. Борьба за право обжалования / А. Р. Султанов. – М. : Статут, 2022. – 590 с. – Текст : непосредственный.

147. Султанов, А. Р. Борьба за правовую определенность или поиск справедливости / А. Р. Судтанов. – М., 2015. – 216 с. – Текст : непосредственный.

148. Султанов, А. Р. Борьба за свободу мысли или что такое европейские правовые стандарты / А. Р. Султанов. – М. : Статут. 2017. – 464 с. – Текст : непосредственный.

149. Султанов, А. Р. Будущее системы защиты прав и свобод человека и Россия / А. Р. Султанов // Адвокатские вести. – 2010. – № 3–4. – С. 22–25.

150. Султанов, А. Р. Будущее системы защиты прав и свобод человека и Россия / А. Р. Султанов // Адвокатские вести. – 2010. – № 3–4. – С. 22–25.

151. Султанов, А. Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского Суда по правам человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 85–92.

152. Султанов, А. Р. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на отправление правосудия в России через призму дела «Сутяжник против России» / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2009. – № 11. – С. 90–101.

153. Султанов, А. Р. Вопросы межотраслевой преюдиции / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2011. – № 6. – С. 34–42.

154. Султанов, А. Р. Восстановление нарушенных прав и свобод человека и проблемы правопреемства государственных органов через призму европейских стандартов / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2011. – № 2. – С. 103–113.

155. Султанов, А. Р. Временные меры ЕСПЧ как обеспечительные меры в российской практике / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2015. – № 8. – С. 5–10.

156. Султанов, А. Р. Встречный иск при рассмотрении споров, вытекающих из публичных правоотношений / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 3. – С. 129–141.

157. Султанов, А. Р. Гражданский процесс и корпоративные войны / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Корпоративные споры. – 2006. – № 1. – С. 100–109.

158. Султанов, А. Р. Депутатский запрос в Конституционном Суде РФ против исполнения постановлений Европейского суда по правам человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Юридические науки и образование. Баку. – 2015. – № 44. – С. 187–205.

159. Султанов, А. Р. Доказывание и оценка в практике ЕСПЧ по делам о свободе выражения мнений / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Л. В. Войтович, В. И. Кайнова. – 2019. – С. 359–368.

160. Султанов, А. Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского Суда по правам человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 62–65.

161. Султанов, А. Р. Допрос свидетелей в налоговых спорах и должная правовая процедура / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Налоги. – 2017. – № 2. – С. 23–27.

162. Султанов, А. Р. Допрос свидетелей в налоговых спорах: замечания практика / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Налоговед. – 2017. – № 2. – С. 56–65.

163. Султанов, А. Р. Дорогой друг и неоднократный товарищ (памяти Александра Тимофеевича Боннера) / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10. – № 6. – С. 326–338.

164. Султанов, А. Р. Европейские правовые стандарты доказывания и оценки доказательств / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 96–113.

165. Султанов, А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика / А. Р. Султанов. – М. : Статут, 2012. – 335 с. – Текст : непосредственный.

166. Султанов, А. Р. Европейские правовые стандарты: уроки истории и правоприменительная практика / А. Р. Султанов. – М., 2012. – С. 91–97. – Текст : непосредственный.

167. Султанов, А. Р. Европейские стандарты в гражданском судопроизводстве на примере проблемы «экстремистских дел» / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2011. – № 1. – С. 103–152.

168. Султанов, А. Р. ЕСПЧ дал Верховному Суду РФ шанс, признав вторую кассацию в гражданском процессе / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2015. – № 7. – С. 127–133.

169. Султанов, А. Р. Еще один урок Европейского Суда по правам человека по защите свободе совести / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 2. – С. 40–44.

170. Султанов, А. Р. Еще один урок Европейского Суда по правам человека по защите свободе совести / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 2. – С. 40–44.

171. Султанов, А. Р. Жажда правосудия: борьба за суд / А. Р. Султанов. – М. : Статут, 2014. – 303 с. – Текст : непосредственный.

172. Султанов, А. Р. Жажда справедливости или жажда правосудия / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 11. – С. 64–77.

173. Султанов, А. Р. Заметки о праве на ложь в процессе с точки зрения философии / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 3 (26). – С. 65–71.

174. Султанов, А. Р. Защита от нормативных актов, утративших силу / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 231–252.

175. Султанов, А. Р. Защита от нормативных актов, утративших силу / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 231–252.

176. Султанов, А. Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского Суда по правам человека / А. Р. Султанов. – М. : Статут, 2013. – 544 с. – Текст : непосредственный.

177. Султанов, А. Р. Имплементация Постановлений ЕСПЧ и о некоторых последствиях Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Служение праву: сборник статей. Памяти профессора В. А. Туманова ; под ред. Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. – М., 2017. – С. 169–176.

178. Султанов, А. Р. Иск о признании отсутствия задолженности – установление негативного факта? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 6 (49). – С. 71–75.

179. Султанов, А. Р. К 15-летнему юбилею действия для России Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколов к ней / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 4. – С. 285–294.

180. Султанов, А. Р. К вопросу об источниках гражданского процессуального права / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 3. – С. 266–279.

181. Султанов, А. Р. Как бороться с фейком в налоговых спорах, или возможен ли пересмотр судебных актов при обнаружении лжи? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2019. – № 9. – С. 122–130.

182. Султанов, А. Р. Как дело о цензурном запрете помогло появлению важнейших правовых позиций Большой палаты Европейского Суда по правам

человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Журнал конституционализма и прав человека. – 2013. – № 1. – С. 53–63.

183. Султанов, А. Р. Кассационное производство в Верховном Суде РФ для формирования единообразной практики / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 7. – С. 21–29.

184. Султанов, А. Р. Комментарий к постановлению Европейского Суда по правам человека по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации» / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Международное правосудие. – 2013. – № 3. – С. 25–30.

185. Султанов, А. Р. Кому можно заявить встречный иск, или толкование, ограничивающее средства защиты / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2017. – Т. 7. – № 6. – С. 225–246.

186. Султанов, А. Р. Конституционный Суд РФ и ЕСПЧ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Защита основных прав и свобод человека и гражданина: тенденции и перспективы. Материалы Всероссийского «Круглого стола», приуроченного к 70-летию Конвенции о защите прав человека и основных свобод. – М., 2021. – С. 137–145.

187. Султанов, А. Р. Копипаст как отказ в правосудии / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 5. – С. 40–44.

188. Султанов, А. Р. Ложь и правовая определенность / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 4 (27). – С. 154–159.

189. Султанов, А. Р. Ложь стороны в арбитражном суде как процессуальный юридический факт / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11. – № 4. – С. 70–86.

190. Султанов, А. Р. Ложь, добросовестность в гражданском праве и процессе / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 5 (42). – С. 62–66.

191. Султанов, А. Р. Манипуляции с подсудностью / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2008. – № 9. – С. 103–119.
192. Султанов, А. Р. Международная правосубъектность личности / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества : сборник научных трудов по материалам II Ежегодной международной научно-практической конференции / под ред. А. А. Ващенко. – 2017. – С. 438–440.
193. Султанов, А. Р. Метаморфозы в решениях Европейского Суда по правам человека - миф или реальность? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 2. – С. 28–31.
194. Султанов, А. Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2014. – № 8. – С. 114–118.
195. Султанов, А. Р. Находится ли защита прав и свобод человека в коллизии с правовой определенностью? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 2. – С. 60–64.
196. Султанов, А. Р. Недопустимость подачи нескольких встречных исков - идол театра? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 2. – С. 104–125.
197. Султанов, А. Р. Новая веха в исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека: значение и правовые последствия Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 4. – С. 142–154.
198. Султанов, А. Р. О возможности применения естественно-правового подхода к источникам гражданского процессуального права / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 5. – С. 3–8.

199. Султанов, А. Р. О возобновлении производства при выявлении новых доказательств, скрытых от суда стороной / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 236–249.

200. Султанов, А. Р. О кассационном производстве по делам об оспаривании нормативных актов / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2010. – № 1. – С. 44–48.

201. Султанов, А. Р. О некоторых процессуальных вопросах в конституционном процессе и европейских стандартах / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Цивилистика: право и процесс. – 2021. – № 4. – С. 164–172.

202. Султанов, А. Р. О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2014. – № 1. – С. 24–29.

203. Султанов, А. Р. О пересмотре судебных актов судов общей юрисдикции в качестве принятия индивидуальных мер, необходимых для исполнения Россией постановлений Европейского суда по правам человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 6. – С. 24–27.

204. Султанов, А. Р. О правах лиц, не участвующих в деле, и процессуальных сроках с точки зрения Конституции РФ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокатская практика. – 2007. – № 5. – С. 17–22.

205. Султанов, А. Р. О праве заинтересованных лиц на обжалование решения по делу об оспаривании нормативного акта / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 5. – С. 87–109.

206. Султанов, А. Р. О правовой определенности и судебном нормотворчестве / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 34–39.

207. Султанов, А. Р. О применении европейских стандартов в гражданском судопроизводстве на примере проблемы «экстремистских дел» / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2010. – № 8. – С. 7–28.

208. Султанов, А. Р. О принципах и аксиомах справедливого правосудия и их применении / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражная практика. – 2008. – № 7. – С. 73–79.

209. Султанов, А. Р. О проблемах подведомственности и о конфликтах отрицательной компетенции / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2008. – № 7. – С. 164–174.

210. Султанов, А. Р. О проблеме кассационного обжалования решения лицами, не участвующими в деле / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. – М., 2008. – С. 384–399.

211. Султанов, А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов, через призму постановлений Европейского Суда по правам человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 11–14.

212. Султанов, А. Р. О противопоставлении Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – 2021. – № 16. – С. 199–208.

213. Султанов, А. Р. Об исполнении Постановлений Европейского Суда по правам человека, как средстве реализации конституционных ценностей / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4. – С. 15–18.

214. Султанов, А. Р. Об эффективных средствах защиты от необоснованного восстановления процессуальных сроков / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 1. – С. 56–77.

215. Султанов, А. Р. Обжалование и законный интерес в процедуре оспаривания нормативных актов / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2017. – № 10. – С. 49–54.

216. Султанов, А. Р. Обжалование судебных актов, вынесенных по делам об оспаривании нормативных актов, лицами, не участвовавшими в рассмотрении дела в суде первой инстанции / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2010. – № 4. – С. 143–155.

217. Султанов, А. Р. Оспаривание пробелов, как способ защиты прав и свобод человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – 2020. – № 15. – С. 164–172.

218. Султанов, А. Р. Отвод арбитражных заседателей / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2008. – № 3. – С. 163–171.

219. Султанов, А. Р. Отзыв на автореферат диссертации А. В. Деменевой на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Юридические последствия постановлений Европейского Суда по правам человека для Российской Федерации» / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 1. – С. 47–48.

220. Султанов, А. Р. Очерк о применении норм Конституции РФ и исполнении решений Конституционного Суда РФ в арбитражных судах и судах общей юрисдикции / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 2. – С. 283–313.

221. Султанов, А. Р. Очерк о применении норм Конституции РФ и исполнении решений Конституционного Суда РФ в арбитражных судах и судах общей юрисдикции / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 2. – С. 283–313.

222. Султанов, А. Р. Пересмотр судебных актов в связи с актами межгосударственных органов / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2008. – № 12. – С. 177–184.

223. Султанов, А. Р. Пересмотр судебных актов, вынесенных судами общей юрисдикции при рассмотрении споров, вытекающих из публичных правоотношений, в связи с установлением Европейским Судом нарушения

Конвенции о защите прав человека и основных свобод / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Российское правосудие. – 2009. – № 5 (37). – С. 39–47.

224. Султанов, А. Р. Подача второго встречного иска с точки зрения научной доктрины и АПК РФ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 6. – С. 116–128.

225. Султанов, А. Р. Подсудность – это субъективное право на рассмотрение дела в суде в соответствии с установленной подсудностью, или гарантия суда, произвольно установленного законодателем? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 6. – С. 46–65.

226. Султанов, А. Р. Подсудность – это субъективное право на рассмотрение дела в суде в соответствии с установленной подсудностью, или гарантия суда, произвольно установленного законодателем? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 6. – С. 46–65.

227. Султанов, А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 5. – С. 55–63.

228. Султанов, А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 5. – С. 230–262.

229. Султанов, А. Р. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / А. Р. Султанов. – М. : Статут, 2020. – 318 с. – Текст : непосредственный.

230. Султанов, А. Р. Постановления ЕСПЧ в гражданском процессе: перезагрузка? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 6. – С. 69–91.

231. Султанов, А. Р. Право как «самое святое, что есть у Бога на земле» / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник Гуманитарного университета. – 2021. – № 1 (32). – С. 129–135.

232. Султанов, А. Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2015. – № 1. – С. 5–17.

233. Султанов, А. Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Право и политика. – 2007. – № 5. – С. 30–39.

234. Султанов, А. Р. Правовая определенность и справедливость, или Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав... / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2007. – № 9. – С. 157–164.

235. Султанов, А. Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество. / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Законодательство и экономика. – 2007. – № 11. – С. 34–40.

236. Султанов, А. Р. Правовая определенность и уважение судебного решения, вступившего в законную силу, по делам об оспаривании действий государственных органов / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Законодательство и экономика. – 2011. – № 8. – С. 45–57.

237. Султанов, А. Р. Правовые позиции постановлений Конституционного Суда РФ и постановлений ЕСПЧ и их правовое значение для гражданского процесса / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Законодательство и экономика. – 2011. – № 4. – С. 87–92.

238. Султанов, А. Р. Правовые последствия немотивированности ненормативных правовых актов при их оспаривании в судах / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 4. – С. 221–231.

239. Султанов, А. Р. Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 64–72.

240. Султанов, А. Р. Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека для лиц, участвовавших в рассмотрении дела, и третьих лиц / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражная практика. – 2007. – № 7. – С. 79–85.

241. Султанов, А. Р. Правовые последствия постановлений Европейского Суда по правам человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 64–72.

242. Султанов, А. Р. Правовые последствия постановлений ЕСПЧ для лиц, участвовавших в рассмотрении дела, и третьих лиц / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Арбитражная практика. – 2007. – № 7. – С. 32–41.

243. Султанов, А. Р. Правосудие не может быть немотивированным! / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2018. – № 1. – С. 38–49.

244. Султанов, А. Р. Правосудие не может быть немотивированным! / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2018. – № 1. – С. 38–49.

245. Султанов, А. Р. Практика Европейского Суда по правам человека, повод учиться на чужих ошибках / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 6. – С. 17–19.

246. Султанов, А. Р. Практика Европейского Суда по правам человека, подучиться на чужих ошибках / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 6. – С. 17–19.

247. Султанов, А. Р. Практика исполнения Постановлений ЕСПЧ, как обеспечение реального восстановления нарушенных конвенционных прав и свобод / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Правосудие в Татарстане. – 2010. – № 3. – С. 46–49.

248. Султанов, А. Р. Практика исполнения Постановлений ЕСПЧ, как обеспечение реального восстановления нарушенных конвенционных прав и свобод / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Юрист. – 2010. – № 9. – С. 14–19.

249. Султанов, А. Р. Преюдиция, *res judicata* и обжалование / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // ЭЖ-ЮРИСТ. – 2010. – № 29. – С. 67–72.

250. Султанов, А. Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2013. – № 11. – С. 5–13.

251. Султанов, А. Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2013. – № 11. – С. 5–13.

252. Султанов, А. Р. Применение правовых позиций Конституционного Суда РФ или преждевременный пессимизм / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2009. – № 9. – С. 37–48.

253. Султанов, А. Р. Применение теории охранительных правоотношений к защите прав и свобод человека, защищаемых Европейской Конвенцией: исторический аспект / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 159–181.

254. Султанов, А. Р. Пробелы и защита прав и свобод человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса : Материалы III Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, аспирантов и магистрантов, Ростов-на-Дону, 14 апреля 2020 года. – Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспмятников Сергей Владимирович, 2020. – С. 189–198.

255. Султанов, А. Р. Проблема объяснений сторон в качестве доказательств в арбитражных суд / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Юридический аналитический журнал. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 25–48.

256. Султанов, А. Р. Проблема противостояния процессуальным злоупотреблениям в вопросах подсудности / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 6. – С. 29–55.

257. Султанов, А. Р. Проблема судебных актов, вынесенных с нарушением подсудности и подведомственности / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. – 2010. – № 1. – С. 140–153.

258. Султанов, А. Р. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2009. – № 9. – С. 65–77.

259. Султанов, А. Р. Продолжение дела «Маркин против России», или Как президиум Ленинградского окружного военного суда возбудил спор о конституционности п. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 во взаимосвязи со ст. 11 ГПК РФ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 5. – С. 260–286.

260. Султанов, А. Р. Проект изменений в ГПК РФ: утраченные иллюзии / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2007. – № 12. – С. 119–126.

261. Султанов, А. Р. Процессы об ограничении свободы выражения мнений и свободы совести, уроки истории и европейские стандарты / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2010. – № 10. – С. 56–70.

262. Султанов, А. Р. Процессы об ограничении свободы выражения мнений и свободы совести, уроки истории и европейские стандарты / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2010. – № 10. – С. 56–70.

263. Султанов, А. Р. Процессы об ограничении свободы выражения мнений и свободы совести, уроки истории и европейские стандарты / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2010. – № 10. – С. 56–70.

264. Султанов, А. Р. Ретроспективность правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ в административном судопроизводстве / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 4. – С. 247–261.

265. Султанов, А. Р. Снова о действии во времени актов Конституционного Суда РФ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 3. – С. 28–30.

266. Султанов, А. Р. Совершенствование ГПК РФ в свете решений Европейского Суда по правам человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2008. – № 6 (63). – С. 107–114.

267. Султанов, А. Р. Совершенствование системы защиты прав и свобод человека / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2012. – № 2. – С.25-34.

268. Султанов, А. Р. Споры о неподведомственности / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России : Международная научно-практическая конференция (14–15 сентября 2007 г.) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О. В. Исаенковой. – Саратов : Изд-во «Научная книга», 2007. – С. 233–238.

269. Султанов, А. Р. Умышленное искажение обстоятельств дела стороной в цивилистическом процессе: юридические последствия и способы пресечения / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 135–146.

270. Султанов, А. Р. Унификация норм о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам как совершенствование средств исправления судебной ошибки / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Закон. – 2007. – № 11. – С. 99–113.

271. Султанов, А. Р. Упрощение судопроизводства, или по ком звонит колокол? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2018. – Т. 8. – № 5. – С. 79–102.

272. Султанов, А. Р. Урок дела «Матыцина против Российской Федерации» / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2015. – № 12. – С. 5–24.

273. Султанов, А. Р. Уроки Постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «*Verein gegen tierfabriken schweiz* (Объединение против промышленного разведения животных) (*VgT*) против Швейцарии (№ 2)» (Жалоба № 32772/02) от 30.06.2009 / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 1. – С. 99–125.

274. Султанов, А. Р. Учет постановлений КС РФ и постановлений ЕСПЧ в цивилистическом процессе / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Пролог. – 2013. – № 2. – С. 34–40.

275. Султанов, А. Р. Цензурное прошлое и современная карательная цензура религиозных учений / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2012. – № 7. С. 58–68.

276. Султанов, А. Р. Человек против государства, межгосударственные органы, Россия / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 1. – С. 21–29.

277. Султанов, А. Р. Юридическая природа дел о признании информационных материалов экстремистскими с точки зрения гражданского процесса / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Адвокат. – 2012. – № 1. – С. 12–25.

278. Султанов, А. Р. Является ли немотивированное правосудие правосудием? / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2017. – № 12. – С. 29–33.

279. Султанов, А.Р. 25 лет в Совете Европы и снова дискуссия об обязательности постановлений ЕСПЧ / А. Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 6. – С. 154–178.

280. Султанов, А.Р. Европейский Суд по правам человека и конвенциональные охранительные правоотношения / А, Р. Султанов. – Текст : непосредственный // Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения: сборник материалов IX Международного конгресса сравнительного правоведения (Москва, 2 декабря 2019 г.). – М., 2020. – С. 95–109.

281. Терехова, Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты / Л. А. Терехова. – М., 2007. – 282 с. – Текст : непосредственный.

282. Тиунов, О. И. Конституционный суд и международно-правовые акты об обеспечении прав человека / О. И. Тиунов. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 1997. – № 7. – С. 35–43.

283. Толстых, В. Л. Международные суды и их практика / В. Л. Толстых. – М., 2015. – С. 37–38. – Текст : непосредственный.

284. Тренина, Д. В. Проблемы исполнения Россией постановлений Европейского Суда в делах о выдаче и высылке / Д. В. Тренина. – Текст : непосредственный // Международное правосудие. – 2014. – № 3. – С. 63–78.

285. Туманов, Д. А. Вновь к дискуссии о пункте 5 ст. 392 ГПК РФ и пунктах 6 и 7 ст. 311 АПК РФ, а также о необоснованно расширительном толковании п.1 ст.311 АПК РФ / Д. А. Туманов. – Текст : непосредственный // Право и политика. – 2008. – № 11.

286. Тэйлор, Т. Вступительная речь обвинения / Т. Тэйлор. – Текст : непосредственный // Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями. – М., 1970. – 350 с.

287. Ушаков, Н. А. Основания международной ответственности государств / Н. А. Ушаков. – М., 1983. – 320 с. – Текст : непосредственный

288. Фалькович, М. С. Отводы и самоотводы в арбитражном процессе / М. С. Фалькович. – Текст : непосредственный // ЭЖ-Юрист. – 2004 – № 37. – С. 64–65.

289. Федина, А. С. Значение решений Европейского Суда по правам человека в реализации принципа законности в гражданском судопроизводстве / А. С. Федина // Юрист. – 2007. – № 3. – С. 3–34.

290. Филатова, М. А. Страсбургский суд: есть ли путь между «суверенизмом» и «активизмом»? / М. А. Филатова. – Текст : непосредственный // Судья. – 2011. – № 10. – С. 58–61.

291. Финнис, Д. Естественное право и естественные права / Д. Финнис. – М., 2012. – 435 с. – Текст : непосредственный.

292. Фоков, А. П. Международные и национальные права в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: история, современность и проблемы взаимоотношений с Европейским судом по правам человека / А. П. Фоков. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 2–6.

293. Фриберг, Э. Выступления на круглом столе на тему между Мадридом и Интерлакеном – краткосрочная реформа Европейского Суда по правам

человека / Э. Фриберг. – Текст : непосредственный // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 11. – С. 9–14.

294. Фуллер, Л. Позитивизм и верность праву / Л. Фуллер. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2005. – № 11. – С. 135–141.

295. Фурсов, Д. А. Порядок рассмотрения дел об установлении факта экстремистской направленности распространяемой информации / Д. А. Фурсов. – Текст : непосредственный // Российское правосудие. – 2012. – № 7. – С. 43–46.

296. Хадсон, О. М. Международные суды в прошлом и будущем / О. М. Хадсон. – М., 1947. – 354 с. – Текст : непосредственный.

297. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М., 1974. – 267 с. – Текст : непосредственный.

298. Чайкина, А. В. Применение судами постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека по одному делу / А. В. Чайкина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3. – С. 125–133.

299. Четвернин, В. А. Проблемы теории права для особо одаренных студентов / В. А. Четвернин. – М., 2010. – 287 с. – Текст : непосредственный.

300. Чечина, Н. А. Гражданские процессуальные отношения / Н. А. Чечина // Чечина, Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб., 2004. – 623 с. – Текст : непосредственный.

301. Эбзеев, Б. С. Глобализация, Европейский консенсус и рецепция Россией европейских гуманитарных стандартов: механизмы и пределы / Б. С. Эбзеев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории и практик конституционного судопроизводства : сборник научных трудов. – Казань, 2007. – С. 76–82.

302. Юрова, Н. М. Международное гражданское процессуальное право / Н. М. Юрова. – М., 2008. – С. 221–228. – Текст : непосредственный.

303. Юрова, Н. М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации / Н. М. Юрова. – М., 2008. – 352 с. – Текст : непосредственный.

304. Яковлев, В. Ф. Результаты практики применения нового АПК РФ / В. Ф. Яковлев. – Текст : непосредственный // Арбитражная практика. – 2003. – № 6. – С. 6–15.

305. Ярков, В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права / В. В. Ярков. – Екатеринбург, 1992. – 98 с. – Текст : непосредственный.

4. Диссертации и авторефераты

1. Аверьянов, К. Ю. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кирилл Юрьевич Аверьянов. – М., 2013. – 28 с. – Текст : непосредственный.

2. Аристова, К. С. Принцип субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аристова Ксения Сергеевна. – М. 2012. – 29 с. – Текст : непосредственный.

3. Астратова, С. В. Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Астратова Станислава Владимировна. – Екатеринбург, 2013. – 26 с. – Текст : непосредственный.

4. Белякова, А. В. Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Белякова Анна Владимировна. – М., 2018. – Текст : непосредственный.

5. Богомолов, А. Б. Применение судами общей юрисдикции норм Конституции Российской Федерации (теоретико-правовой анализ) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Богомолов Андрей Борисович. – М., 2011. – 18 с. – Текст : непосредственный.

6. Винникова, Р. В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе РФ : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Винникова Рушания Васильевна. – Казань, 2003. – Текст : непосредственный.

7. Воронцова, И. В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Воронцова Ирина Викторовна. – Саратов, 2015. – 43 с. – Текст : непосредственный.

8. Глазкова, М. Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Глазкова Мария Евгеньевна. – М., 2010. – Текст : непосредственный.

9. Деменева, А. В. Юридические последствия Постановлений Европейского Суда по правам человека для Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Деменева Анна Валентиновна. – М., 2010. 28 с. – Текст : непосредственный.

10. Забрамная, Н. Ю. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Забрамная Наталья Юрьевна. – М., 2016. – Текст : непосредственный.

11. Иодковский, Э. В. Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иодковский Эрик Валентинович. – М., 2014. – Текст : непосредственный.

12. Корнилина, А. А. Влияние Постановлений Европейского Суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Корнилина Анна Александровна. – М., 2003. – 180 с. – Текст : непосредственный.

13. Лихачев, М. А. Статус личности как воплощение взаимодействия международно-правового и внутригосударственного регулирования : автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лихачев Максим Александрович. – М., 2011. 28 с. – Текст : непосредственный.

14. Метлова, И. С. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников российского права : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Метлова Ирина Сергеевна. – М., 2007. – 28 с. – Текст : непосредственный.

15. Мусаева, А. Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мусаева Анна Гамет кызы. – М., 2013. – 25 с. – Текст : непосредственный.

16. Петровский, Ю. В. Международно-правовая ответственность государств : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Петровский Ю. В. – Л., 1968. – 29 с. – Текст : непосредственный.

17. Поляков, С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Поляков Сергей Борисович. – Н. Новгород, 2011. – 44 с. – Текст : непосредственный.

18. Садчикова, О. В. Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Садчикова Оксана Валерьевна. – М., 2009. – 27 с. – Текст : непосредственный.

19. Сидоренко, А. И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского Суда по правам человека : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сидоренко Андрей Игоревич. – Пермь, 2016. – 30 с. – Текст : непосредственный.

20. Симонов, И. Д. Производство по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук / Симонов Илья Дмитриевич. – Самара, 2015. – 186 с. – Текст : непосредственный.

21. Шурутина, А. Д. Реализация Конвенции о защите прав человека и основных свобод в правовой системе Российской Федерации в контексте права на судебную защиту : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шурутина, Анастасия Дмитриевна. – М., 2017. – 31 с. – Текст : непосредственный